ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№3 (58) / 2012

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:
А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, Т.П. Карпилович, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В е с т н и к
Минского государственного
лингвистического
университета

Научно-методический
журнал

Выходит один раз в два месяца

Серия 1 **ФИЛОЛОГИЯ**

№3 (58), 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

Комалова Л.Р. Восприятие негативных эмоциональных состояний по слуховому каналу (на материале многоязычия) 5
Ольшевская А.Г. Неэксплицитное выражение категории каузативности в славянских и германских языках 17
Полевая А.И. Эмотивные микроситуации как способ представления эмотивной информации в художественном тексте 23

Романское и германское языкознание

Кожарина Т.В. Ассоциативный эксперимент по восприятию коннотативных топонимов носителями и неносителями французского языка 30
Кохнович Т.К. Ироничные высказывания как способ косвенной передачи смысла (на материале немецкого языка) 37
Красник А.В. Структура ассоциативного поля «Погода» в английском языке 45
Крот Л.Г. Лексическая антонимия в мотивационном аспекте 51
Пасовец И.И. Специфика воплощения интенции адресата в апеллятивных текстах современного немецкого языка 58
Патейчук Н.Ф. Мотивировочные признаки метафорических значений словообразовательных дериватов (на материале современного немецкого языка) 67
Пищако Т.А. Темпорально-смысловое пространство «настоящее время» и перспектива его концептуального анализа (на материале художественного текста) 73
Символокова Т.В. Символизация прецедентных имен в испанском художественном тексте 80
Толстая А.А. Потенциал посессивных конструкций в развертывании смыслового пространства художественного текста 89

Исследования славянских языков

Пахомова Ю.Н. Актуализация авторских интенций в публицистической речи 97
Урбанович И.Г. Библейские фразеологические реминисценции в свете авторской трансформации (на материале художественных произведений Ф. Искандера) 102

Проблемы прикладной лингвистики

Кравченко С.Ю. Лексико-грамматический классификатор японского языка 108

Литературоведение

Анапрэенка Н.Я. Міфалагічны кампанент у творчасці Б. Лесьмяна і М. Багдановіча 117
Хмяльніцкі М.М. Беларускія вобразы і матывы ў польскай паэзіі XX стагоддзя 123

Наши авторы 131

MINISTRY OF EDUCATION
REPUBLIC OF BELARUS

Minsk State Linguistic University Bulletin

Theoretical-scientific journal
Published once per two months

Series 1 **PHILOLOGY** **№ 3 (58), 2012**

CONTENTS

General and Typological Linguistics

Komalova L.R. Perception of Negative Emotional States by Acoustic Channel (on the Material of Multilinguality) 5
Alsheuskaya, A.G. Non-explicit Expression of Causativity in Slavic and Germanic Languages Romance and Germanic Linguistics 17
Polevaya A.I. Emotive Microsituations as a Way of Submission of Emotive Information in the Belletristic Text 23

Romance and Germanic Linguistics

Kojarina T.V. Associative Perception Experiment of Connotative Toponyms by Native Speakers and Non-native Speakers of French..... 30
Kokhnovich T.K. Ironic Utterances as a Means of Indirect Conveying of Meaning..... 37
Krasnik A.V. The Structure of the Associative Field "Weather" in English 45
Krot L.G. Lexical Antonymy in Motivational Aspect..... 51
Pasavets I.I. Specific Aspects of Implementation of Addressee's Intention in Appealing Texts of Modern German..... 58
Patsiaichuk N.F. Motivational Features of Metaphorical Meanings of Derivatives (on the German Language Material) 67
Pishchaka T.A. Temporal and Semantic Space «Present Time» and Prospects for its Conceptual Interpretation (Based on German Fiction) 73
Simvolokova T.V. The Symbolization of Precedental Names in Spanish Literary Text 80
Talstaya A.A. Potential of Possessive Structures in the Development of the Semantic Scope of the Literary Text 89

Slavonic Languages

Pakhomova Y.N. Actualization of Journalist's Intentions in Mass-Media 97
Urbanovich I.G. Biblical Phraseological Reminiscences in the Light of the Author's Transformation (based on the works of fiction by F. Iskander) 102

Applied Linguistics

Krauchanka S.Y. The Lexico-grammatical Classifier of Japanese Language 108

Studies in Literature

Anapreenka N.Ya. Mithological Component in B. Lesmyan's and M. Bogdanovich's Work... 117
Khmyalnitski M.M. Belarusian Motives and Imagery in the Polish Poetry of the XX century.. 123

Our authors 131

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Л.Р. Комалова

ВОСПРИЯТИЕ НЕГАТИВНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПО СЛУХОВОМУ КАНАЛУ
(на материале многоязычия)

В статье описывается прикладное исследование восприятия негативных эмоциональных состояний, продуцируемых в речевой коммуникации, на материале русского, английского, испанского и татарского языков. Представлены результаты эксперимента первой серии на базе слухового восприятия русскоязычными говорящими. Было выявлено, что текущее эмоциональное состояние реципиента влияет на оценку негативных эмоциональных состояний партнера по коммуникации и эмоционального фона коммуникации в целом.

В повседневной жизни в процессе межличностного общения оценка эмоционального состояния партнера по коммуникации происходит посредством анализа информации, передаваемой с помощью различных средств коммуникации и, соответственно, основана на мультимодальной системе восприятия, использующей в равной мере все рецепторы и анализаторы человеческого организма. Однако в специальных целях эксперт зачастую работает в режиме дефицита ситуативной информации о субъекте, а анализируемое сообщение представлено либо графически, либо акустически. В таких условиях работают, например, специалисты службы психологической поддержки, службы скорой помощи, эксперты-криминалисты, переговорщики, иными словами, специалисты, которые имеют дело с диагностикой в основном *негативных эмоциональных состояний* коммуниканта. И если в одном случае подобная диагностика требуется для оказания адекватной терапевтической помощи в момент общения, то в другом – для принятия решения о мерах предотвращения или пресечения определенного деструктивного поведения (например, аутоагрессии, выраженной в попытке суицида, или физической агрессии, предваряемой речевыми угрозами по отношению к заложникам).

По мнению А.Н. Лука, понятие *эмоциональное состояние* в одинаковой мере можно отнести к чувствам и к эмоциям. Автор выделяет четыре основные формы эмоциональных состояний, различающихся силой и продолжительностью: чувство, аффект, страсть, настроение [1, с. 17, 29]. Другой исследователь эмоций К.Э. Изард пишет, что эмоциональное состояние как отдельно взятый эмоциональный процесс ограниченной длительности может длиться от нескольких секунд до нескольких часов и быть более или менее интенсивным [2, с. 31].

Негативные или отрицательные эмоциональные состояния могут реализовываться в конструктивном или деструктивном плане. Так, Я. Рейковский отмечает двойственный план негативных эмоций: «Отрицательная эмоция – сложное явление. Она дезорганизует ту деятельность, которая приводит к ее

возникновению, но зато организует действия, направленные на уменьшение или устранение вредных воздействий. Таким образом, отрицательный процесс содержит в себе элементы как дезорганизации, так и организации» [3, с. 45]. К.Э. Изард, в свою очередь, подчеркивает, что в отношении знака эмоции было бы правильно говорить об эмоциях, способствующих конструктивному или деструктивному поведению человека по отношению к себе и окружающим [2, с. 34]. С перечнем номинаций негативных эмоций можно ознакомиться в работах [4; 5; 6, с. 5–42; 1, с. 24–25; 7, с. 14–15].

Потребность в точной диагностике негативных эмоциональных состояний дополняется задачей диагностики иноязычной речи в тех же условиях. В связи с данным запросом на базе Института прикладной и математической лингвистики ФГБОУ ВПО МГЛУ (г. Москва) под руководством профессора Р.К. Потаповой была составлена программа экспериментального исследования эмоциональных состояний, входящих в комплекс «агрессия», на материале четырех языков: русского, английского, испанского и татарского. Исследование имеет пролонгированный характер и состоит из серий экспериментов. В настоящей статье описываются результаты первого эксперимента в серии «восприятие русскоговорящими негативных эмоциональных состояний (на материале многоязычия)».

В данном случае мы развиваем фундаментальное исследование восприятия иноязычной речи профессора Р.К. Потаповой и В.В. Потапова в рамках прагмафонетики на материале немецкого и русского дискурсов [7; 8; 9; 10], основная задача которого заключалась «в выявлении специфики интерпретации эмоционального поведения иноязычных коммуникантов (носителей немецкого языка) на базе их вербальных и невербальных характеристик со стороны носителей русского языка» [9, с. 604].

Целью описываемого в настоящей статье эксперимента первой серии было определение точности оценки эмоционального состояния по одному из каналов по сравнению с оценкой, основанной на двухканальном восприятии. В настоящей статье представлены результаты эксперимента применительно к слуховому каналу восприятия.

Задачей данного эксперимента было сопоставление оценок негативных эмоциональных состояний, реализуемых в речи (при помощи вербальных и паравербальных средств коммуникации), на родном языке (русский), изучаемом языке (английский) и незнакомом языке (испанский/татарский), тремя группами испытуемых с: повышенным, пониженным и нейтральным эмоциональным фоном.

Гипотеза формулировалась следующим образом: текущее эмоциональное состояние испытуемого-реципиента влияет на оценку качества негативного эмоционального состояния, реализующегося в речи партнера по коммуникации. Такое влияние проявляется тем больше, чем менее знакомым является для воспринимающего человека язык коммуникации.

В качестве *материала* использовались фрагменты из полнометражных художественных кинофильмов и телесериалов отечественного и зарубежного происхождения со сценами речевой и физической агрессии. Обязательным условием было наличие словесного сопровождения; немое кино не входило в выборку материала. В целях настоящего эксперимента стимульный материал был разбит на две составные части – видеоряд без звука и звуковую дорожку без видео. В первой серии экспериментов звуковые дорожки подавались испытуемым отдельно, то есть восприятие базировалось только на звучащем материале, при этом оно было дефициентно.

Сценическая речь в кинематографическом произведении мало изучена. По данным В.И. Галунова, сценическую речь как экспериментальный материал для изучения эмоций скорее можно отнести к имитации реальной речи [11, с. 62]. В силу чего можно предположить, что эмоциональные состояния актеров, демонстрируемые с киноэкрана, носят относительный характер. Но нельзя не учитывать тот факт, что кинопроизведение служит средством обучения выражению принимаемых обществом и закрепленных в культуре эмоциональных состояний. Следовательно, эмоциональные состояния киноактеров находят достаточное сходство с реальностью. Подтверждение данного утверждения обнаруживается в работах некоторых исследователей [3, с. 147; 12, с. 46].

В описываемом эксперименте участвовало 36 человек. Формирование *групп испытуемых-аудиторов* проводилось по следующим критериям:

– отбирались русскоязычные испытуемые, изучающие английский язык и не знакомые с испанским и/или татарским языками;

– участники эксперимента – студенты 3 курса отделения прикладной лингвистики МГЛУ в возрасте 19–22 лет;

– в эксперименте участвовало небольшое количество мужчин, поэтому в процессе анализа их данные будут учитываться отдельно, а выводы можно будет отнести к особенностям женского восприятия.

Известно, что одно и то же эмоциональное состояние партнера по коммуникации или общего эмоционального фона коммуникации может восприниматься по-разному в зависимости от ситуации общения и от текущего эмоционального состояния реципиента [3, с. 148]. Поэтому непосредственно перед анализом стимульного материала испытуемые ($n = 36$) прошли психологическое тестирование, предназначенное для диагностики текущего состояния по методике А. Уэсмана и Д. Рикса [13, с. 94–96]. В качестве показателя текущего эмоционального состояния использовался суммарный балл по трем шкалам: 1) спокойствие – тревожность, 2) приподнятость настроения – подавленность, 3) уверенность в себе – чувство беспомощности ($min = 4$, $max = 40$). По результатам тестирования испытуемые были дифференцированы по трем группам: 1) сниженный эмоциональный фон (тревожность, усталость, подавленность, чувство беспомощности) ($n = 9$); повышенный эмоциональный фон (спокойствие, энергичность, бодрость, приподнятое настроение, уверенность в себе) ($n = 9$); нейтральный ($n = 9$). Сводные данные испытуемых представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сводные данные групп испытуемых

Пол исп.	Возраст (лет)	Родной язык	Изучаемый язык
1) Повышенный эмоциональный фон (n = 9)			
Ж	21	Абхазский, русский, чеченский	Английский, немецкий
Ж	21	Русский	Английский, немецкий
Ж	20	Русский	Английский, немецкий
Ж	21	Русский	Английский, немецкий
Ж	22	Русский	Английский, немецкий
Ж	21	Русский	Английский, немецкий
Ж	20	Русский	Английский, немецкий, французский
Ж	19	Русский	Английский, немецкий, французский, украинский
Ж	20	Русский	Английский, немецкий, итальянский
3) Пониженный эмоциональный фон (n = 9)			
М	20	Русский	Английский, немецкий
Ж	22	Русский	Английский, чешский, немецкий
М	21	Русский	Английский, немецкий, узбекский
Ж	20	Русский	Английский, немецкий
Ж	20	Русский	Английский, немецкий
Ж	19	Русский	Английский, немецкий
Ж	22	Русский	Английский, немецкий
Ж	20	Абхазский, русский	Английский, немецкий
Ж	20	Русский	Английский, немецкий
3) Нейтральный эмоциональный фон (n = 9)			
Ж	20	Русский	Английский, немецкий, итальянский
Ж	21	Русский	Английский, немецкий
Ж	20	Русский	Английский, немецкий
Ж	20	Русский, татарский	Английский, немецкий
М	21	Русский	Английский, немецкий, французский
Ж	20	Русский	Английский, французский, немецкий
Ж	21	Русский	Английский, немецкий
Ж	20	Русский	Английский, немецкий
М	21	Русский	Английский, немецкий

Испытуемые анализировали 24 фонограммы с монологами, диалогами и полилогами на четырех языках. Выходные данные фонограмм представлены в табл. 2.

Таблица 2

Аннотированная база данных фонограмм

№ фонограммы	Язык коммуникации[1]	Продолжительность записи (час:мин:с)	Тип коммуникации (ситуация)	Количество участников
1	Аа	00:38:50 – 00:39:25	Выяснение отношений с использованием угроз; спонтанная речь на повышенных тонах; диалог	2: мужчина и женщина (управляющий гостиницы и женщина легкого поведения)
2	Аа	00:22:50 – 00:23:44	Обвинения и защита; спонтанная речь; трилог	3 женщины (руководители и подчиненный)
3	Р	00:10:05 – 00:12:20	Выяснение отношений, обвинения и защита; спонтанная речь; диалог	2: мужчина и женщина (муж и жена)
4	Ки	01:41:33 – 01:42:39	Монологическая спонтанная речь, критика поведения других людей	1 мужчина
5	Ба	00:33:00 – 00:33:41	Спор, обвинения и защита; спонтанная разговорная речь; диалог	2: мужчина и женщина (брат и сестра)
6	Аа	00:09:18 – 00:10:27	Допрос свидетелей; спонтанная речь; полилог	5: 3 мужчины и 2 женщины (допрашивающие и допрашиваемые)
7	Кт	00:23:07 – 00:24:18	Ссора; спонтанная речь; диалог	2 мужчины (односельчане)
8	Ки	00:42:22 – 00:42:45	Спор, спонтанная разговорная речь; диалог	2: мужчина и женщина (возлюбленные)
9	Р	00:42:33 – 00:43:59	Монологическая спонтанная речь, критика поведения другого человека	1 мужчина (обиженный любовник)
10	Аа	00:23:46 – 00:24:45	Обвинения и защита; спонтанная разговорная речь; трилог	3: 2 женщины и 1 мужчина (мать, дочь, незнакомец)
11	Кт	00:18:55 – 00:20:00	Обвинения и защита; спонтанная разговорная речь; трилог	3: 2 женщины и 1 мужчина (незнакомка, бывшие муж и жена)

[1] Условные обозначения: Аа – американский вариант английского языка, Ба – британский вариант английского языка, Р – русский язык, Ки – кастильский вариант испанского языка, Ли – латиноамериканский вариант (Аргентина) испанского языка, Кт – казанский вариант татарского языка.

Окончание табл. 2

12	Ба	00:35:35 – 00:36:13	Спор, обвинения и защита; спонтанная разговорная речь; диалог	2 женщины (мать и дочь)
13	Аа	00:10:50 – 00:11:26	Допрос, нападки и обвинения; диалог	2 мужчины (офицер полиции и обвиняемый)
14	Ки	00:00:12 – 00:00:47	Репетиция спора; художественный текст пьесы; диалог	2: мужчина и женщина (возлюбленные)
15	Аа	00:25:26 – 00:26:48	Обвинения и защита; спонтанная речь; диалог	2 женщины (мать и дочь)
16	Ки	01:35:54 – 01:37:45	Спор в группе; спонтанная разговорная речь; полилог	13: 8 мужчин и 5 женщин (одногруппники театрального училища)
17	Ба	00:44:50 – 00:41:44	Обвинения и защита; спонтанная речь; диалог	2 мужчины (брат и возлюбленный сестры)
18	Кт	00:45:03 – 00:46:36	Обвинения и защита; спонтанная речь; полилог	6: 5 мужчин, 1 женщина (священнослужители и односельчане)
19	Аа	00:34:23 – 00:35:19	Обвинения и защита; спонтанная речь; диалог	2 мужчины (прокурор и отец жертвы)
20	Ки	01:43:33 – 01:44:58	Обвинения и защита; спонтанная речь; диалог	2: мужчина и женщина (бывшие возлюбленные)
21	Кт	00:35:43 – 00:37:00	Обсуждение; спонтанная разговорная речь; полилог	6 мужчин (односельчане)
22	Аа	00:37:51 – 00:38:05	Размышление вслух перед совершением действия; монолог	1 мужчина
23	Кт	00:16:23 – 00:16:43	Обвинения; спонтанная монологическая речь; монолог	1 мужчина
24	Ли	01:04:31 – 01:05:06	Критика другого человека; спонтанная речь; диалог	2: мужчина (сын) и женщина (мать)

Перед испытуемыми при прослушивании каждого аудиофрагмента (звуковой дорожки) стояли следующие задачи:

- определить доминирующий эмоциональный фон коммуникации: а) нейтральный, б) доброжелательный, радостный, веселый, в) агрессивный, гневный, яростный, злостный, ненавистный;
- при возможности дать название доминирующей эмоции;
- определить силу эмоциональности коммуникации по шкале от 1 до 10 баллов, соответственно: от 0 до 3 баллов – слабая сила эмоции, от 4 до 6 – средняя сила, от 7 до 10 – сильная эмоция;

– определить, какие средства используются для создания доминирующего эмоционального фона коммуникации в бóльшей мере: а) интонационные (мелодика, ритм, темп, тембр, паузы), б) речевые (вербальные, например, тропы и фигуры речи, инвиктивы), в) и те, и другие в равной мере;
– определить, на каком языке ведется коммуникация.

Статистическая обработка данных дала следующие результаты (табл. 3):

Таблица 3

Результаты статистической обработки оценок испытуемых (n = 36 без дифференциации по группам)

№ фонограммы	Общее число ошибок	Знак эмоционального фона коммуникации[1]	Сила доминирующей эмоции[2]	Доминирующие средства (в %)			Наименование доминирующей эмоции
				интонационные	речевые	и те, и другие в равной мере	
Язык коммуникации – русский							
9	0+0	–	Си	11,11	**55,6**	30,56	Злость/злоба, обида, ненависть
3	0+0	–	Ср	30,56	2,78	**61,11**	Гнев
Язык коммуникации – американский вариант английского языка							
2	0+0[3]	–	Си	**44,44**	16,7	38,89	Агрессия, гнев
13	2+0	–	Си	33,33	11,1	**55,56**	Агрессия, ярость
6	0+0	–	Ср/Си	41,67	**44,4**	16,67	Агрессия
22	4+0	– / 0	Ср	22,22	**58,3**	19,44	Ярость, обида, ненависть, грусть, обреченность
1	0+0	0 / –	Ср	**55,56**	2,78	38,89	Раздражение, агрессия
10	0+0	–	Ср	8,33	30,6	**61,11**	Раздражение, агрессия
15	0+0	–	Ср	16,67	38,9	**44,44**	Гнев
19	0+0	–	Ср	25	13,9	**61,11**	Ярость, агрессия, гнев

[1] Условные обозначения: «0» – нейтральный эмоциональный фон коммуникации, «–» – негативный эмоциональный фон, «0 / –» – оценка доминирующего эмоционального фона коммуникации распределилась в равной мере между нейтральным и негативным, «+» – положительный эмоциональный фон коммуникации.

[2] Условные обозначения: Сл – слабая сила доминирующей эмоции, Ср – средняя сила эмоции, Си – сильная эмоция.

[3] Указывается количество ошибочных ответов, данных испытуемыми на задание «определите язык коммуникации». Первая цифра показывает количество случаев, в которых испытуемые затруднились назвать язык, то есть поставили прочерк; вторая – язык был назван ошибочно (например, испанский язык некоторые испытуемые называли итальянским, французским; татарский – казахским, турецким, тюркским, армянским, польским и т.д.).

Окончание табл. 3

Язык коммуникации – британский вариант английского языка							
5	1+0	–	Си	**77,78**	0	22,22	Раздражение
12	0+0	–	Си	38,89	11,1	**50**	Гнев
17	0+0	0 / –	Ср	11,11	**61,1**	27,78	Злость/злоба, ненависть
Язык коммуникации – кастильский вариант испанского языка							
4	2+12	–	Си	**66,67**	0	33,33	Ярость, гнев
8	5+10	–	Си	**63,89**	2,78	27,78	Злость/злоба, гнев
14	3+13	–	Си	**58,33**	5,56	33,33	Гнев, агрессия, раздражение
20	2+12	–	Си	**63,89**	0	36,11	Агрессия, негодование
16	3+12	–	Ср	**58,33**	2,78	36,11	Агрессия, негодование, гнев
Язык коммуникации – латиноамериканский (аргентина) вариант испанского языка							
24	5+15	–	Ср	**55,56**	13,9	30,56	Агрессия, ярость, тревога, недоверие
Язык коммуникации – казанский вариант татарского языка							
11	19+13	–	Си	**66,67**	11,1	22,22	Грусть, ненависть
18	16+10	–	Си	**44,44**	19,4	36,11	Агрессия
21	17+11	–	Си	**38,89**	27,8	33,33	Агрессия, грусть
7	16+10	–	Ср	**69,44**	5,56	22,22	Гнев, агрессия
23	17+13	–	Ср	**44,44**	13,9	41,67	Ненависть

Замечания:

- наибольшее количество ошибок испытуемые совершили при распознавании незнакомого иностранного языка (испанского и/или татарского);
- в 91% случаев испытуемые верно распознали негативный эмоциональный фон коммуникации как в сообщениях на родном (русском) и изучаемом (английском) языках, так и на незнакомых (испанский, татарский) языках;
- чем менее знакомым является язык коммуникации, тем выше оценка силы доминирующей эмоции (эмоциональный потенциал исследуемых языков не учитывался);
- чем менее знакомым является язык коммуникации, тем большее значение при оценке негативного эмоционального состояния коммуниканта приобретают просодические параметры речи;

Таблица 4

Результаты статистической обработки оценок испытуемых по группам (*число ошибок при распознавании* незнакомого иностранного языка)

Язык _____ Внутригрупповое распределение (количество фонограмм)	Группа с **повышенным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %	Группа с **пониженным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %	Группа с **нейтральным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %	Общегрупповая норма в % (n = 36)
Родной/русский (n = 2)	0	0	0	0
Изучаемый/английский (n = 11)	1,01	3,03	2,02	1,77
Незнакомый/ испанский, татарский (n = 11)	66,67	55,56	58,6	59,6

Замечания:

- группа испытуемых с *повышенным эмоциональным фоном* при восприятии речи, выражающей негативные эмоциональные состояния, на незнакомом иностранном языке совершили больше ошибок при распознавании данного языка по отношению к общегрупповой норме;
- по сравнению с общегрупповой нормой группа испытуемых с *пониженным* и *нейтральным эмоциональным фоном* совершили меньше ошибок при распознавании незнакомого языка коммуникации в условиях негативного фона коммуникации.

Таблица 5

Результаты статистической обработки оценок испытуемых по группам (*знак* эмоционального фона коммуникации)

Язык _____ Внутригрупповое распределение (кол-во фонограмм)	Группа с **повышенным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Группа с **пониженным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Группа с **нейтральным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Общегрупповая норма в % (n = 36)		
	+	–	0	+	–	0	+	–	0	+	–	0
Родной/русский (n = 2)	0	100	0	0	100	0	0	50	50	0	100	0
Изучаемый/английский (n = 11)	0	100	9,1	0	100	0	0	81,8	18,2	0	90,9	9,1
Незнакомый/испанский, татарский (n = 11)	0	81,8	9,1	0	90,9	9,1	0	100	0	0	100	0

Замечания:

- негативные эмоциональные состояния, реализуемые в речи, достаточно ровно распознаются группами испытуемых с нейтральным, повышенным и сниженным эмоциональным фоном;
- для группы с нейтральным эмоциональным фоном прослеживается тенденция к нейтрализации/сглаживанию негативного эмоционального фона коммуникации тем сильнее, чем более знакомым является язык коммуникации;
- у группы с повышенным и пониженным эмоциональным фоном при восприятии сообщений на изучаемом языке наблюдается тенденция к усилению негативного эмоционального фона коммуникации, а при восприятии сообщений на незнакомом языке – к ослаблению негативного фона коммуникации.

Таблица 6

Результаты статистической обработки оценок испытуемых по группам (*сила доминирующей эмоции*)

Язык _____ Внутригрупповое распределение (количество фонограмм)	Группа с **повышенным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Группа с **пониженным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Группа с **нейтральным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Общегрупповая норма в % (n = 36)		
	сильная	средняя	слабая	сильная	средняя	слабая	сильная	средняя	слабая	сильная	средняя	слабая
Родной/ русский (n=2)	100	0	0	50	100	50	50	50	0	50	50	0
Изучаемый/английский (n=11)	45,5	45,5	0	9,1	81,8	27,3	36,4	63,6	0	45,5	63,6	0
Незнакомый/ испанский, татарский (n=11)	72,7	27,3	0	27,3	81,8	9,1	63,6	45,5	0	63,3	36,4	0

Замечания:

– негативные эмоциональные состояния оцениваются как менее интенсивные (средней силы) испытуемыми группы с *пониженным* эмоциональным фоном; негативные эмоции воспринимаются как более интенсивные на фоне *приподнятого* эмоционального фона реципиентов;

– в группе с *пониженным* эмоциональным фоном сила негативной эмоции воспринимается тем слабее, чем менее знакомым является язык коммуникации;
– для группы с *повышенным* эмоциональным фоном значительное увеличение силы эмоции наблюдается при оценке фонограмм на родном и незнакомом языках.

Таблица 7

Результаты статистической обработки оценок испытуемых по группам (*доминирующие средства выражения* эмоциональности)

Язык _____ Внутригрупповое распределение (количество фонограмм)	Группа с **повышенным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Группа с **пониженным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Группа с **нейтральным** эмоциональным фоном (n = 9) относительно общегрупповой нормы в %			Общегрупповая норма в % (n = 36)		
	интонационные	речевые	и те, и др.	интонационные	речевые	и те, и др.	интонационные	речевые	и те, и др.	интонационные	речевые	и те, и др.
Родной/ русский (n = 2)	0	50	50	0	50	50	50	50	50	0	50	50
Изучаемый/английский (n = 11)	36,7	18,2	54,5	36,7	36,7	45,5	27,3	54,5	27,3	27,3	27,3	45,5
Незнакомый/испанский, татарский (n = 11)	100	0	0	81,8	27,3	0	63,6	63,6	9,1	100	0	0

Замечания:
– оценка доминирующих средств выражения эмоциональности для групп испытуемых с *пониженным* и *повышенным эмоциональным фоном* совпадает с общегрупповой нормой;
– в группе с *нейтральным эмоциональным фоном* проявляется тенденция к использованию речевых средств выражения в качестве опоры для оценки негативных эмоциональных состояний партнера по коммуникации;
– для группы с *нейтральным эмоциональным фоном* при восприятии негативного эмоционального состояния использование речевых средств в качестве опоры для оценки тем больше, чем менее знакомым является язык коммуникации.

В результате проведенного эксперимента было выявлено, что эмоциональный фон субъекта, воспринимающего речь, выражающую негативные эмоции, оказывает определенное влияние на качество оценки эмоционального фона коммуникации воспринимаемого дискурса.

Так, для *пониженного* эмоционального фона реципиента характерно снижение силы негативной эмоции, содержащейся в воспринимаемом сообщении, и усиление внимания к новому и неизвестному. Ослабление воспринимаемых негативных эмоций тем сильнее, чем менее знакомым является язык коммуникации.

Для *повышенного* эмоционального фона реципиента характерна сниженная концентрация на распознавании неизвестного и нового, свойственно увеличение силы воспринимаемой по слуховому каналу эмоции. Усиление воспринимаемых негативных эмоций тем сильнее, чем более знакомым является воспринимаемый язык коммуникации.

Нейтральный эмоциональный фон настроения не влияет на концентрацию внимания на содержании сообщения в зависимости от его новизны или узнаваемости; нейтрализует негативные эмоции тем сильнее, чем больше реципиент знаком с языком коммуникации; не влияет на увеличение/ ослабление силы воспринимаемых негативных эмоций; при формировании оценки об эмоциях партнера по коммуникации в большей мере базируется на вербальных средствах коммуникации тем больше, чем менее знакомым является язык коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лук, А.Н.* Эмоции и личность / А.Н. Лук. – М. : Знание, 1982. – 176 с.
2. *Изард, К.* Психология эмоций / К. Изард. – СПб. : Питер, 2003. – 464 с.
3. *Рейковский, Я.* Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. – М. : Прогресс, 1979. – 392 с.
4. *Вилюнас, В.К.* Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас, Ю.Б. Гиппенрейтер // Психология эмоций. Тексты. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.
5. *Ильин, Е.П.* Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.
6. *Леонтьев, В.О.* Классификация эмоций / В.О. Леонтьев. – Одесса : изд-во Инновац.-ипотеч. центра, 2002. – 71 с.
7. *Потапова, Р.К.* Коннотативная паралингвистика / Р.К. Потапова. – М. : Триада, 1997. – 70 с.
8. *Потапова, Р.К.* Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
9. *Потапова, Р.К.* Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов / Р.К. Потапова, В.В. Потапов // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 602–616.

10. *Potapova, R.K.* Kommunikative Sprechtätigkeit: Rußland und Deutschland im Vergleich / R.K. Potapova, V.V. Potapov. – Böhlau Verlag, Köln, Weimar, Wien, 2011. – 312 S.
11. *Галунов, В.И.* О возможности определения эмоционального состояния говорящего по речи / В.И. Галунов // Речевые технологии. – № 1 – 2008. – С. 60–66.
12. *Экман, П.* Узнай лжеца по выражению лица / П. Экман, У. Фризен. – СПб. : Питер, 2011. – 272 с.
13. *Сонин, В.А.* Психодиагностическое познание профессиональной деятельности / В.А. Сонин. – СПб. : Речь, 2004. – 124 с.

The paper describes an applied study of negative emotional states perception via speech communication in Russian, English, Spanish and Tatar languages. The presented results of the first series experiment, based on acoustic perception of Russian speakers, show that the acoustic perception influences the assessment of negative emotional states of communicants and emotional background of communication.

Поступила в редакцию 25.05.12

А.Г. Ольшевская

НЕЭКСПЛИЦИТНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ КАУЗАТИВНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются особенности неэксплицитного выражения категории каузативности в двух славянских (русском, белорусском) и двух германских (английском, немецком) языках. По отношению к объекту исследования – глаголам со значением ‘защищать’ – каузативность рассматривается как классифицирующая и модифицирующая категория. Это дает возможность определить колебания степени каузативности глаголов по «вертикали» и по «горизонтали». Результат исследования – выявление градуального характера категории каузативности, несмотря на отсутствие регулярных эксплицитных морфологических средств выражения.

Каузативность, являясь одной из центральных категорий глагола, не имеет явного (эксплицитного) морфологического выражения в современных славянских (русском, белорусском) и германских (английском, немецком) языках. Исследование данной категории является весьма актуальным, поскольку каузативность непосредственно влияет на сочетание глагола с его ближайшими актантами, следовательно, обеспечивает построение и понимание высказывания.

По отношению к глаголу категория каузативности является модифицирующей, поскольку ее значение не является постоянным для всех единиц данного класса. Каузативными считаем акциональные глаголы со значением интеллектуального или ментального, физического, социального действия, направленного на другое лицо или предмет, в результате чего последнее само совершает какое-либо действие, испытывает состояние, меняет качество [1, с. 57–58].

Традиционно принято считать, что в рассматриваемых нами славянских и германских языках оформление каузативного значения тесно связано с формальными средствами выражения глагольной переходности: каузативный глагол функционирует как прямо-переходный глагол без предлога. Но, по мнению некоторых лингвистов (А.В. Исаченко, П.П. Шуба), это не единственное морфологическое оформление каузативной ситуации. Поэтому формальные средства выражения каузативного значения не будем ограничивать винительным беспредложным, поскольку один из исследуемых нами языков (английский) такими средствами не располагает.

В исследуемой группе глаголов со значением ‘защищать’ в русском, белорусском, английском и немецком языках каузативность является имманентной категорией, присущей всем анализируемым единицам, то есть классифицирующей по отношению к данным единицам. В то же время данную категорию необходимо рассматривать как модифицирующую для ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’, поскольку ее значение может быть переменным для указанных выше единиц в зависимости от их окружения в конкретном контексте. Так, глаголы защиты в рассматриваемых славянских и германских языках могут изменять степень каузативности по «вертикали» и по «горизонтали».

Как известно, одним из важнейших условий успешного сопоставления языков разных типов является применение к ним одинаковых критериев. Так, в четырех рассматриваемых языках каузативность может варьироваться в зависимости от следующих условий: 1) сочетаемость каузативного глагола с одушевленным/неодушевленным субъектом (категориальная семантика субъекта); 2) возможность/невозможность абсолютивного функционирования глагола (степень перехода действия на объект); 3) сочетаемость каузативного глагола с прямым/косвенным дополнением; 4) сочетаемость каузативного глагола с одушевленным/неодушевленным объектом (категориальная семантика объекта).

Категориальная семантика субъекта – одна из составляющих сложного функционально-семантического признака глагола ‘степень каузативности’ – определяет ‘степень воздействия на объект’. Употребление одушевленного имени в качестве субъекта-каузатора способствует повышению, а неодушевленного – понижению степени каузативного воздействия глагола на объект.

Вторая составляющая степени каузативности – ‘степень перехода действия на объект’ – зависит от синтаксических признаков глагола и семантики его объекта. Высокая степень перехода действия на объект ассоциируется с невозможностью абсолютивного употребления глагола, способностью управлять одушевленным объектом, сочетаемостью с прямым дополнением. Снижение степени перехода действия на объект (неполный охват объекта действием) наблюдается в том случае, если глагол функционирует абсолютивно либо может употребляться с неодушевленным объектом и присоединять косвенное дополнение.

Высокая степень каузативного воздействия, коррелирующая с полным охватом объекта действием, обеспечивает высокую степень каузативности глагола. Слабая каузация либо частичный переход действия глагола на объект снижает степень каузативности глагола.

С перечисленными выше характеристиками связаны вертикальные колебания степени каузативности, то есть отличия степени проявления признака у различных носителей каузативного значения.

Колебания степени каузативности глагола по горизонтали, т.е. различия в проявлении признака одного носителя в зависимости от его окружения, наблюдаются, если глагол способен к абсолютивной реализации объекта на синтаксическом уровне и сочетанию с субъектом и объектом двух типов (одушевленным и неодушевленным).

Поскольку степень перехода действия глагола на объект определяется двумя факторами – абсолютивное/неабсолютивное употребление глагола, одушевленность/неодушевленность объекта (степень каузативного воздействия на объект связана только с одной характеристикой – одушевленность/неодушевленность субъекта), считаем возможным говорить о контекстуальном варьировании данной характеристики при соответствии глагола даже одному признаку.

Лексико-семантическая группа глаголов со значением ‘защищать’ представляет собой типичную полевую структуру. С помощью специальных критериев нами выделены ядро и периферия данной ЛСГ в рассматриваемых славянских языках.

Исследование отдельных ЛСГ в аспекте каузативности представляется чрезвычайно важным, поскольку дает возможность детально рассмотреть особенности выражения каузативной семантики близкими по значению глаголами.

Следует отметить, что все рассматриваемые каузативные глаголы защиты относятся к периферии класса каузативных глаголов, поскольку они неспециализированы для выражения семантического признака ‘каузировать’.

Ниже представлены характеристики глаголов, служащие критериями определения степени каузативности. Нами рассмотрено по 120 высказываний для каждого глагола, кроме *гарантировать* и *выгароджваць* (для глаголов рус. *гарантировать* и бел. *выгароджваць* в значении ‘защищать’ найдено по пятьдесят контекстов), отобранных из Национального корпуса русского языка и Беларускай Палічкі.

Исходя из данных, приведенных в таблице, и в соответствии с предложенными выше критериями, среди глаголов со значением ‘защищать’ русского и белорусского языков выделяются единицы с высокой (рус. *защищать 1, защищать 2, гарантировать, оберегать, оборонять, отстаивать, охранять, предохранять, прикрывать*, бел. *абараняць 1, абараняць 2, адстойваць, ахоўваць, бараніць, выгароджваць, прыкрываць*) и низкой степенью каузативности (рус. *вступаться, заступаться, защищать 3, стоять*, бел. *абараняць 3, заступацца, уступацца, стаяць*). Это отличия глаголов по вертикали. Корреляция признаков субъекта, объекта и каузативного глагола у большинства членов ЛСГ глаголов со значением ‘защищать’ (кроме рус. *вступаться, заступаться, защищать 3*, бел. *абараняць 3, заступацца, уступацца, выгароджваць*) позволяет говорить о том, что степень каузативности этих единиц изменяется по горизонтали.

Таблица 1

Комбинаторные характеристики каузативных глаголов
со значением ‘защищать’

Язык	-	Глагол	Субъект		Употребление		Объект		Дополнение	
			одушевленный	неодушевленный	неабсолютивное	абсолютивное	одушевленный	неодушевленный	прямое	косвенное
Русский	Ядро	защищать 1	109	11	110	10	56	54	120	0
		защищать 2	95	25	113	7	63	50	120	0
		оберегать	118	2	108	12	96	12	120	0
		предохранять	96	24	106	14	76	30	120	0
		охранять	117	3	114	6	64	50	120	0
		оборонять	116	4	113	7	16	97	120	0
		отстаивать	116	4	115	5	14	101	120	0
		вступаться	120	0	100	20	45	55	0	120
		заступаться	120	0	97	23	47	50	0	120
		защищать 3	115	5	120	0	0	120	120	0
	Периферия	гарантировать	45	5	50	0	30	20	50	0
		прикрывать	113	7	117	3	37	80	120	0
		стоять	118	2	120	0	54	66	0	120
Белорусский	Ядро	абараняць 1	117	3	117	3	64	53	120	0
		абараняць 2	98	22	109	11	58	51	120	0
		ахоўваць	116	4	117	3	67	50	120	0
		адстойваць	117	3	120	0	4	116	120	0
		бараніць	119	1	116	4	25	91	120	0
		заступацца	120	0	99	21	39	60	0	120
		уступацца	120	0	118	2	50	68	0	120
		абараняць 3	111	9	120	0	0	120	120	0
	Периферия	выгароджваць	50	0	50	0	50	0	50	0
		прыкрываць	106	14	115	5	40	75	120	0
		стаяць	118	2	120	0	58	62	0	120

Присутствие глаголов с низкой степенью каузативности в ядре рассматриваемой ЛСГ и с высокой на периферии (как видно из табл. 1) указывает на то, что яркое выражение семантики защиты не предполагает высокую степень каузативности глагола, и наоборот.

Возможность глаголов со значением ‘защищать’ – совмещать каузативную и денотативную семы, указывая на причинно-следственные отношения в случаях, когда эксплицитные маркеры не используются, а также особенности реализации каузативной семантики в рамках каузативной оппозиции, связанные с отсутствием простого некаузативного коррелята, позволяют рассматривать их как периферию класса каузативных глаголов.

Периферийные элементы системы могут представлять собой отдельную подсистему, в рамках которой возможно разделение единиц на подгруппы вследствие их неоднородности. Так, верификация критериев для определения

степени каузативности на материале исследуемых славянских языков показала, что данная категория имеет различные степени выраженности на периферии: среди глаголов со значением ‘защищать’ выделяются единицы с высокой и низкой степенью каузативности.

Для английских и немецких каузативных глаголов со значением ‘защищать’ рассмотрено по 120 контекстов, отобранных из Британского национального корпуса и Лейпцигского корпуса немецкого языка.

Таблица 2

Комбинаторные характеристики каузативных глаголов со значением ‘защищать’

Язык	-	Глагол	Субъект		Употребление		Объект		Дополнение	
			одушевленный	неодушевленный	неабсолютивное	абсолютивное	одушевленный	неодушевленный	прямое	косвенное
Английский	Ядро	defend 1	107	13	116	4	60	56	120	0
		protect	82	38	120	0	64	56	120	0
		shelter	65	55	120	0	66	54	120	0
		shield	98	22	115	5	64	51	120	0
		defend 2	110	10	119	1	12	107	120	0
		guard	108	12	120	0	24	96	120	0
		safeguard	100	20	120	0	13	107	120	0
		fortify	97	23	115	5	0	115	120	0
		champion	111	9	120	0	0	120	120	0
		garrison	120	0	120	0	0	120	120	0
		uphold	110	10	120	0	0	120	120	0
	Периферия	hold	120	0	120	0	0	120	120	0
		stand up for	117	3	120	0	50	70	0	120
		stick up for	120	0	120	0	40	80	0	120
Немецкий	Ядро	hüten	120	0	120	0	90	30	120	0
		schützen	92	28	115	5	70	45	120	0
		verteidigen 1	115	5	113	7	70	43	120	0
		verteidigen 2	117	3	111	9	17	94	120	0
		aufrechterhalten	120	0	120	0	0	120	120	0
		verfechten	120	0	120	0	0	120	120	0
		vertreten	118	2	120	0	0	120	120	0
		wahren	120	0	120	0	0	120	120	0
	Периферия	beziehen	120	0	120	0	0	120	120	0
		halten	120	0	120	0	0	120	120	0

На основании описанных выше критериев для определения степени каузативности в ЛСГ защиты рассматриваемых германских языков выделяются две группы глаголов: с высокой (англ. *to defend 1, to defend 2,*

to guard, to protect, to safeguard, to shelter, to shield, нем. *hüten, schützen, verteidigen 1, verteidigen 2*) и низкой степенью каузативности (англ. *to champion, to fortify, to garrison, to uphold, to hold, to stand up for, to stick up for*, нем. *aufrechterhalten, verfechten, vertreten, wahren, beziehen, halten*). Примерно половина единиц как в английском, так и в немецком языках обладает низкой, другая половина – высокой степенью каузативности. Это объясняется семантико-синтаксическими особенностями включенных в состав группы глаголов и еще раз подчеркивает мысль о значимости одушевленного и нерелевантности неодушевленного объекта для каузатора.

Способность глаголов англ. *to defend 1, 2, to fortify, to guard, to protect, to safeguard, to shelter, to shield, to stand up for*, нем. *schützen, verteidigen 1, 2* реализовать в контексте разную степень каузативности зависит от их возможности встречаться с двумя типами субъекта и объекта, а также функционировать абсолютивно.

Анализ категории каузативности на материале глаголов со значением ‘защищать’ русского, белорусского, английского и немецкого языков позволил выделить особенности выражения данной категории единицами одной ЛСГ в языках разных типов.

Наличие косвенно-переходных глаголов среди каузативных (как видно из таблиц 1, 2), возможно, свидетельствует об использовании новых средств выражения каузативной семантики. Мы не беремся утверждать, что такие единицы могут полностью заместить глаголы, традиционно рассматриваемые как каузативные, но, вероятно, данный процесс указывает на варьирование формы каузативного глагола. Наличие параллельных средств выражения – это один из основных процессов изменения языка.

Отнесение ЛСГ защиты к периферии класса каузативных глаголов в названных выше славянских и германских языках обусловлено: а) присутствием в их значении каузативной семы и семы, называющей действие; б) особенностями выражения причинно-следственной семантики в рамках каузативной оппозиции (отсутствием простого некаузативного коррелята).

Верификация глаголов со значением ‘защищать’ на степень каузативности показала, что разработанные для определения степени каузативности критерии работают на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков. Хотя градация каузативного значения не выражается специализированными средствами, тем не менее, мы считаем возможным трактовать каузативность как градуальную категорию благодаря наличию оппозиции «высокая – низкая степень каузативности».

Если сравнить пары близкородственных языков между собой, то градуальность категории каузативности можно рассматривать как их интегральную характеристику. Дифференциальной чертой исследуемых славянских и германских языков является степень каузативности: большинство глаголов защиты русского и белорусского языков имеют высокую степень каузативности. В английском и немецком языках количество глаголов с низкой степенью каузативности незначительно (на 2 единицы) превышает

число глаголов с высокой. Следовательно, глаголами со значением ‘защищать’ в исследуемых германских языках в равной мере реализуется высокая и низкая степень каузативности.

Кроме этого, свойством изменять степень каузативности по горизонтали в большей степени обладают каузативные глаголы с семантикой защиты русского и белорусского языков, чем английского и немецкого.

Неэксплицитное выражение категории каузативности ничуть не умаляет ее значимости среди других категорий глагола. Не обладая регулярными морфологическими средствами выражения в парах рассматриваемых славянских и германских языков, каузативность, тем не менее, проявляет себя как динамическая, развивающаяся категория.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Всеволодова, М.В.* Теория функцинально-коммуникативного синтаксиса : фрагм. приклад. (пед.) модели яз. : учебник / М.В. Всеволодова. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 502 с.

The article is devoted to non-explicit means of the expression of causativity in two Slavic (Russian, Belarusian) and two Germanic (English, German) languages. The group of defense verbs in the above mentioned languages is analyzed with regard to causativity as a classifying and modifying category. Horizontal and vertical variations of causativity are revealed.

Поступила в редакцию 17.04.12

А.И. Полевая

ЭМОТИВНЫЕ МИКРОСИТУАЦИИ КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В центре внимания автора – эмотивные микроситуации как способ представления эмотивной информации в художественном тексте. В художественном тексте в рамках эмотивных ситуаций эмотивная информация может быть представлена эксплицитно через прямую номинацию переживаемой эмоции или ее экспрессивное выражение эмотивами с ядерным эмотивным значением либо содержаться в подтексте, в подобных случаях автор описывает проявление эмоции или выражает эмоцию через окказиональный эмотив в рамках прецедентной эмотивной ситуации. В зависимости от способа представления в рамках эмотивной ситуации в художественном тексте эмотивная информация может быть соотнесена с содержательно-фактуальной либо содержательно-подтекстовой информацией (в терминологии И.Р. Гальперина).

Информативность является облигаторной универсальной категорией текста, «в состав ее могут входить и эмоциональные единицы (биты) информации, особенно если они информируют о взаимоотношениях людей» [1, с. 141].

Человек, его внутренний мир, духовные искания и переживания всегда составляли и составляют центр литературного произведения. Эмоции лежат в основе восприятия и интерпретации произведения.

Эмотивность на уровне текста является отражением знаний об эмоциональном мире человека как объективно существующей реальности. По мнению С.В. Ионовой, «индивидуальные эмоциональные переживания являются живым источником формирования национального и общечеловеческого опыта, устойчивость и узнаваемость эмоциональных смыслов, в свою очередь, обеспечивается за счет существования социального ядра эмоций – единых для всех представителей данной культуры образцов, стереотипов эмоциональных ситуаций и реакций на них» [2, с. 10].

Преобразование фрагмента эмоционального опыта человека в эмотивное содержание связано с существованием механизма «перекодировки частной ситуации, послужившей эмоциональным стимулом в другую, более общую и распространенную» [3, с 366]. Эмотивная информация представлена через совокупность эмотивных ситуаций, отраженных в произведении.

Лингвистический подход к исследованию текстовой эмотивности связан в первую очередь с изучением особенностей ее отражения, которые всегда мотивированы особенностями плана содержания.

Эмоциональный опыт автора определяет развитие эмоционально маркированных ситуаций, получивших воплощение в художественном тексте, а также способы представления эмоций в рамках данных ситуаций.

Таким образом, эмотивные ситуации осмысливаются как фрагменты художественного текста или целые тексты, которые связаны с отражением в тексте эмоционального знания о мире, а именно с воплощением в тексте ситуаций объективной действительности, способных влиять на эмоциональную сферу читателя и формировать его эмоциональное отношение к объектам и событиям текстовой действительности через отражение эмоций персонажей произведения.

Ситуация может быть развернута в рамках фрагмента текста (микроситуация) или в рамках всего текста (макроситуация).

В каждой отдельной ситуации автор произведения выбирает способ представления эмотивной информации. Для некоторых эмотивных ситуаций характерно эксплицитное определение характера эмоции описываемой ситуации. Используя терминологию И.Р. Гальперина, в подобных случаях можно говорить о содержательно-фактуальной информации: «содержательно-фактуальная информация эксплицитна по своей природе, т.е. всегда выражена вербально. Единицы языка в содержательно-фактуальной информации обычно употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях, закрепленных за этими единицами социально-обусловленным опытом» [4, с. 29].

Поскольку номинанты эмоций воспринимаются прежде всего рациональным компонентом сознания (Шаховский, 1987; Шаховский, 2008), то их употребление в произведении помогает читателю осознать данную эмоцию. Лексемы, номинирующие эмоции, в минимальной степени зависят от контекста и не требуют дополнительных конкретизаторов. Номинанты эмоций не только сигнализируют о наличии эмоции, но и недвусмысленно определяют ее:

Ça m'a remué et j'ai été pris de ***violence****, quelque chose de terrible* [RG1, p. 56].

Особым способом экспликации эмотивной информации в художественном тексте является экспрессивное выражение эмоции. По мнению многих ученых именно данный способ отражения эмоции, а следовательно, и эмотивные ситуации, насыщенные экспрессивными эмотивами, отличаются наибольшей иллокутивной силой:

Elle m'a parlé, elle m'a fait une fleur, elle m'a souris gentiment et puis elle a soupiré et elle est partie. ***Une pute!*** [RG1, p. 98].

– *Je crois que nous nous sommes déjà rencontrés.*

– ***Ah?*** *J'avoue que no* [RG2, p. 87].

Лексику, номинирующую эмоции, и эмотивную лексику, представленную аффективной лексикой с ядерным эмотивным значением, во всем их многообразии нам представляется очевидным отнести к ингерентному уровню эмотивности, при котором эмотивное значение является внутренне присущим постоянным свойством языковой сущности, а в условиях художественного текста − к единицам содержательно-фактуальной информации.

В других эмотивных ситуациях не дается эксплицитной оценки эмоциональной ситуации. В подобных ситуациях эмотивная информация представляет собой содержательно-подтекстовую информацию, извлекаемую из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения в «фокусе связного текста» [5, с. 330], подразумевая под этим изменения семантических свойств слов, помещенных в определенный контекст. Таким образом, многие художественные тексты обладают способностью выражать не только то, что подвержено буквальной интерпретации, но и то, что втянуто в текст ассоциациями и коннотациями, подчас и неосознаваемыми [4, с. 25].

Во многих случаях автор считает достаточным указания на атрибуты эмоции в связи со спецификой отражения эмоциональных явлений. Зачастую в роли подобных атрибутов выступает лексика, описывающая невербальные проявления эмоций.

Quand je suis entrée dans la pièce sombre, j'ai allumé la lumière et je n'ai pas reconnu son regard, ***un regard de bête traqué*** [JMGLC, p. 124].

Ассоциативная содержательно-подтекстовая информация не связана с фактами, описанными ранее в произведении, а возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом [4, с. 45]. Характер эмотивности в данном случае определяется на основе эмоционального опыта читателей, который позволяет им безошибочно квалифицировать представленную ситуацию по шкале эмоциональности. Невербальное отражение эмоций, представленное в художественном тексте в рамках эмотивных ситуаций через лексику, описывающую проявление эмоций, может быть отнесено к ассоциативной содержательно-подтекстовой информации. Ни в контексте произведения, ни в данной эмотивной ситуации нет прямого указания на то, что персонажа охватил страх, а есть только описание взгляда персонажа: *un regard de bête traquée*. Опираясь на собственные фоновые знания, читатель-реципиент делает вывод о том, что подобный взгляд субъекта – атрибут интенсивной эмоции страха.

Компонент эмотивной семантики текста, как правило, притягивает, а не отталкивает элементы, дублирующие/усиливающие его содержание, что, видимо, говорит о некоторой семантической недостаточности любого эмотива для адекватного выражения сиюминутной эмоции [1, с. 151]. Действительно, многочисленны примеры, свидетельствующие об обращении автора к взаимодополняющим различным способам отражения эмоций в рамках единой эмотивной ситуации с целью наиболее полной передачи эмоционального состояния персонажа:

Je commençais à ***enrager****.*

…

Je ne pus plus me retenir: je me levai et ***assenai un grand coup de poing*** *sur son bureau. –Vous vous* ***foutez de ma gueule****, docteur, ou quoi?* ***A la papa? A la papa?*** *Tirer mon coup avec la femme de chambre, qui n'a pas à jouir? Un homme a des obligations,* ***nom de Dieu****!* [RG2, p. 55].

К дополнительным способам лингвистического отражения эмоции автор-повествователь либо автор-наблюдатель прибегает с целью раскрыть и донести до адресата-читателя характеристики обозначаемой эмоции как состояния, переживаемого им самим либо одним из персонажей.

В данной эмотивной ситуации автор вначале предпочитает эксплицитно номинировать эмоцию *(enrager)*, а затем по ходу развития эмотивной ситуации и возрастания эмоционального накала персонажа автор дополняет эксплицированное рациональное отражение эмоции вначале описанием кинетического проявления эмоции (*assener un grand coup de poing*), а затем выражает ее экспрессивным инвективным оборотом (*foutre de ma gueule*) и стилистическим приемом повтора (*A la papa? A la papa?*), завершает данную эмотивную ситуацию автор эмотивом (*nom de Dieu*), все это в совокупности не только свидетельствует читателю о наличии эмоции группы гнева, но и постепенно, на протяжении разворачивания эмотивной ситуации, воздействует на него посредством маркеров эмотивности с возрастающей иллокутивной силой, добиваясь не только эффекта понимания, но и эффекта сопереживания.

Наиболее интересным, по нашему мнению, является способ отражения эмоций, при котором автор использует языковые знаки, неэмотивные ни по своей форме, ни по своему языковому значению, ни по ассоциативным связям. При этом в рамках определенной эмотивной ситуации данные знаки способны обретать эмотивные смыслы и передавать эмотивное содержание. Мы рассматриваем подобные знаки в рамках теории панэмоциональности, суть которой состоит в том, что потенциально каждый языковой знак является носителем эмоционального заряда, т.е. любое слово языка эмотивно (Балли, 1961; Водяха, 2011; Гридин, 1983; Квасюк, 1983; Шаховский, 1987, 2008; Шмелёв, 1973 и др.) однако представляется необходимым учитывать, что слова в разной степени обладают способностью приобретать эмоциональное содержание: данная потенция проявляется в различной мере и лишь в определенных условиях эмоционально маркированной ситуации.

В данной связи особое значение приобретает понятие прецедентной эмотивной ситуации, которая представляет собой типическую ситуацию, маркированную эмоциональностью. В связи с тем, что данная ситуация является частью эмоциональной картины мира представителей данной культурной и языковой общности, писателю не всегда необходимо точно определять эмоцию. Тот факт, что «миллионы читателей в течение десятилетий или даже веков на основе описанных ситуаций делают весьма сходные выводы об эмоциях», дает основание предполагать, что «эта теория не может быть чересчур неправильной» [6, с. 317].

Знания о прецедентных эмотивных ситуациях, составляющие эмоциональную норму, наряду с нормой эмотивной, подразумевающей коллективно обобщенное и осознанное значение языкового отражения эмоции, являются в рамках единой культурно-языковой общности залогом адекватной интерпретации ассоциативной содержательно-подтекстовой информации об эмоциях. Однако при анализе художественного произведения на обозначенные выше знания накладываются знания, почерпнутые из контекста данного произведения. «Эмотивная семантика как компонент лексической семантики подвергается под воздействием контекста различным изменениям, что объясняется большей связанностью эмотивного значения с контекстом… в зависимости от окружения семантика контекстуального эмотива каждый раз организуется по-новому, поворачиваясь к коммуникантам все новыми и новыми аспектами» [1, с. 154–156]. Данное значение будет являться окказиональным, не зафиксированным ни в словарном значении слова, ни в узуальном, что и определяет необходимость уточнения эмотивного значения потенциальных эмотивов.

Используя терминологию И.Р. Гальперина, в данном случае представляется обоснованным говорить о ситуативной содержательно-подтекстовой информации. «Ситуативная содержательно-подтекстовая информация возникает в связи с фактами, событиями, ранее описанными в произведениях. Ситуативная содержательно-подтекстовая информация детерминирована взаимодействием сказанного в данном отрывке со сказанным ранее» [4, с. 45].

Таким образом, эмотивная информация, получаемая через контекстуальные эмотивы, представляет собой результат взаимодействия ассоциативной содержательно-подтекстовой информации и ситуативной содержательно-подтекстовой информации.

Как уже было обозначено выше, в первую очередь потенциальный эмотив неизменно определяется эмоциональной ситуацией, выступающей в качестве прецедентной в сознании читателя, и контекстом художественного произведения, которые в совокупности дают читателю представление о том, какую именно эмоцию должен испытывать персонаж, находясь в данных обстоятельствах:

– … Pour se donner bonne conscience et du même coup blâmer une répression qu'ils estiment excessive, les Américains, discrètement contactés, acceptent de vous prendre en charge.

– Les Américains! fit Maria [HB, p. 148].

Первая реплика рассматриваемой эмотивной ситуации содержит условие для возникновения эмоции у ее адресата. Для читателя первая реплика несет малую посылку, которая опирается на факты, вычитываемые из текста, большая посылка обеспечивается информативным запасом – фоновыми знаниями читателя, при условии их как минимум частичного совпадения с фоновыми знаниями автора. Вывод представляет собой следующее из посылок обобщение: действие романа разворачивается в Чили в начале 70-х годов XX века в условиях военного государственного переворота, поддерживаемого вначале США, однако в момент развертывания интересующей нас ситуации уже осуждаемого ими, девушка Мария совместно со своим женихом – высокопоставленным чиновником свергнутого правительства – ищет политическое убежище с целью спасти свою жизнь и жизнь своего любимого, однако никак не ожидает, что помощь будет предложена лишь американцами. Данное обобщение указывает на то, что девушка через нейтральное слово, обозначающее национальность и не являющееся языковым либо даже речевым эмотивом, выражает испытываемую ею в данный момент всю гамму эмоций, представляющую собой соединение интенсивной эмоции группы удивления (напр. изумление) и интенсивной эмоции группы страха (напр. ужас).

Однако необходимо отметить, что при языковом отражении эмоциональной ситуации автор воспользовался и формальными маркерами эмотивности – стилистическим приемом повтора (*les Américains, les Américains*), что через концентрацию внимания на этом слове являет собой указание читателю на причину эмоции, а также графическим маркером – восклицательным знаком в конце реплики субъекта эмоции, что характеризует эмотивное высказывание с точки зрения просодии.

Наличие хотя бы одного маркера эмотивности является необходимым условием распознавания контекстуальных эмотивов и раскрытия эмотивной потенции языкового знака, а также показателем того, что для персонажа-субъекта эмоции данная ситуация также, как и для читателя, является эмоциональной. Однако, сигнализируя о наличии эмоции, формальные маркеры не определяют ее. При анализе в контекстах художественных произведений эмотивных ситуаций, в которых категория эмотивности выражена окказиональными эмотивами, выявлено лишь около 14 % эмотивных ситуаций, в которых автор не уточняет наличие той или иной эмоции другими языковыми либо речевыми средствами отражения эмоций, что позволило бы читателю безошибочно квалифицировать ее. Примерно в 86 % эмотивных ситуаций, в которых эмоция отражена через окказиональный эмотив, автор предпочитает дополнять контекстуальную эмотивность в рамках одной эмотивной ситуации прямой номинацией переживаемой персонажем эмоции либо социально типичным описанием ее проявления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаховский, В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М. : ЛКИ, 2008. – 208 с.
2. *Ионова, С.В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема : Автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Ионова. – Волгоград : Волгоградский гос. пед. ун-т, 1998. – 19 с.
3. *Арутюнова, Н.Д.* Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // М. : Известия АН СССР: Серия литературы и языка. − 1981. − № 4. − С. 356−367.
4. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин // Лингвистическое наследие XX века: изд. 4-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2006. − 144 с.
5. *Степанов, Ю.С.* В поисках прагматики (Проблема субъекта) / Ю.С. Степанов // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. – М., 1981. − № 4. − С. 330−331.
6. *Ортони, А.* Когнитивная структура эмоций / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и Интеллект. – М. : Прогресс, 1995 – С. 314 – 384.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

RG1 – *Gary, R.* La vie devant soi / R. Gary. – Paris : Mercure de France, 1975. – 274 p.
RG2 – *Gary, R.* Au-delà de cette limite votre billet n'est plus valable / R. Gary. – Paris : Gallimard, 1975. – 248 p.
J.M.G.L.C. − Le Clézio, J.M.G. Poisson d'or / J.M.G. Le Clézio. − Paris : Gallimard, 1997. – 298 p.
HB – *Bazin, H.* Un feu dévore un autre feu / H. Bazin. – Paris : Editions de Seuil, 1978. – 223 p.

In this article the way of the presentation of the emotive information in a framework of the emotive microsituations in the belletristic text is considered. Depending on the way of representation in a framework of the emotive microsituations in the belletristic text the emotive information can be correlated with the substantial-factual or substantial-implied information (in I.R. Galperin`s terminology).

Поступила в редакцию 17.05.12

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Т.В. Кожарина

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ВОСПРИЯТИЮ КОННОТАТИВНЫХ ТОПОНИМОВ НОСИТЕЛЯМИ И НЕНОСИТЕЛЯМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена экспериментальному исследованию топонимических коннотаций в группах носителей и неносителей французского языка. Результаты, полученные в двух разных культурных группах, сопоставлены по количеству высокочастотных реакций, по параметру соотнесенности с лексико-семантическим классом, по уровню стереотипности и стратегиям идентификации. Бóльшее количество реакций (с явным преобладанием эмоционально-оценочных) отмечается в группе носителей, причем ассоциации являются более разнообразными по всем сопоставляемым параметрам. Эксперимент выявил существенные недостатки в нашей работе по обучению топонимии как важной части культурно отмеченной лексики французского языка.

Для выявления топонимических коннотаций, а также различий в восприятии коннотативных топонимов носителями французского языка и неносителями языка был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте участвовали 67 информантов, 37 из которых – студенты старших курсов переводческого факультета, факультета французского языка и факультета межкультурной коммуникации МГЛУ и 30 – студенты старших курсов Университета им. Шарля де Голля (Лилль 3), для которых французский язык является родным. Возраст информантов – от 18 до 30 лет. Таким образом, группы информантов оказались достаточно однородными как в плане возрастных особенностей, так и уровня образования.

При составлении экспериментальной анкеты мы исходили из следующих задач: во-первых, необходимо было отобрать коннотативные топонимы, различные по природе вторичного значения (место → характерный признак, место → событие, напр., *Billancourt* и *Grenelle*); во-вторых, определить степень исторической устойчивости и закрепленности переносной семантики во времени (напр., *Waterloo* отсылает к событиям 1815 г., а *Outreau* – к событиям 2004 г.); в-третьих, выявить степень известности коннотативного топонима (напр., *Minguettes* менее известен, чем *Verdun*).

Что касается количества слов в анкете, был учтен опыт проведения подобных экспериментов в реальных условиях, объем заданий и временные рамки [1; 2]. По мнению Т.В. Поповой, количество слов-стимулов может колебаться от 30–40 единиц до 100 и более; вместе с тем отмечается, что большое количество стимулов целесообразно использовать при индивидуальной работе с информантами. Если же эксперимент проводится с целой группой, количество предъявляемых стимулов может быть сокращено [3]. В итоге, в соответствии с вышеуказанными задачами, в экспериментальный список было решено включить 10 топонимов: *Neuilly, Billancourt, Grenelle, Oradour, Minguettes, Landerneau, Gravelotte, Waterloo, Verdun, Outreau.*

На основе методики свободного ассоциирования информантам предлагалось записать слова, ассоциирующиеся с каждым топонимом, не возвращаясь к предыдущей единице, не исправляя и не зачеркивая. При этом, как считает Р.М. Фрумкина, инструкция отвечать «…первым словом, которое придет на ум» носит принципиальный характер. Временной промежуток между стимулом и реакцией должен быть сведен к минимальному, т.е. испытуемый не должен размышлять над тем, что бы ему сказать и как сказать, ибо само понятие ассоциирования исключает идею отбора ответов [4, с. 191].

Результаты ассоциативных экспериментов, как правило, анализируются по нескольким показателям: количество высокочастотных ассоциаций, уровень стереотипности реакций, принадлежность к определенному лексико-грамматическому классу, стратегии идентификации слов-стимулов.

Данные ассоциативного эксперимента, проведенного в первой группе (студенты МГЛУ), представлены в табл. 1.

Таблица 1

Реакции испытуемых в группе неносителей языка

Топоним	Ассоциации
Neuilly	Neuilly-sur-Seine (2), Sarkozy (2), banlieue de Paris (1), gare (1), train (1), charme (1)
Billancourt	Banlieue (1), ville (1)
Grenelle	Rue (1), grenouille (1)
Oradour	-
Minguettes	Fleurs (2)
Landerneau	Chateau (1)
Gravelotte	-
Waterloo	Napoléon (25), bataille (13), guerre (8), échec/défaite (4), combat (3), chute (2), Angleterre (2), effort (1), lutte (1), château (1), victoire des Anglais (1), Belgique (1)
Verdun	Traité de Verdun (12), bataille (7), guerre (5), I Guerre Mondiale (5), massacre (3), jardin (2), France (1), pertes (1), sang (1), union (1), Pétain (1), histoire (1), document (1), chateau (1), mort (1)
Outreau	-

Как видно из табл. 1, наибольшее количество реакций в первой группе испытуемых было получено на топонимы *Waterloo* и *Verdun*, представляющие широко известные исторические факты. Уровень стереотипности реакций устанавливается в зависимости от того, какой процент от общего числа полученных реакций составляют наиболее частотные реакции. Так, в первой группе испытуемых наиболее частотными реакциями на топоним *Waterloo* оказались *Napoléon* (25) и *bataille* (13), а также *Traité de Verdun* (12) на топоним *Verdun.* Причем среди относительно частотных ассоциаций отмечаются и эмоционально-маркированные: *échec/défaite* (4), *massacre* (3), *chute* (2), *pertes* (1), *sang* (1).

Исследование ассоциаций по принадлежности к лексико-грамматическому классу показало, что в данной группе испытуемых основное место по количественному показателю занимают существительные – 74,3 % от 136 полученных реакций. На втором месте – 25,7 % – имена собственные известных людей (Наполеон, Петен, Саркози) или топонимы, как правило, суперординатного уровня (Verdun – France, Waterloo – Belgique).

При рассмотрении особенностей идентификации коннотативных топонимов в группе студентов МГЛУ было выявлено, что основными стратегиями идентификации являются следующие: 1) отнесение к категории: Billancourt – banlieue, Waterloo – bataille; 2) по сходству звукобуквенного комплекса: Landerneau – chateau, Grenelle – grenouille; 3) через атрибутивную, эмоционально-оценочную характеристику: Neuilly – charme, Waterloo – échec/défaite.

Вместе с тем данные эксперимента (как количество ассоциаций, так и их качество) свидетельствуют о недостаточности лингвострановедческих, фоновых знаний и, как следствие, отсутствии каких-либо ассоциаций с некоторыми топонимами (*Oradour, Gravelotte, Outreau*).

Реакции, полученные в ходе эксперимента в группе с носителями языка, более разнообразны.

Таблица 2

Реакции испытуемых в группе носителей языка

Топоним	Ассоциации
Neuilly	Riches (9), Neuilly-sur-Seine (5), Paris (4), Sarkozy (4), bourgeois (4), banlieue (3), «auteuil neuilly passy» (3), aisés (2), politique (1), cher (1), BCBG (1), belles maisons (1), la fête à la neuneu (1), snob (1), hautain (1), architecture (1), verdure (1), Nord-Pas-de-Calais (1), quartier d'affaires (1), maire (1)
Billancourt	Boulogne (12), Paris (2), Renault voiture (1), métro (1), spectacle (1), nord (1), bois (1), prostituées (1)
Grenelle	Grenelle de l'environnement (18), accord (3), pourparlers (1), blabla (1), vain (1), changement (1), J.-L. Borloo (1)
Oradour	Massacre (5), guerre (4), Oradour-sur-Glane (3), II Guerre mondiale (2), village attaqué (1), nourriture (1), fusillade (1), ruines (1), Charles de Gaulle (1), chanson (1)
Minguettes	Quartier populaire (2), village (2), spectacle (1), folies bergères (1), banlieue de Lyon (1), région parisienne (1), racisme (1), mistinguette (1)
Landerneau	Bretagne (5), ville (1), campagne (1), pont (1), landeau (1), expression figée (1)
Gravelotte	Campagne (2), gavottes (1), graveleux (1), Gravelines (1)
Waterloo	Bataille (15), Napoléon (9), Abba (6), défaite (2), Victor Hugo (2), guerre (1), gare à Londres (1), froid (1), nord (1)
Verdun	Guerre (13), bataille (11), tranchées (2), morts (2), Pétain (2), France (1), campagne (1), poilus (1), histoire (1), boucherie (1)
Outreau	Affaire d'Outreau (12), procès (11), pédophilie (3), juge (3), justice (2), erreur judiciaire (2), nord (2), accusés (1), abus sexuels (1), ville proche de la mer (1), innocence (1), injustice (1)

При сравнении результатов (табл.1 и 2) выявлено, что во второй группе получено в 1,5 раза больше ассоциаций, чем в первой (248 и 136 соответственно). Наибольшее количество реакций было получено на топонимы *Grenelle – Grenelle de l'environnement* (18), *Waterloo – Bataille* (15), *Verdun – Guerre* (13), *Outreau – Affaire d'Outreau* (12) и *Billancourt – Boulogne* (12), что лишь частично коррелирует с результатами, полученными в первой группе.

Весьма существенное место среди стандартных ассоциаций занимают ассоциации, возникающие на основе регулярной совместной встречаемости слов в текстах (функциональная смежность). По А.А. Леонтьеву [5] это, прежде всего, речевые ассоциации, вызванные закономерностями встречаемости слов в речи, а также языковые, определяемые правилами встречаемости слов в языке, отражающие общераспространенный языковой шаблон ассоциации.

Так, например, топоним *Neuilly* для студентов МГЛУ – это, прежде всего, округ *Neuilly-sur-Seine* (2), связанный с именем тогдашнего президента Франции – Sarkozy (2). Для носителей языка *Neuilly* это не только округ Парижа, мэром которого был Н. Саркози с 1983 по 2002 гг., но, прежде всего, резиденция богатых, обеспеченных людей (*riches* (9), *bourgeois* (4), *aisés* (2), где все дорого (*cher* (1), шикарно (*BCBG* (1), *fête à la neuneu* (1) и наполнено снобизмом и высокомерием (*snob* (1), *hautain* (1). Ярким подтверждением коннотативности топонима *Neuilly* является и ассоциация с песней популярной французской группы Les Inconnus «Auteuil, Neuilly, Passy» **(**Отей-Нейи-Пасси – Золотой треугольник Парижа – самые престижные и богатые пригороды). В сатирической манере артисты описывают этот квартал, жители которого, стремясь соответствовать традициям французского шика, обрекают себя на жизнь в настоящем «гетто». Сравнение одного из самых престижных кварталов Парижа *Neuilly* находим также и автобиографической книге Ф. Бегбедера «Un roman français» [6].

Если в первой группе испытуемых топоним *Billancourt* идентифицируется как пригород или город (*banlieue* (1), *ville* (1), то для второй группы это еще и рабочий квартал, в котором расположены заводы Рено (*Renault voiture* (1). Во второй группе отмечаются также ассоциации *bois* (1) (bois de Boulogne – место проведения дуэлей в прошлом, имеющее дурную репутацию), *prostituées* (1).

Топоним *Grenelle* одним из респондентов-студентов МГЛУ был идентифицирован как улица *rue* (1), другим – по сходству звукобуквенного комплекса как *grenouille* (1). Для носителей языка *Grenelle* ассоциируется, прежде всего, с майскими событиями 1968 года, когда между французским правительством и представителями профсоюзов в Министерстве труда по улице Гренель в Париже велись напряженные переговоры по реформированию социальной системы во Франции. Именно это событие и послужило основой переносной семантики – 'интенсивные переговоры на высоком уровне' – *Grenelle* (*Grenelle de l'environnement* (18). Вместе с тем в полученных ассоциациях от носителей языка оттенок интенсивности в значении *Grenelle* не выражен (*accord* (3), *pourparlers* (1) и даже скорее заменен

оттенком ‘пустой, напрасной болтовни’ (*blabla* (1), *vain* (1), что отвечает реальности, так как предложения правительства, опубликованные 27 мая 1968 года, впоследствии так и не были утверждены.

Как видно из таблицы 1, в группе студентов МГЛУ реакций на топоним *Oradour* получено не было. Для носителей же языка (табл. 2), даже молодого возраста, все еще живы в памяти события Второй мировой войны, произошедшие в местечке на северо-западе от Лиможа (*guerre* (4), *Oradour-sur-Glane* (3), *II Guerre mondiale* (2). Сожженная нацистами в июне 1944 г. деревня *Oradour* для французов, подобно Хатыни для Беларуси, является трагическим символом массового уничтожения, что отражается в зафиксированных ассоциациях (*massacre* (5), *village attaqué* (1), *fusillade* (1), *ruines* (1).

Топоним *Minguettes* в денотативном аспекте – рабочий квартал в пригороде Лиона, что прослеживается в реакциях носителей языка – *banlieue de Lyon* (1), *quartier populaire* (2). В 1983 г. зародилось народное движение «Марш за равенство и против расизма», охватившее впоследствии всю Францию – *racisme* (1). Однако в группе студентов МГЛУ всего у двух испытуемых данный топоним вызвал ассоциации, причем не по содержательному основанию, а по фонетическому сходству с обозначением цветов (*fleurs* (2) по-видимому, ландыши (*muguet*). Любопытно, что схожее основание, хотя и иной природы, обнаруживается в реакциях на Minguettesи у носителей французского языка. Здесь тоже можно увидеть так называемые «ложные» ассоциации, т.е. слова, не имеющие реального отношения к Мингетам – *spectacle* (1), *folies bergères* (1), *région parisienne* (1), *mistinguette* (1). Однако эти ассоциации обусловлены соотнесением топонима *Minguettes* по сходству звукобуквенного комплекса с именем известной в начале XX века французской певицы Жанны Буржуа, прославившейся под псевдонимом *Mistinguett* благодаря выступлениям в популярном парижском варьете «Фоли-Бержер».

Согласно полученным данным, топоним *Landerneau* во вторичном значении ‘место, где любят сплетни’, восходящем к фразе из комедии А. Дюваля «Наследники» *Cela fera du bruit à Landerneau*, не является широко известным в обеих группах. Так, например, в первой группе один респондент указал фонетическую ассоциацию с *château* (1), а респонденты во второй группе соотнесли данный топоним с его первичным значением – портовый город в регионе Бретань (*Bretagne* (5), *ville* (1), а также с мостом (*pont* (1). Ассоциация с мостом объясняется существованием в Ландерно моста Роан, благодаря которому город стал крупным торговым центром. В группе носителей языка также следует отметить фонетические ассоциации (*landeau* (1). Лишь один из информантов-французов указал на вторичную семантику Landerneau в составе устойчивого выражения (*expression figée* (1).

Топоним *Gravelotte*, в денотативном плане – небольшая деревня на северо-востоке Франции, в регионе Лотарингия, в первой группе испытуемых не вызвал никаких ассоциаций. Во второй группе информанты соотносили данный топоним с деревней (*campagne* (2), по сходству звукобук-

венного комплекса с городком Гравлин на севере Франции, недалеко от Дюнкерк (*Gravelines* (1), с печеньем (*gavottes* (1) либо с прилагательным *песчаный*, *гравелистый* (*graveleux* (1).

Соотнесение топонима *Waterloo* с битвой, войной и именем Наполеона характерно как для первой, так и для второй группы испытуемых (ср. соответственно: *Napoléon* (25), *bataille* (13), *guerre* (8), *combat* (3) **vs**. *bataille* (15), *Napoléon* (9), *guerre* (1). Причем значение ‘поражение, крах’ чаще отмечается в первой группе, чем среди носителей языка (ср. *échec/défaite* (4), *chute* (2) **vs.** *défaite* (2). Очевидно и большее разнообразие полученных реакций в группе носителей языка. Так, например, *Waterloo* для французов – это и одноименная песня шведского квартета *Abba (Abba* (6), где с первых строк песни *Waterloo* представляется как «знаковое событие», а значение ‘поражение’ вводится в более широкий контекст, и связь с творчеством В. Гюго (*Victor Hugo* (2), описавшего битву при Ватерлоо в поэме «Искупление» из цикла «Легенда веков», и один из крупнейших вокзалов Лондона (*gare à Londres* (1), названный в честь победы англичан.

Факты подобного рода (как и в случае с Auteuil, Neuilly, Passy) можно объяснить существованием так называемого «культурно-информационного контекста» вокруг топонимических единиц, обозначающих важное историческое событие: пока топоним *Waterloo* использовался носителями языка для обозначения конкретного значимого явления, он был распространенным в значении ‘крах, поражение’. Отражаясь в художественном восприятии носителей французской культуры (песни, литературные произведения, памятники архитектуры и т.п.), ассоциативный фон топонима меняется, становится более разнообразным. В то же время жителям нашей страны в силу разных причин были неизвестны определенные песни, литературные произведения и т.д.

Схожую параллель можно провести и в отношении топонима *Outreau*, когда вследствие информационного шума вокруг событий по делу о сексуальных преступлениях, произошедших в этом небольшом городке на севере Франции, на первый план в группе носителей французского языка выходят эмоционально-маркированные ассоциации: *affaire d’Outreau* (12), *procès* (11), *pédophilie* (3), *juge* (3), *justice* (2), *erreur judiciaire* (2), *accusés* (1), *abus sexuels* (1), *innocence* (1), *injustice* (1). В то же время ассоциации денотативного характера отмечены намного слабее (*nord* (2), *ville proche de la mer* (1).

По результатам эксперимента в первой группе информантов топоним *Verdun* ассоциируется, прежде всего, с Верденским соглашением 843 г. (*Traité de Verdun* (12), с битвой *bataille* (7), с войной в целом *guerre* (5) и Первой мировой войной в частности *I Guerre Mondiale (5)*, с историческим фактом *histoire* (1), *France* (1), с именем государственного деятеля Франции, маршала Ф. Петэна (*Pétain* (1).

Схожие ассоциации и у информантов во второй группе (*guerre* (13), *bataille* (11), *histoire* (1), *France* (1), *Pétain* (2). В обеих группах отмечается идентификация через эмоционально-окрашенные реакции: побоище, мясорубка (*massacre* (3), *boucherie* (1), кровопролитие, человеческие потери, смерть (*sang* (1), *pertes* (1), *morts* (3). Носители языка фиксируют также

ассоциацию с пуалю (*poilus* (1) – так называли французских солдат в годы Первой мировой войны. Довольно высокий уровень стереотипности ассоциаций, схожий в сопоставляемых группах, обусловлен близким подходом к соответствующим историческим фактам в нашей и французской образовательной практике.

Следовательно, стереотипные (социально значимые) ассоциации возникают и закрепляются в языковом сознании людей в значительной мере под влиянием культурно-информационного контекста и представляют собой естественный итог постоянного существования человека не только в мире вещей, но и в мире слов.

В целом по группам наблюдается совпадение стратегий, используемых в определении прагматического содержания топонимов. Однако если в первой группе распределение по основным видам идентификации носит равномерный характер, то во второй группе (носители языка) доминирующее положение получает идентификация через атрибутивную, эмоционально-оценочную характеристику, причем количество регистрируемых ассоциаций значительно выше, чем в группе не-носителей языка.

Что касается параметра отнесенности к лексико-грамматическому классу, в группе носителей языка основное место по количественному составу занимают существительные – 50,4 % от общего количества полученных реакций, на втором месте – имена собственные, в том числе и суперординатного уровня – 24 %, что отчасти коррелирует с результатами в первой группе. Однако в группе носителей языка 25,6 % реакций составляют разнородные эмоционально-маркированные единицы типа *«auteuil neuilly passy», fête à la neuneu, BCBG, Grenelle de l'environnement, vain, expression figée*.

Эксперимент позволил выявить и чисто педагогический аспект проблемы: наши студенты недостаточно хорошо владеют топонимическим материалом французского языка, особенно в плане его вторичной семантики. Отсюда следуют практические задачи: 1) определить состав топонимических единиц, подлежащих освоению студентами на разных этапах вузовского обучения; 2) научить студентов пользоваться основными моделями смыслового преобразования топонимов в результате их движения от первичной ко вторичной семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клименко, А.П.* Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение : учеб. пособие / А.П. Клименко. – Минск : Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1974. – 108 с.

2. *Клименко, А.П.* Проблема достоверности психолингвистического моделирования лексической системы языка / А.П. Клименко // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : материалы Междунар. научн. конф., посвящ. памяти проф. Р.Г. Пиотровского, Минск, 15–16 июня, 2010 г. : в 2 ч. – Минск, 2010. – Ч. 2. – С. 3–8.

3. *Попова, Т.В.* Ассоциативный эксперимент в психологии : учеб. пособие / Т.В. Попова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Флинта: НОУ ВПО «МПСИ», 2011. – 72 с.
4. *Фрумкина, Р.М.* Психолингвистика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р.М. Фрумкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
5. *Леонтьев, А.А.* Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
6. *Beigbeder, F.* Un roman français / F. Beigbeder. – Grasset, 2009. – 248 p.

The article centers round the results of experimental research of French toponym's connotations in two different cultural groups. The data obtained reveal the toponym's meaning as a historically&culturally conditioned phenomena. The determined differences of toponym's interpretation attest to the insufficient introduction of this material in our education process.

Поступила в редакцию 22.05.12

Т.К. Кохнович

ИРОНИЧНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК СПОСОБ КОСВЕННОЙ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА
(на материале немецкого языка)

В данной статье ирония рассматривается как косвенный речевой акт, проявляющийся в форме иллокутивов с обратным значением. Анализируются вопросы, не имеющие однозначного толкования в лингвистике: сущность иронии, ее соотнесенность с другими синтаксическими тропами, идентификация ироничных высказываний, формы и виды иронии. Анализ практического материала позволяет установить, что для выражения иронии используются в большинстве случаев слова, словосочетания, фразы, междометия, частицы, сравнения, повторения, ироничное значение которых усиливается просодическими средствами.

Ирония (греч. лат. *eironeia*) рассматривается в лингвистике как стилистическая фигура, в основе которой лежит прагматика контраста между сказанным и реальным. Само понятие возникло в античные времена для обозначения бранной речи, целью которой была насмешка над кем-либо путем притворства. В дальнейшем ирония неотделима от личности Сократа: употребителен термин *сократовская ирония*, обозначающий несобственное говорение, саркастическую похвалу. В работах отечественных лингвистов ирония употребляется в двух значениях: в узком смысле как перифраза с противоположным действием, т.е. как лексическое средство; в широком смысле как семантический синоним к словам «юмор, сатира, сарказм, насмешка, подтрунивание» [1, с. 238]. Немецкие лингвисты рассматривают иронию в основном как косвенные речевые акты, в которых все или определенные предикаты употребляются как антонимы [2; 3; 4].

Однако до настоящего времени не существует единого подхода к определению иронии, ее сущности. Критике подвергается точка зрения, рассматривающая иронию как форму юмора [5, с. 22]. Уже в античной риторике подчеркивался шутливый признак иронии, однако впоследствии стало очевидным, что ее главным намерением является отрицательная оценка точки зрения противника. А это достигается тонким притворством, которое не всегда является комичным или смешным. Ирония, таким образом, является не формой юмора, а способом ее выражения, точно так же как какой-то рассказ или рисунок могут действовать комично, не являясь формой юмора. По сравнению с истинной шуткой в ироничном высказывании содержится та или иная степень агрессии. А форма иронии, при которой что-то говорится в шутливом тоне, а подразумевается серьезный смысл, употребляется достаточно редко. Так, Г. Гейне при ответе на вопрос *Was schlimmer sei, Zahnschmerz oder ein böses Gewissen?* подчеркивает преимущество первого [6, с. 252].

Неоднозначно трактуются ироничные высказывания и с точки зрения теории речевых актов. Анализ лингвистической литературы показывает, что одни авторы относят ироничные высказывания к косвенным речевым актам, другие полностью отрицают это или рассматривают их только как коммуникативные импликатуры [4, с. 172–177].

Целесообразно считать ироничные высказывания косвенными речевыми актами, которые обозначаются как «инвертивы», проявляющиеся в форме иллокутивов с обратным значением [7, с. 74–77]. Особенность инвертивов состоит в своеобразии воздействия тонкой иронии на интеллектуальную сферу интерактанта. Способность к восприятию инвертива обусловливается определенной степенью развития культурно-языковой интеллектуальной сферы слушающего. Инвертивы побуждают слушающего самостоятельно создавать истинные представления, существующие в сознании говорящего, и вызывать у собеседника соответствующие реакции. Классический пример, подтверждающий данное утверждение, мы находим у А. Буркхардта, который описывает эпизод из жизни З. Фрейда [2, с. 391]. Чтобы получить разрешение на выезд из Австрии, занятой нацистами, Фрейд должен был подписать следующее заявление: *Ich, Professor Freud, bestätige hiermit, dass ich von der Gestapo mit Achtung und Rücksicht behandelt wurde und nicht den geringsten Grund zu einer Beschwerde hatte.* Фрейд согласился подписать данное заявление с условием добавления только одной фразы *Ich kann die Gestapo jedermann aufs beste empfehlen*. Именно в этой фразе просматривается ироничный подтекст и имеет место переинтерпретация пропозиции, благодаря чему данное высказывание получает свой истинный смысл.

Неоднозначным является также вопрос соотнесения иронии с другими тропами и видами косвенности [8; 9; 10; 11].

Зачастую иронию отожествляют с метафорой, хотя, на наш взгляд, у них различные функции: метафора – троп, основанный на принципе аналогии и служащий оживлению стиля, а ирония дает противоположную негативную

оценку явлению. Однако ирония может быть метафорой, как, например, слишком высокооплачиваемого футболиста иронично называют *einen balltretenden Geldschrank* [2, с. 392].

Синонимичной иронии стилистической фигурой называют литоту. Литота, в отличие от иронии, заменяет какое-то выражение как перифраза через отрицание противоположности. Например, о непривлекательном человеке посредством литоты можно сказать: *Das ist ein kein Adonis*, а иронично: *Das ist ein Adonis.* В. Берг считает литоту градуальной иронией, приводя пример: *nicht klein – sehr groß* [12, с. 82]. Роднит их, на наш взгляд, то, что в литоте – перифразе появляется антоним.

Ряд лингвистов понимает иронию как особый случай аллегории [10, с. 190]. Но различие между аллегорией и иронией состоит в том, что аллегория субституирует что-то подобное или аналогичное для данного выражения, т.е. основывается на отношениях схожести сказанного и имеющегося в виду, а ирония основывается на отношениях противоположного.

Иногда иронию отождествляют с ложью. Нам представляется, что при иронии просматривается семантическая инверсия и истинное значение может быть реконструировано, а при лжи настоящий смысл сказанного не реконструируется. Кто говорит неправду, имеет намерение заставить слушающего поверить в сказанное, а кто высказывается иронично, имеет намерение побудить слушающего поверить в противоположность сказанного. Общность и различие между иронией и ложью немецкие лингвисты усматривают в логических суждениях [3, с. 144; 13, с. 15]:

Lüge: der S behauptet p; glaubt p; der H soll p glauben.

Ironie: der S behauptet p; glaubt p; der H soll (- p) glauben.

Человека, который не может понять ироничное высказывание, называют жертвой иронии. Модель коммуникации, а также неудача коммуникации могут быть представлены следующими формулами [13, с. 15].

Sender – Intention	*Empfänger – Intention*	*Ergebnis*
1. Ironisch	*Ironisch*	*Erfolg*
2. Ironisch	*nicht ironisch*	*Empfänger ist „Opfer der Ironie“*
3. Nicht ironisch	*Ironisch*	*Sender ist „Opfer der Ironie“*

По тому, как говорящий побуждает собеседника распознать иронию, можно выделить 3 типа ироничных высказываний, в каждом из которых имеется один преобладающий признак [3, с. 170]:

а) ирония как выражение противоположного значения, т.е. имеет место соответствие традиционному определению иронии: с одной стороны, имеется в виду выражение противоположности при наличии скрытой критики и, с другой стороны, выражение ироничной косвенности, а не эксплицитное выражение перформативными формулами, например: *Ich ironisiere* или *Ich stelle ironisch fest*, но возможным является и отрицание комментария, например: *Ich sage (meine) das keineswegs ironisch*;

б) ирония как притворство (от лат: *dissimulatio*). С. Парк, раскрывая данный тип иронии, отмечает, что говорящий ведет себя так, как будто он чего-то не знает или хочет узнать. Вопрос шефа *Habt ihr Ferien?* [3, с. 169] при виде отдыхающих рабочих звучит иронично, если он знает, что это рабочее время. В данном случае вопрос понимается как требование продолжить работу. Аспект игры исчез бы при вопросе *Ihr habt doch keine Ferien?*

в) иронию сравнивают с эффектом «эхо», которое не является непосредственным свойством иронии, но ироничный эффект все же возникает, когда говорящий напоминает собеседнику, что сказанное им ранее является неправильным или абсурдным. При этом говорящий утверждает это не прямо, а косвенно. Так, например, звучит ироничное утверждение *Was für ein schönes Wetter!* в следующей ситуации: *bei strömendem Wetter, wobei der H. vorher vorausgesagt hat, dass das Wetter schön wird*. Наблюдения показывают, что данный тип иронии может встретиться только в определенных контекстных условиях, а это дает основание некоторым зарубежным лингвистам усомниться в существовании данного типа иронии или считать его определенной игрой [4, с. 45].

Ирония как средство выражения контраста между сказанным и реальным может иметь 3 формы: вербальную, частично вербальную и невербальную [14, с. 288].

В случае вербальной иронии слова или фразы употребляются в противоположном значении, иногда встречается игра слов, например: *Eifersucht ist eine Leidenschaft*, *die mit Eifer sucht, was Leiden schafft.* Здесь обыгрываются составные части слова *Eifersucht – Eifer u sucht.*

При частично вербальной иронии используются вербальные и невербальные средства с противоположным значением, а высказывание *Du bist mir aber ein schöner Freund!* сопровождается определенной интонацией, покачиванием головы или жестикуляцией, что обозначает противоположное тому, что утверждается. Такая форма иронии используется часто в качестве убеждения в политических речах, например: *Stimmt, stimmt für diesen Kandidaten!* (рука и пальцы при этом движутся вперед, что означает: *Wählt ihn! Er wird nach den Wahlen alle seine Versprechungen vergessen*).

Невербальная ирония предполагает использование неязыковых имплицитных средств выражения, которые сигнализируют противоположный смысл (натянутая улыбка, сморщенный нос, паузы в общении и т.д.).

В большой лингвистике и в настоящее время идут споры о том, имеется ли в устной речи инвентарь ироничных сигналов, посредством которых задуманное может быть тотчас опознано. Под ироничными сигналами понимаются признаки, которые «мешают» дословному восприятию ироничного высказывания, поэтому многие авторы считают их обязательными [4, с. 192; 9, с. 121–125; 11, с. 294; 12, с. 87–91].

В качестве ироничных сигналов часто рассматриваются цитаты, на письме они обозначаются кавычками, а в устной речи эту функцию берет

на себя интонация. В. Берг иллюстрирует действенность сигналов следующими высказываниями, где ирония может возникать при повторении слов собеседника [12, с. 90].

1. Das ist ein edler Wein.

2. P sagt, es sei ein elder Wein.

3. Dieser Sauerrrampfer ist edler Wein.

Вместе с тем, кавычки и интонация не являются однозначными ироничными сигналами, так как они используются и в неироничных высказываниях, поэтому В. Берг замечает, что нет специального ироничного тона, а фразы типа *Das hast du fein gemacht!* могут быть произнесены в насмешливом тоне. Он называет в качестве ироничных сигналов употребление высокопарных выражений в определенных ситуациях, например: *Es ist wirklich das allerschönste Vergnügen auf der Welt, dir jeden Tag die Schuhe putzen zu dürfen* [12, с. 90].

Исследование материала не позволяет выделить идиоматическую иронию, а фразы типа:

Das ist ja eine schöne Geschichte.

Du bist mir der Rechte.

Du bist ein sauberer Patron.

могут употребляться в качестве иронии только в определенном контексте. Это же касается таких речевых действий как благодарность, поздравление, например:

Ich danke dir für deine überaus zahlreichen Anregungen und Hilfeleistungen (в ситуации, когда адресат разочаровал говорящего).

Интересными случаями являются выражения похвалы через порицание в определенных контекстах, например [12, с. 90]:

1. *Du hast heute wirklich schlecht gespielt, nur 4 Tore geschossen* (говорящий обращает внимание игрока на его неправильную самооценку).

2. *Das Essen hat mir heute wieder einmal gar nicht geschmeckt*. *Ich habe nur 5 Portionen gegessen* (говорящий опровергает мнение собеседника, что приготовленная еда невкусная).

3. Фраза *Picassos Bilder sind wirklich scheußlich* имеет смысл, если говорящий высоко оценивает картины Пикассо, в отличие от собеседника, которому они не нравятся.

Исследование материала дает основание выделить наиболее часто употребляемые ироничные формулы:

– *ja* (частица) – выражает иронию или удивление;

– *so-so* (междометие) – выражает иронию или сомнение;

– *hört! hört!* (возглас на собрании, когда иронично замечают, что сказанное вызывает удивление);

– *Clan* (ироничное название для группы, выражающей общие интересы);

– *Dämchen* – уменьшительное от *Dame*, ироничное употребление данного слова для маленькой девочки, которая ведет себя как взрослая).

В разряд этих формул может быть отнесено классическое ироничное выражение *“Schöne Bescherung!”*

Нередко ирония основывается на переосмыслении стереотипных словосочетаний, например: *Männer sind auch Menschen*.

Для реализации ироничного действия совсем необязательно, чтобы все участники речевого акта одинаково владели единой системой оценок и единым знанием фактов. Достаточно, чтобы сам слушающий хорошо ориентировался в системе оценок и фактурных знаний. Самым явным ироничным сигналом, возникающим в случае неудачно выраженной или непонятной иронии, является перформативное высказывание говорящего *Das war nur ironisch gemeint* или ответная реакция слушающего *Das meinen Sie doch nicht im Ernst?*

Маркерами ироничных сигналов, как было отмечено, могут являться и неязыковые средства: мимика, жестикуляция и т.д. Описание всех признаков ироничных сигналов представляется проблемным, так как они привязаны к определенной ситуации и могут быть описаны только в данном контексте. Способ передачи иронии, на наш взгляд, индивидуален и зависит от голосовых возможностей говорящего. На вопрос, почему то или иное высказывание звучит иронично, часто отвечают: оно так звучит, чему способствует его просодическое оформление [4, с. 174].

Среди отечественных лингвистов есть и такие, которые считают, что ирония выражается только просодическими средствами [15, с. 169]. В работах же немецких лингвистов высказываются мнения, что просодические средства не могут быть надежным критерием идентификации иронии, так как резкие изменения интонации присущи не только ироничным высказываниям [8, с. 31; 12, с. 90].

Анализ конкретного языкового материала (свыше 100 примеров) и его аутентичных записей свидетельствует о том, что для выражения иронии используются слова, словосочетания, междометия, частицы, сравнения, повторения, игра слов при поддержке просодических средств.

Для придания оттенка иронии может использоваться второй компонент существительных – *bold* для обозначения лиц, обладающих отрицательными чертами характера, например: *Lügenbold* (лгун), *Neidbold* (завистник), *Scheltbold* (сквернослов) [Ск, с. 27]. Слова и словосочетания для выражения иронии обусловливаются контекстом, в котором они обычно употребляются в негативном смысле: *Freund, Kollege*, *schöne Freunde* [Sm, S. 41]. Для них характерно в основном неглубокое падение тона, резкий неодобрительный тон. А в ироничной фразе *Guten Morgen!* имеет место ситуация – намек на большое опоздание служащего на работу. Фраза произносится с повышением тона в завершении и с неодобрительным тембром голоса. Междометия, частицы и сравнения еще больше усиливают ироничную направленность фразы, например:

Oh, ich bin gerade in der Stimmung für Musik! (ситуация абсолютно не подходит говорящему для отдыха).

Du hast mal wieder eine gute Idee gehabt (намек на плохую идею).

Was hattest du in der vorigen Arbeit? – Eine Vier. – So? Diesmal ist es viel besser – Diesmal ist es eine gute Vier (результат по-прежнему плохой) [Kstn, S. 98].

Повторения как средство иронии могут быть представлены словами, словосочетаниями, фразами, например: в ситуации, когда жена иронизирует по поводу прекрасной характеристики бывшего мужа, повторения имеют следующие формы [Mr, S. 29]:

Sie sagt (die neue Freundin):

Er ist attraktiv. *(1) Attraktiv?*

Immer ruhig und freundlich. *(2)So,so - ruhig und freundlich.*

Und elegant ist er. *(3) Und elegant ist er?*

В первой фразе ирония выражается удивлением-переспросом с сильным выделением ударного слога и резким повышением тона на нем; во второй фразе ирония усиливается междометиями *so-so,* произнесенными ровным насмешливым тоном; в третьей – переспросом со значительным повышением тона, имеет место даже удлинение краткого гласного в слове *elega:nt.*

Следует отметить, что во фразах различной коммуникативной направленности ироничное значение может заключаться в одном слове:

Es ist eine Affenhitze hier. (kalt)

Geht es nicht lauter? (leiser)

Was für ein herrliches Wetter. (schlechtes)

Ироничность может быть выражена также всей фразой, например:

Um Gottes willen, du siehst schon wieder grauenhaft aus! [Htng, S. 164] (спутник иронизирует над привычкой красивой девушки примерять большое количество одежды).

Es ist wirklich großartig, dass du mich so unterstützt hast (собеседник не поддержал говорящего).

Soll ich noch den Mantel bringen, Alex? (реакция учителя на то, что ученик не снял шапку в классе) [Lgr, S. 79].

Ирония часто используется в дидактическом процессе, что связано со стремлением учителя смягчить и завуалировать характер негативного высказывания. Часто для выражения скрытого недовольства, понятного из ситуации как говорящему, так и слушающему, используются лексемы с положительным оценочным значением, главным образом прилагательные, например:

Das hast du wirklich fein gemacht! [Kstn, S. 211].

Du hast ja wieder einen schönen Aufsatz geschrieben. [Ksb, S. 118].

Feine Zustände sind es bei euch! [Kstn, S. 102].

Ein schöner Freund bist du. [Sm, S. 43].

Ироничную эмоциональную оценку данных высказываний усиливают наречия *wieder, wirklich*, инверсия, а также просодические средства: сильное выделение ударных слогов, значительное удлинение главноударного слога *(sch:ön)* и первого компонента дифтонга *[fa: in]*.

Проведенный анализ языкового материала позволяет отметить, что ирония является одним из тех видов отрицательной оценки, значение которой раскрывается в контексте и усиливается просодическими средствами (расширенным тональным диапазоном, особым выделением ударных слогов, их сильным удлинением).

Однако не представляется возможным говорить об особом, ироничном тоне. Отрицательные оценки часто сопровождаются эмоциями, ярко выраженной громкостью, насмешливым, неодобрительным или пренебрежительным тоном.

Однозначно можно говорить о том, что ироничные высказывания являются примерами осложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственном высказывании, и требуют дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Riesel, E.* Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – M. : Hochschule, 1975. – 316 S.
2. *Burkhardt, A.* Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen / A. Burkhardt. – Tübingen : Niemeyer, 1986. – 466 S.
3. *Park, S.* Kommunikative Indirektheit / S. Park. – Münster – London : Verlag Berlin – Münster – Wien – Zürich – London – Impressum/Kontakt, 2000. – 289 S.
4. *Hartung, M.* Ironie in der Alltagssprache / M. Hartung. – Rudolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2002. – 198 S.
5. *Oomen, U.* Ironische Äußerungen – Syntax, Semantik, Linguistik / U. Oomen // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – Berlin : Schmidt, 1983. – S. 22–37.
6. *Kierkegaard, S.* Die ironische Redefigur / S. Kierkegaard // Die Kunst des Gesprächs. – München : Beck, 1986. – 252 S.
7. *Кохнович, Т.К.* Ироничные высказывания в свете теории речевых актов / Т.К. Кохнович // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и студентов : в 5 ч. – Минск, 2011. – Ч. III. – С. 74–77.
8. *Lapp, E.* Linguistik der Ironie / E. Lapp. – Tübingen : Narr, 1992. – 213 S.
9. *Löffler, H.* Die sprachliche Ironie – ein Problem der pragmatischen Textanalyse / H. Löffler // Deutsche Sprache. – Berlin : Schmidt, 1983. – S. 120–130.
10. *Müller, W.G.* Ironie, Lüge, Simulation / W.G. Müller // Zur Terminologie der Literaturwissenschaft. – Stuttgart : Chr. Wagenknecht, 1998. – 195 S.
11. *Groeben, N.* Ironie als spielerischer Kommunikatiostyp / N. Groeben // Kommunikationstypologie. – Düsseldorf : Schwann, 1986. – 179 S.
12. *Berg, W.* Uneigentliches Sprechen / W. Berg. – Tübingen : TBL – Verlag, 1978. – 248 S.
13. *Reichholf, C.* Gerhard Amanshausers Ironie und Satire / G. Reichholf. – Stuttgart : Heinz, 1985. – 206 S.
14. *Гончарова, Е.А.* Теория и практика стилистического анализа / Е.А. Гончарова. – М. : Академия, 2010 – 352 с.
15. *Григорьев, Е.И.* Основы фонопрагматики немецкого языка / Е.И. Григорьев. – Днепропетровск : Навчальна книга, 1997. – 169 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Htng – *Hartung, M.* Ironie in der Alltagssprache / M. Hartung. – Rudolfzell : Verlag für Gesprächsforschung, 2002. – 198 S.
Kst. – *Kästner, E.* Das fliegende Klassenzimmer / E. Kästner. – Zürich : Atrium Verlag, 1996. – 176 S.
Lgr. – *Lüger, H.H.* Routinen und Rituale in der Alltagskommunikation / H.H. Lüger. – Tübingen : Langenscheidt, 1993. – 112 S.
Ksb. – *Kusenberg, K.* Lesebuch für das 7. Klasse / K. Kusenberg. – Darmstadt : Winklers, 1982. – 336 S.
Mr. – *Maier, M.* Alltagsszenen / M. Maier. – Stuttgart : Kett, 1986. – 132 S.
Sm. – *Schumacher, S.* Kurzhörspiele / S. Schumacher. – Bonn : Internationes, 1989. – 63 S.
Ск. – *Сакиева, Р.С.* Эмоциональная разговорная речь / Р.С. Сакиева. – М. : Высшая школа, 1991. – 191 с.

The article is devoted to the investigation of irony as a syntactic figure with an opposite meaning. Under analysis are such issues as the essence of ironic utterances, their forms, types, identification as well as language means of expressing irony. Irony is treated as an indirect speech act.

Поступила в редакцию 30.04.12

А.В. Красник

СТРУКТУРА АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «ПОГОДА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья отражает результаты исследования структуры ассоциативного поля «Погода» в английском языке по данным ассоциативного словаря. Выявлены лексические средства объективации поля, составлено совокупное ассоциативное метеополе, состоящее из слов-стимулов, значения которых прямо или косвенно включают метеорологический компонент, и реакций на эти стимулы. Описана структура ассоциативного поля «Погода», представляющая собой сложное образование, состоящее из девяти групп, объединяющих ЛЕ на основе семантических признаков, выявленных при помощи метода семантического анализа, выделены общие и отличительные признаки каждой группы. Также выделены группы ЛЕ, косвенно связанные с погодными явлениями, которые играют важную роль для установления различия между лексикографическим и психологически реальным значением.

В понятии *сознание* как высшей понятийной формы отражения человеком действительности разграничивают когнитивное сознание, представляющее собой информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, представляющими в ментальной форме отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность,

и языковое сознание – закрепленное языковыми знаками отражение действительности [1, с. 172]. Ввиду недоступности непосредственному наблюдению сознание может быть изучено лишь благодаря языку и через язык.

Важнейшими составляющими сознания признаются значения, поскольку именно они являются преобразованной и свернутой в материи языка идеальной формой существования предметного мира, его свойств, связей и отношений [2, с. 105].

Специфика психолингвистического подхода к трактовке значения в том, что оно рассматривается как единица языкового сознания, не совпадающая с лексикографическим описанием значения слова; в необходимости различать значение слова и знание его индивидом; в выявлении личностного смысла знака (И.А. Стернин, З.Д. Попова, Ю.Н. Караулов, А.А. Залевская и др.).

Таким образом, ученые различают значение, фиксируемое в словарях и именуемое лексикографическим, которое создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, т.е. минимизации признаков, включаемых в значение, и психологически реальное значение, т.е. значение в том виде, в котором оно представлено в языковом сознании носителя языка [1, с. 173]. Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, так как является меньшим по объему, чем психологически реальное значение, представляющее собой «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [1, с. 173]».

Исследования психологически реального значения с помощью ассоциативного эксперимента (И.А. Стернин, З.Д. Попова, Ж.И. Фридман) как одного из способов овнешнения языкового сознания дают возможность выявить системность самого образа сознания, который стоит за словом, т.е. системность тех знаний, которые та или иная культура транслирует всем своим членам через значение, позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в процессе понимания, хранения и порождения речи. Свободный ассоциативный эксперимент для определения психологически реального значения дает актуально осознаваемые семантические компоненты и парадигматические связи.

Целью данной статьи является выявление структуры ассоциативного поля «Погода» посредством выявления специфики психологически реального значения как феномена языкового сознания. Особенности лексикографического значения рассмотрены в статье автора в Вестнике МГЛУ. Материалом для изучения ассоциативного поля «Погода» послужили языковые единицы Ассоциативного тезауруса английского языка [3].

Основываясь на данных толкового словаря [4], который дает следующее определение погоды *Weather = atmosphere condition (wind + precipitation (rain, snow, hail, dew, etc.) + temperature) + particular place + particular time*, были отобраны слова-стимулы, значения которых прямо (например, *snow,*

rain, dew – precipitation) или косвенно (*thunder – weather condition, sprinkle – type of rain, flake – a small piece of snow*) включают метеорологический компонент в виде определенных атмосферных условий (дождь, снег, град, роса и др.), ветра, температуры, протекающих в определенном месте в определенное время. Таким образом, были отобраны и проанализированы стимулы *weather, wind, temperature, tempest, tornado, breeze, cold, dew, fog, gale, hurricane, hail, heat, haze, mist, frost, rain, shower, squall, storm, snow, warmth, smog, precipitate, cool, icicle, hoar, chill, atmosphere, air, ground, water, thunder, cloud, lightning, rainbow, sun, slush, mud, sky, moon, star, ripple, wave, calm, climate, season, drought, earthquake, torrent, flood,* а также словарные статьи на данные стимулы [3]. Словарная статья содержит информацию об общем количестве информантов, давших ответ на заданный стимул, количество разных реакций на стимул с указанием их частотности.

На основе всех ассоциатов на полученные стимулы было образовано совокупное ассоциативное поле «Погода», составляющее 1 466 реакций, из них 915 разных реакций. Далее была проведена семантическая интерпретация языкового материала с помощью метода семантического анализа [1, с. 177], который включает:

1. Семную интерпретацию ассоциатов: значения ассоциатов интерпретируются как значения семантических компонентов, образующих значение слова-стимула. При этом происходит обобщение полученных результатов: близкие по семантике ассоциаты, называющие один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется. Обобщаются однокоренные ассоциаты, перифразы, номинации одного семантического компонента словами разных частей речи и т.д., например, *cloud* и *clouds* – как *cloud/s* 2, *storm* и *stormy* – как *storm* 2.

2. Распределение семантических компонентов по семантическим признакам: под семантическим признаком понимается интегральная часть семы, то есть та ее часть, которая объединяет данную сему с некоторыми другими, например, семантический признак ‘осадки’ объединяет вместе ЛЕ *snow, hail, rain, hoar-frost, fog*, так как их значения включают интегральную сему ‘вода’.

3. Семемную атрибуцию семантических признаков и семантических компонентов: выделенные семы группируются по отдельным значениям (семемам), которые вычленяются на основе различной денотативной отнесенности семантических компонентов, например, ЛЕ *deluge*, *flood*, *shake* входят в одну группу, так как они обозначают отклонение от нормы в проявлении погодных явлений.

В результате семантической интерпретации ассоциатов были выделены 14 семантических признаков (табл. 1). Признак ‘ветер’ объединяет ЛЕ, обозначающие движение воздуха; признак ‘осадки’ – ЛЕ, обозначающие воду в разных физических состояниях; признак ‘температура’ – состояние атмосферы с точки зрения степени нагретости; признак ‘форма’ – способ существования, внешнее проявление явления; признак ‘разновидность’ – видоизменение явления; признак ‘погодные явления, сопровождающие

осадки’ – явления погоды, проявляющиеся в иной, чем вода, форме; признак ‘время’ – промежуток той или иной длительности, в который совершается какое-либо явление; признак ‘место’ – пространство, на котором происходит какое-либо явление. Семантические признаки ‘признаки погодных явлений’ и ‘действия погодных явлений’ объединяют семы, обозначающие качественные и количественные характеристики явлений погоды, а также их процесс проявления. Также были выделены признаки: ‘объекты влияния погодных явлений’, ‘результат влияния погодных явлений’, ‘средства борьбы с погодными явлениями’, ‘деятельность во время погодного явления’, которые не рассматриваются в данной статье, так как характеризуют ассоциаты, только косвенно связанные с погодными явлениями.

На основе выделенных признаков все полученные реакции были распределены по группам, кроме некоторых реакций (86 ЛЕ), относящихся к индивидуальным реакциям, которые не вошли ни в одну из групп. Часть реакций (238, из них 191 разных), вызванных тем, что стимулы являются многозначными, не рассматривались в данной статье, так как их значения не включают метеорологический компонент, например, реакции *bath* на стимул *shower* или реакция *chemistry* на стимул *precipitate*. Одно из значений *shower* ‘душ’ вызвало реакцию ‘ванна’, а одно из значений *precipitate* ‘химический осадок’ – реакцию ‘химия’. Также не анализировались выделенные нами группппы: «Влияние», включающие 114 реакций, из них 89 разных; «Культурные особенности» – 15; «Метеорологические термины» – 27 (20); «Сходство» – 71 (68); «Деятельность» – 86 (64), так как они имеют косвенную связь с полем «Погода».

Т а б л и ц а

Структура ассоциативного поля «Погода»

Кол-во ЛЕ в группе (из них разных)	607 (255)	68 (31)	78 (50)	36 (30)
Группы / Признаки	Погодные явления в воздухе	Погодные явления на воде	Погодные явления на земле	Катаклизмы
Ветер	+			+
Осадки	+	+	+	+
Температура	+			+
Форма	+	+	+	+
Разновидность	+			
Погодные явления, сопровождающие осадки	+			
Место	+	+	+	+
Время	+	+	+	+
Признаки погодных явлений	+	+	+	+
Действия погодных явлений	+	+	+	+

Структура ассоциативного поля «Погода» представляет собой сложное образование, включающее 9 групп (4 из них представлены в табл.). ЛЕ *weather* (12 реакций), *climate* (2), *season* (1) составляют смысловое ядро совокупного ассоциативного поля «Погода», объединяющие все реакции поля, так как они непосредственно обозначают погоду. Отличие между ними, по данным толкового словаря [4], заключается в том, что в значении *climate,* в отличие от значения *weather*, отсутствует компонент ‘время’, так как климат носит перманентный характер. Это долговременные погодные условия, которые различаются в зависимости от территории их протекания. Климатические условия, конечно, могут меняться, но на это требуется намного больше времени по сравнению с погодой. Для значения же *season* важным компонентом являются изменения времени: четыре сезона циклично сменяют друг друга, показатель места остается одним и тем же. Погодные же условия изменяются всегда и везде, в любой стране и в любое время суток. Поэтому для людей так важен прогноз погоды, который может быть предсказан не более чем на пару дней.

Группы «Погодные явления в воздухе», «Погодные явления на земле» и «Погодные явления на воде» включают ЛЕ, обозначающие погодные явления и их результат в воздухе (например, *tornado, gale, centigrade, kelvin, snow, rain, hail, thunder, lightning, cold, warmth, drop, flake*), на земле (например, *dew, mud, puddle, patch*) и воде (например, *splash*, *ripple*) соответственно.

Группа «Катаклизмы» состоит из ЛЕ, обозначающих природные катаклизмы как отклонение от нормы в проявлении погодных явлений (например, *flood, deluge*). Возможность выделения подобных ЛЕ в отдельную группу скорее всего говорит о том, что сегодня все чаще можно наблюдать сбой в работе природы и все сложнее дать прогноз на завтрашний день.

Как видно из табл., данные четыре группы образованы на основании нескольких общих семантических признаков. Все они представляют собой осадки (например, *drizzle, dew, gloom, sleet, ebb*) в определенной форме (например, *drop, burst, stream, bubbles*), происходящие в определенное время, (например, *year, autumn, day*) в определенном месте (например, *ocean, street, London*). Для группы «Погодные явления в воздухе» характерно наибольшее количество выделенных семантических признаков. Это можно объяснить важной ролью атмосферы, т.е. воздушного пространства вокруг земли, в значении погодных явлений: большая часть погодных явлений происходит непосредственно в воздухе. Наличие, например, признаков «Разновидность» и «Погодные явления, сопровождающие осадки» в данной группе позволяет проследить иерархию ЛЕ, составляющих группу, и их роль в природе.

Погодным явлениям, представленным в поле «Погода», свойственно наличие качественных и количественных характеристик, а также выполнение определенного рода действия, о чем свидетельствуют выделенные признаки. Признаки погодных явлений, отражающих восприятие погоды в языковом сознании носителей языка, имеют положительную (например, *good, pleasant*), отрицательную (например, *awful, horrid*) и нейтральную,

являющуюся скорее физической (например, *yellow, loud*), характеристику. Рассматривая количественные показатели реакций, следует отметить, что в общей сумме реакции-признаки, обозначающие холодную, сырую и ветреную погоду – 42 (например, *cold, wet, bitter*) преобладают над теплыми – 22 (например, *placid, serene*). Это свидетельствует о том, что в сознании англичан погода представляется скорее холодной, нежели жаркой и знойной, с ветрами и туманами, а также значительным количеством осадков в виде дождя и снега. Это, вероятно, свидетельствует о том, что на характере ассоциаций сказываются географические условия проживания.

Анализ ассоциативных полей показал, что понятие *погода* четко осмысливается и осознается носителями языка. Она воспринимается в большей степени как холодная с ветрами, туманами и значительным количеством осадков, что свидетельствует о влиянии географических условий проживания испытуемых. Структура поля характеризуется наличием смыслового ядра и рядом групп ЛЕ, наполняющих эту структуру. Наиболее многочисленной является группа «Погодные явления в воздухе», что обусловлено важной ролью атмосферы в формировании погодных явлений. Кроме рассмотренных в статье групп, непосредственно относящихся к погодным явлениям, также были выделены группы, косвенно связанные с погодными явлениями, что подтверждает возможность ассоциативного эксперимента более широко раскрыть значение слов в отличие от данных, представленных в словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И.А.* Значение в языковом сознании: специфика описания / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – № 4. – С. 172–180.
2. *Уфимцева, Н.В.* Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – М. : Институт языкознания РАН, 2003. – № 1.– С. 102–110.
3. The Edinburgh Word Association Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access : http:// www.eat.rl.ac.uk. – Date of access : 14.09.2011.
4. Oxford Advanced Learner's Dictionary / Oxford University Press. Eighth edition, 2010. – 1952 p.

The article deals with the problem of a structure identification of the associative field "Weather" in English. The research reveals the detection of lexical units composing the associative field "Weather" and the identification of semantic signs determining this structure.

Поступила в редакцию 17.05.12

Л.Г. Крот

ЛЕКСИЧЕСКАЯ АНТОНИМИЯ В МОТИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается проблема соотношения антонимии и явления мотивации слов. Дается краткий обзор основных подходов к трактовке данных проблем, предлагаемых различными исследователями. Проведен мотивологический анализ лексико-семантической группы прилагательных, характеризующих человека в современном английском языке, выявлены типы их мотивированности, представлен их сравнительный количественный анализ.

Изучены структурные и семантические характеристики антонимов, проанализированы отношения мотивированности в антонимических парах. Представлена классификация антонимов по признаку мотивированности/немотивированности, определена степень мотивированности антонимических оппозиций. Установлены закономерности соотношения строения лексических единиц и их мотивированности. Автор описывает типы актуализации антонимических и мотивационных связей, раскрывает сущность антонимо-мотивационных отношений.

Развитие современного языкознания характеризуется все более пристальным вниманием лингвистов к вопросам смысловой структуры слова, к системному рассмотрению различных уровней языка, в том числе лексики.

Исследование проблемы *антонимии* было и остается одной из наиболее актуальных и интереснейших проблем современного языкознания. Антонимия как один из важнейших типов системных отношений в лексике рассматривается в работах Л.А. Новикова [1], М.Р. Львова [2], Л.А. Введенской [3], В.А. Ивановой [4] и других ученых. Проблема антонимии привлекает внимание также исследователей разных языков и изучается в лингвистическом [5; 6; 7; 8]; стилистическом [9], сопоставительно-типологическом [9], [10]; лингвокогнитивном [11] и функциональном [12] аспектах. Несмотря на исследования, проведенные в языкознании начиная со второй половины XX ст. в области антонимии, а также множество отдельных специальных работ, посвященных данной проблеме, по сей день существуют вопросы, которые не нашли своего точного ответа. К ним относится и проблема соотношения антонимических и мотивационных отношений в современном английском языке.

Актуальность темы исследования определяется общетеоретической значимостью антонимических отношений в системе языковых связей и ее недостаточной разработанностью в мотивационном аспекте.

Материалом для исследования послужила лексико-семантическая группа прилагательных, характеризующих человека в современном английском языке, отобранных путем сплошной выборки из антонимических одноязычных словарей [13; 14], общим объемом 105 антонимических пар. Прилагательные этого разряда настолько четко выделяются семантически, что, как правило, их предметная отнесенность не вызывает никаких сомнений и отбор их по словарю не представляет трудности.

Обращение к изучению имен прилагательных не случайно. Оно продиктовано целым рядом соображений, из которых главным, по твердому убеждению З.А. Харитончик, является то, что именно в области прилагательного наиболее очевидна абстрагирующая и анализирующая мыслительная деятельность человека, благодаря которой признак, свойство, качество, любые атрибуты, составляющие неотъемлемую сущность предмета, явления, вещи в самом широком смысле этого слова, мыслятся в отвлечении от нее [15, с.3]. Соответственно, возникает закономерный вопрос о том, насколько верны и применимы в области адъективной лексики современные теоретические концепции о *мотивированности* лексических единиц.

М о т и в и р о в а н н о с т ь , под которой мы, вслед за О.И. Блиновой, понимаем структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и его звуковой оболочки на основе его лексической и структурной соотнесенности [16, с. 15–16], и *мотивация* как процесс, в результате которого мотивированность возникает, – важные и весьма сложные явления в языке.

Различные проблемы мотивированности освещались в трудах таких ученых, как В. фон Гумбольдт [17], Ф. де Соссюр [18], А.А. Потебня [19] и многих других. Не прекращается интерес к проблеме мотивированности лексических единиц как сложного и противоречивого языкового явления и в настоящее время, о чем свидетельствуют работы О.И. Блиновой [16; 20], Т.А. Демешкиной [21], Е.В. Иванцовой [22], Н.Д. Голева [23], З.А. Харитончик [24], Л.Г. Крот [25; 26] и других исследователей.

Когда мы говорим о том или ином лексическом явлении, под этим понимаем форму обнаружения, проявления того или иного отношения слов в совокупности присущих этому типу отношений свойств, сущностных характеристик. Так, явление антонимии имеет форму реализации антонимических связей слов, основанных на предельном смысловом противопоставлении, контрасте, характеризующихся формальными средствами своего обнаружения, разновидностями, функциональным назначением. То же самое можно сказать и о явлении мотивации слов.

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике является соотносительное противопоставление двух или более слов, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку. Такие слова и называются *лексическими антонимами* (греч. *anti* ‘против’ + *onyma* ‘имя’).

Все существующие в современной теории антонимов определения и критерии выделения антонимов (см. подробнее [1; 3; 4]) построены на анализе слов литературного языка с противоположными значениями и поэтому опираются на изучение словарных дефиниций антонимов. В качестве существенных признаков (и в то же время критериев выделения) антонимов называют ряд парадигматических и синтагматических признаков, таких как 1) соотносительная противоположность значений, 2) относительная симметричность смысловых структур, 3) регулярная совместная воспроизводимость в типовых антонимических контекстах, 4) одинаковая или сходная сочетаемость, 5) одинаковая стилистическая окраска.

Основным критерием выделения антонимичности слов в статье называется парадигматический – соотносительная противоположность значений.

В качестве основного определения антонимов мы принимаем формулировку Л.А. Новикова, который утверждает, что «антонимы – это пары (группы) слов, наилучшим образом приспособленные для выражения функции противоположности. Это слова, в значении которых отражается их взаимная противоположность друг другу» [1, с. 81], а элементарной единицей антонимического противопоставления в работе выступает лексико-семантический вариант слова.

Изучение проблемы мотивированности слова на примере антонимов приводит к постановке задачи рассмотрения описываемых прилагательных с точки зрения их структурного и семантического состава.

Согласно данным проведенного структурного анализа, было выявлено два класса антонимов:

• *однокорневые* с противоположным по значению аффиксом, являющиеся результатом словообразовательных процессов, например, ***reliable*** ‘надежный’ – *un****reliable*** ‘ненадежный’, ***thought****ful* ‘задумчивый’ – ***thought****less* ‘беспечный’;

• *разнокорневые* – слова разных корней типа ***self****ish* ‘эгоистичный’ – ***altruis****tic* ‘альтруистический’, ***cauti****ous* ‘осторожный’ – ***risk****y* ‘рискованный’.

В результате семантического анализа выделяются *контрарные* и *контрадикторные* типы антонимов, каждый из которых обладает своими характеристиками. Как указывает Л.А. Новиков, слова являются к о н т р а р н ы м и антонимами, если они «соответствуют противоположным (контрарным) понятиям, представляют собой крайние члены упорядоченного множества и выражают контрарную противоположность: *X* – не *X*, не *Y* – *Y* (типа *young* ‘молодой’ – *not young*/*not old* ‘немолодой’/‘нестарый’ – *old* ‘старый’) [1, с. 82]. Для контрарных антонимов характерно то, что они регулярно поддаются градации, которая связана с операцией сравнения, и предполагают наличие некоторой точки отсчета или нормы, относительно которой происходит утверждение некоторой степени качества. Под к о н т р а д и к т о р н ы м и антонимами подразумеваются слова, семантические отношения которых друг с другом «соответствуют формально противоречащим (контрадикторным) понятиям типа *X* – не *X*, но выступают в языке как противоположные, как выражение контрадикторной противоположности» [1, с. 82]. Характерная особенность таких оппозиций – отсутствие среднего, промежуточного звена, например: *married* ‘женатый’– *single* ‘холостой’, *true* ‘истинный’ – *false* ‘ложный

Отношения мотивированности свойственны как контрарным антонимам (***intelligen****t* ‘умный’ – ***learn****ed* ‘ученый’ – ***ignor****ant* ‘невежественный’), выражающим противоположную степень проявления признака, состояния, так и контрадикторным (*reasonable* ‘благоразумный’ – ***un****reasonable* ‘неблагоразумный’, *inventive* ‘изобретательный’ – ***un****inventive* ‘неизобретательный’), связанным с обозначением взаимно исключающих друг друга противоположных признаков, между которыми не может быть градуальных переходов.

Как показывают примеры, антонимы контрарного типа представляют собой разнокорневые слова, а антонимы контрадикторного типа – однокорневые с отрицательной приставкой.

В ходе исследования было установлено, что связь явления мотивации и явления антонимии многоаспектна.

1. Антонимические отношения слов в преобладающем большинстве своем совмещаются с мотивационными отношениями. Мотивационные связи пронизывают около 48 % рассмотренных антонимических пар, причем из них 34 % мотивированы лексически – «тип мотивационной связи лексических единиц, при котором обнаруживается лексическая мотивированность слова, отражающая его мотивировочный признак» [20, с. 45]. Отношения лексической мотивации характеризуют пары антонимов, которые различаются приставками, выражающими отрицание, (*un*-, *in*-, *ir*-, *il*-, *im*-), например: *SKILful* ‘искусный’ – ***un****SKILful* ‘неискусный’, *legal* ‘законный’ – **il***LEGAL* ‘незаконный’, *moral* ‘нравственный’ – **im***MORAL* ‘безнравственный’ и др. В приведенных примерах лексическая мотивация проявляется на основе отношений с однокорневыми словами, выделенными заглавными буквами. 14 % антонимических пар мотивированы структурно. Это «тип отношений лексических единиц, при котором обнаруживается структурная мотивированность слова, отражающая его классификационный признак» [20, с. 45], например: *interestING* ‘интересный’ – *borING* ‘скучный’, *broad-mindED* ‘с широким кругозором’ – *narrow-mindED* ‘недалекий’. Как видно из примеров, отношения структурной мотивации выявляются на основе соотношения с одноструктурными словами.

2. Мотивированность как свойство слова может быть использована в качестве типологического признака для классификации антонимов. Так, в дополнение к семантической и структурной классификации антонимов можно выделить классы антонимов в их отношении к мотивированности/немотивированности: разряд антонимов, компоненты которых являются *мотивированными* (44 %), например, *charming* ‘обаятельный’ – *disgusting* ‘отталкивающий’; разряд антонимов, один из компонентов которых является *мотивированным*, а второй *немотивированным* (36 %): *fair* ‘честный’ – *unfair* ‘нечестный’; разряд антонимов, оба компонента которых представлены *немотивированными* словами (20 %): s*lim* ‘стройный’ – *fat* ‘жирный’. Полученные данные нашли отражение в таблице.

Типы мотивированости имен прилагательных

Типы мотивированности	Количество единиц	Процентный состав
Полная мотивированность	67	44
Частичная мотивированность	55	36
Немотивированная пара	30	20
Всего	151	100

Таким образом, адъективная лексика, характеризующая человека, в современном английском языке неоднородна с точки зрения ее мотивированности. Значения мотивирующих единиц повторяются в лексических значениях исследуемых прилагательных с разной степенью полноты, что дает основание выделить полностью мотивированные, частично мотивированные и немотивированные антонимические пары.

Данные таблицы показывают, что число пар, в которых ни один компонент не мотивирован, значительно меньше числа мотивированных либо частично мотивированных пар. Это свидетельствует о том, что в современном английском языке доля мотивированных слов сравнительно велика (ср. [26, с. 117–118]). Подобные результаты могут говорить о наличии очевидной модели образования антонимических пар в современном английском языке, где одно слово оппозиции служит мотивировочной базой своему антониму, например: ***kind*** ‘добрый’ – *un****kind*** ‘злой’. Естественно, что структурная простота и сложность признаковых слов сопряжена с их мотивированностью/немотивированностью. Между структурными характеристиками слова и его мотивированностью существует прямая зависимость: единицы, являющиеся по своей структуре комплексными, в число которых входят аффиксальные производные, в подавляющем большинстве мотивированы, а монолексемные образования, представленные простыми, корневыми словами, – немотивированы.

Результаты исследования показали, что устанавливается системность взаимодействия антонимии и мотивационных отношений как двух лексико-семантических категорий. Сущность антонимическо-мотивационных отношений обнаруживается в характере совпадения актуализации (т.е. воспроизводимости) антонимических и мотивационных связей и заключается в том, что актуализация мотивационных отношений антонимов может быть регулярной и нерегулярной.

Регулярная актуализация мотивационных отношений происходит между членами антонимической оппозиции: *CHEERful* ‘веселый’ – *CHEER****less*** ‘грустный’. Это означает, что каждый раз, когда актуализируются антонимические отношения между находящимися в мотивационных отношениях членами антонимической оппозиции, обязательно актуализируются и антонимические отношения меду этими членами.

Регулярная актуализация антонимичесих отношений может быть трех типов:

- регулярная актуализация отношений лексической мотивации (*TACTful* ‘тактичный’ – *TACT*les***s*** ‘бестактный’ и др.);
- регулярная актуализация отношений структурной мотивации: (*egoist****IC*** ‘эгоистичный’ – *altruist****IC*** ‘альтруистичный’ и др.);
- регулярная комплексная актуализация мотивационных отношений, сочетающая одновременно актуализацию и лексической, и структурной мотивации (*RESPONS****IBLE*** ‘ответственный’ – ***ir****RESPONS****IBLE*** ‘безответственный’.)

Нерегулярная актуализация мотивационных отношений возможна в том случае, когда члены антонимической оппозиции не связаны антонимическими отношениями, и поэтому при актуализации антонимических отношений актуализация мотивационных отношений одного члена этой оппозиции может происходить: *temperamental* ‘темпераментный’ – *placid* ‘спокойный’, *penniless* ‘бедный’ – *rich* ‘богатый’ (как видно из примеров, первые компоненты в оппозициях мотивированы лексически), а может и не происходить, как в антонимической оппозиции *tall* ‘высокий’ – *short* ‘низкий’, где оба компонента немотивированы.

Таким образом, отличие регулярной актуализации мотивационных отношений антонимов от нерегулярной состоит в том, что первая всегда совпадает с актуализацией мотивационных отношений, а последняя в ряде случаев может сопровождать актуализацию антонимических отношений.

В свете вышесказанного закономерно заключение о том, что взаимодействие антонимии с мотивационными отношениями носит сложный нелинейный характер. Отношения лексической мотивации устанавливаются либо между однокорневыми, либо между одноструктурными единицами. Следовательно, подавляющее большинство антонимов характеризуется регулярностью совместной воспроизводимости, обусловливающей особенности актуализации мотивационных отношений.

Наблюдается определенная закономерность между строением лексических единиц и их мотивированностью, что свидетельствует о значимости способа организации наименования в единое целое. Классификация антонимических пар может производиться с учетом их мотивированности, и это позволяет говорить о мотивированности как факторе возникновения антонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новиков*, *Л.А.* Антонимия в русском языке : Семантический анализ противоположности в лексике / Л.А. Новиков. – М. : МГУ, 1973. – 290 с.
2. *Львов*, *М.Р.* Словарь антонимов русского языка / М.Р. Львов. – 9-е изд., стер. – М. : АСТ – Пресс книга, 2009. – 592 с.
3. *Введенская*, *Л.А.* Учебный словарь антонимов русского языка / Л.А. Введенская. – 3-е изд. – М.; Ростов н / Д : Март Т ; Феникс, 2010. – 320 с.
4. *Иванова*, *В. А.* Антонимия в системе языка / В.А. Иванова. – Кишинев : Штиинца, 1982. – 163 с.
5. *Закирова*, *Р.М.* Антонимия в татарском языке : лексико-грамматические, семантические и стилистические особенности употребления : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Р.М. Закирова ; Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан. – Казань, 2001. – 233 л.
6. *Чурносова*, *Т.Ф.* Антонимия в именном словообразовании немецкого языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.Ф. Чурносова ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2001. – 156 л.

7. *Соловьева*, *Н.В*. Лексические и фразеологические неологизмы, вступающие в отношения противоположности : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Соловьева ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 316 л.
8. *Боева*, *Н.Б*. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. … д-ра филол. наук : 10.02.04 / Н.Б. Боева ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2001. – 367 л.
9. *Мамедов*, *Ч.М*. Стилистические антонимы (сравнительно-типологическое исследование) : автореф. … канд. филол. наук : 10.02.09 / Ч. М. Мамедов ; Ин-т языкознания им. И. Насими НАН Азербайджана. – Баку, 2008. – 18 с.
10. *Лихачева*, *О.М*. Сопоставительно-типологический структурно-семантический анализ антонимов в русском и английском языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01; 10.02. 20 / О.М. Лихачева ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2006. – 233 л.
11. *Чернега*, *Е.Н*. Антонимия в лингвистическом и лингвокогнитивном аспектах : На материале речи младших школьников : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.Н Чернега ; Таганрог. гос. ун-т. – Таганрог, 2005. – 352 с.
12. *Райская, Л.М*. Антонимия в лексической системе говора: На материале Нарымского говора : автореф. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.М. Райская ; Том. гос. ун-т. – Томск, 1985. – 18 л.
13. The Penguin Dictionary of English Synonyms and Antonyms / ed. R. Fergusson. – London : Penguin Books, 1992. – 442 p.
14. A Basic Dictionary of Synonyms and Antonyms / ed. L. Urdand. – 1st Indian ed. – Delhi : Ravindra Print Press, 1983. – 399 p.
15. *Харитончик*, *З.А*. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З.А. Харитончик. – Минск : Вышэйш. шк., 1986. – 96 с.
16. *Блинова, О.И*. Явление мотивации слов : Лексикологический аспект / О.И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. – 191 с.
17. *Гумбольдт*, *В. фон*. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие всего человечества // Избр. труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 36–298.
18. *Соссюр*, *Ф. де*. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
19. *Потебня*, *А.А*. Мысль и язык / А.А Потебня. – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.
20. *Блинова, О.И*. Русская мотивология : учеб.-метод. пособие / О.И. Блинова. – 3-е изд. перераб и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 60 с.
21. *Демешкина*, *Т.А*. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики / Т.А. Демешкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.
22. *Иванцова*, *Е.В*. Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
23. *Голев*, *Н.Д*. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252 с.
24. *Харитончик*, *З.А*. Платон и его теория номинации / З.А. Харитончик // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 1999. – № 5. – С. 61–71.

25. *Крот, Л.Г.* Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения : На материале имен существительных современного английского языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.Г. Крот ; МГЛУ. – Минск, 2002. – 105 л.
26. *Крот, Л.Г.* Мотивационные характеристики современного английского языка / Л.Г. Крот // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2009. – № 6. – С. 113–120.

The aim of the article is to determine the correlation between the antonymy of adjectives and their motivation. The types of the correlation are revealed and classified. A new typology of antonym motivation in English is created.

Поступила в редакцию 21.05.12

И.И. Пасовец

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ ИНТЕНЦИИ АДРЕСАТА В АПЕЛЛЯТИВНЫХ ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуются тексты, реализующие апеллятивную функцию, которая эксплицируется при помощи определенной совокупности взаимодействующих языковых средств. Для выражения интенции адресата используются различные конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительного предложения, а ядерными средствами реализации основной интенции адресата служат директивные речевые акты, которые подразделяются на инъюнктивы и реквестивы. Последние характеризуются множественностью оттенков побудительных интенций. В апеллятивном тексте под воздействием экстралингвистических факторов формируются структурно-семантические особенности директивного речевого акта, что обусловливает возникновение вариантов побуждения к действию.

Материалом для данного исследования служит класс текстов, отличающийся четко определенной апеллятивной функцией, т.е. функцией побуждения реального адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия. К классу *апеллятивных текстов* относятся тексты военной и политической пропаганды (листовки, плакаты), гражданские и военные приказы, распоряжения, религиозные проповеди, молитвы, деловые письма (различные письма-просьбы, рекламации), заявления о приеме на работу, частные письма и др. Структурная организация таких текстов имеет определенные закономерности, которые проявляются в обязательном наличии в препозиции к тексту характеризующего обращения, называющего реальное лицо индивидуального или коллективного характера, вступления, содержащего информацию о существующем положении вещей, основной части,

включающей аргументы, свидетельствующие о необходимости совершения адресатом определенного действия, заключения с выраженной эксплицитно иллокутивной целью – побуждения конкретного адресата к действию, реквизита «подпись». Апеллятивные тексты, как феномен личностно ориентированного общения, характеризуются эксплицитной антропоцентричностью, высокой степенью адресованности. Адресованность апеллятивных текстов, их ориентация на конкретного адресата, двуначалие обнаруживаются в композиционных, коммуникативно-синтаксических особенностях и обусловлены самой сущностью данных текстов, основной функцией которых является апеллятивная функция, эксплицируемая при помощи определенной совокупности взаимодействующих языковых единиц.

Апеллятивная функция имеет в указанных текстах эксплицитное выражение при помощи определенной совокупности взаимодействующих языковых единиц. Система разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций, часто определяется как *функционально-семантическая категория* [1, с. 26].

Использование термина *функционально-семантическая категория* применительно к апеллятивности находит известное основание в том, что критерием для выделения рассматриваемой категории является общность семантической функции взаимодействующих языковых элементов – побуждение к действию, ориентированное на разные типы адресата. В структурном же отношении функционально-семантическая категория апеллятивности представляет собой поле. Основу для определения апеллятивности как функционально-семантического поля дает общность семантики (наличие семантического инварианта побуждения к действию) и взаимодействие входящих в него языковых средств (их сочетаемость/несочетаемость в тексте, возможность замены одного средства другим в определенных условиях). В роли компонентов функционально-семантического поля апеллятивности выступают различные конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, обращения, вопросительные предложения. Семантическая близость обращений, побудительных и вопросительных конструкций представляется достаточно очевидной, поскольку все они выполняют одну и ту же апеллятивную функцию: обращение побуждает к принятию участия в коммуникативном процессе, различные конструкции с семантикой побуждения к действию – делать, вопрос побуждает говорить (реже делать). Таким образом, обращения, конструкции с семантикой прямого и косвенного побуждения к действию, вопросительные предложения имеют сходное функциональное назначение – побуждение адресата к действию, различие состоит в характере действия: при помощи обращений и побудительных конструкций реализуются как речевые, так и неречевые действия, а при помощи вопросительных предложений – как правило, речевые действия.

Директивные речевые акты служат ядерным средством реализации основной интенции апеллятивных текстов – побуждение адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия. Теория речевых

актов многократно описана и проанализирована, поэтому в данной работе принимается классификация директивных речевых актов, предложенная В.В. Богдановым, согласно которой они распадаются на два подтипа: *инъюнктивы* (приказания) и *реквестивы* (просьбы) [2, с. 21]. Директивные речевые акты интересны для исследования, они характеризуются сложностью организации высказывания, множественностью оттенков побудительных интенций. Известно, что побудительность – одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата. Здесь как бы совмещается «я хочу» и «ты должен». С этим связана семантико-синтаксическая сложность побудительного высказывания как «двусубъектного». Речевой акт направляется адресату, на адресата рассчитана воздействующая иллокутивная сила, перлокутивный эффект, от адресата ожидается реагирование. По мнению Т. ван Дейка, речевой акт – это лишь единица сообщения, подлинной же единицей общения является коммуникативный акт, который состоит из а) речевого акта, или акта говорящего; б) аудитивного акта, или акта слушающего; в) коммуникативной ситуации, включающей характеристики говорящего и слушающего, их взаимоотношения, сопровождающие события и т.д. [3, с. 34]. Отсюда вытекает, что директивный речевой акт, включенный в диалоговое взаимодействие партнеров при помощи апеллятивного текста, можно считать подлинным коммуникативным актом.

Апеллятивный текст состоит из нескольких речевых актов, однако это не мешает определению его генеральной прагматической направленности. В данных условиях возникает вопрос, что же определяет принадлежность апеллятивного текста с прагматически неоднородными предложениями к одному определенному прагматическому типу. Таким определяющим моментом является коммуникативная интенция текста в целом, а основанием для ее установления может быть наличие в нем соответствующих этой интенции предложений (как минимум одного).

По роли в оформлении прагматической направленности текста как синтаксического и семантического единства прагматические типы предложений обладают неодинаковой «силой» [4, с. 16]. Декларатив противостоит другим прагматическим типам предложений своей «слабостью». Достаточно рассмотреть минимальные двухпредложенческие тексты вроде *Wir haben bisher keine Beziehungen zu der Firma “FAG” gehabt. Wir bitten Sie, uns ein paar Hinweise zu geben* (из делового письма), чтобы убедиться в том, что общая прагматическая направленность здесь задается недекларативным предложением *Wir bitten Sie, uns ein paar Hinweise zu geben*. Иерархически главенствующее положение не-декларатива по отношению к декларативу проявляется еще и в том, что базой для объединения пар предложений, типа приведенных выше, в одно сложноподчиненное предложение (там, где такое объединение возможно) служит недекларативное предложение, например: *Da wir keine Beziehungen zu der Firma “FAG” gehabt haben, bitten wir Sie, uns ein paar Hinweise zu geben*.

Для распознавания истинного интенционального смысла адресату необходимо разграничивать основной и второстепенный прагматический планы текста. Очевидно, помочь в этом адресату может опыт общения в данной сфере. В апеллятивном тексте основной прагматический план – директивный, подчиненные ему планы могут быть декларативными, комиссивными, сатисфактивными, экспозитивными, например:

а) *экспозитив* (соглашения, допущения, оспаривание, уступка) + реквеситив: *Wir sind bereit, die nicht bestellte Ware zu bezahlen. Aber wir bitten um Preisminderung in Höhe von 40 %* (из письма-рекламации);

б) *сатисфактив* (благодарность, сожаления, извинения, пожелания) + реквеситив: *Wir danken Ihnen für technische Beschreibung dieser Ware. Wir bitten Sie darauf acht zu geben, dass nur einwandfreie Ware geliefert werden* (из делового письма);

в) *комиссив* (гарантия) + реквестив: *Unsere Firma garantiert die Übergabe aller Informationen. Wir bitten Sie diese für uns verbindliche Auskunft als vertraulich zu behandeln* **(**из гарантийного письма).

Директивным речевым актам, образующим ядро побуждения к действию в апеллятивных текстах, соответствуют перформативные глаголы, которые выражают иллокутивную функцию. Иллокутивные глаголы составляют основу лексико-синтаксической структуры перформативных предложений, но наличие иллокутивного глагола не является достаточным условием для того, чтобы предложение было перформативным. Иллокутивный глагол должен быть употреблен в апеллятивном тексте не описательно, а перформативно, т.е. для того, чтобы пояснить, какой речевой акт совершает говорящий, употребляя данное предложение, например: *Die Dresdner Bank bittet Sie den Betrag von USD 55.700,00 auf das Konto der Commerz-Bank Frankfurt bei der BHF Bank New-York zugunsten des Kunden Funk Trading GmbH, Düsseldorf zu überweisen* (из банковского письма о переносе платежей в пользу другой фирмы).

Иллокутивный глагол, в данном случае глагол *bitten*, служит цели эксплицирования сущности того действия, которое осуществляется произведением высказывания. Данный пример показывает, что перформативное предложение состоит из двух частей: перформативной и пропозициональной. Первая часть включает в себя перформативный глагол и его валентно обусловленные актанты: актант, соответствующий адресанту, и актант, являющийся обозначением адресата. Вторая часть перформативного предложения – пропозиция – вводится в качестве предикатного актанта в третью валентную позицию перформативного глагола [2, с. 18]. Перформативные предложения, в которых представлены все описанные выше компоненты, встречаются в апеллятивных текстах не часто, исключение составляет лишь перформатив с глаголом *bitten*, который является основным средством реализации побуждения к действию в гражданских деловых документах, например: *Wir bitten Sie, den entstandenen Schaden von 3000 EUR durch Überweisung des Betrags auf unser Konto… bei der Bank in Düsseldorf zu*

ersetzen, где *Wir bitten Sie* – перформативная часть, *wir* – актант, соответствующий адресанту (первый актант), *bitten* – перформативный глагол, *Sie* – актант, соответствующий адресату (второй актант), а *...den entstandenen Schaden von 3000 EUR durch Überweisung des Betrags auf unser Konto… bei der Bank in Düsseldorf zu ersetzen* – пропозиция (третий актант).

В апеллятивных текстах часто обнаруживаются варианты перформативных предложений с опущением второго актанта или самого перформативного глагола. Варианты перформативных высказываний, отличающиеся от исходной формы в результате опускания второго актанта, образуют перформативную парадигму. Отсутствие второго актанта может быть обусловлено тем, что при наличии перформативного глагола этот актант представляется очевидным, что подкрепляется условиями конкретного контекста. В апеллятивных текстах есть указание на адресата, которому предназначается иллокуция адресанта, так как такие тексты всегда снабжены реквизитом «получатель». Например, в директивном речевом акте, содержащемся в военном приказе, отсутствует второй актант перформативного глагола, однако реквизит «получатель» помогает установить адресата, например: *Allen Offizieren und Hauptfeldwebeln! Ich ersuche in allen Einheiten erneut sofort über Plünderung zu belehren* (из военного приказа).

Опущение самого перформативного глагола приводит к устранению одного из актантов либо сразу двух актантов и, таким образом, зачеркиванию перформативной парадигмы. В этом случае остается третий актант, приобретающий обычно статус либо констативного высказывания, либо высказывания с имплицитной перформативностью [2, с. 18].

Варианты предложений с опущенным перформативным глаголом не включаются в основную перформативную парадигму, они образуют особую парадигму – имплицитно-перформативную. Констативные высказывания в данную парадигму не входят, так как они противопоставлены перформативным по таким характеристикам, как 1) эквиакциональность, или равнозначность описываемому действию; 2) неверифицируемость, т.е. неприложимость к нему критериев истинностного значения: истины или лжи; иногда это свойство называют самоверифицируемостью, полагая, что перформативное предложение-высказывание всегда является истинным в силу самого акта его произнесения; 3) автореферентность, т.е. способность перформативного высказывания отсылать к своему собственному речевому акту, или – фактически – к самому себе; 4) автономинативность, или способность именовать само себя, иначе – свой собственный речевой акт; средством такого именования является прежде всего перформативный глагол; 5) эквитемпоральность, под которой понимается совпадение времени, обозначаемого перформативным глаголом, с моментом речи; 6) уникальность, понимаемая как неповторяемость перформативного высказывания; 7) компетентность, т.е. наличие условий правомочности говорящего; 8) синсеративность, или наличие условий искренности говорящего; 9) препаратность, или наличие предварительных условий; 10) субстанциональность, т.е. соблюдение существенных условий; 11) определенная грамматическая выраженность.

К числу имплицитных перформативов можно отнести такие, в которых отсутствует перформативная часть в структурной организации, описанной выше, но данные перформативы тем не менее являются эквиакциональными и неверифицируемыми. Некоторые исследователи считают, что такие высказывания также и автореферентны. «В неповествовательном предложении автореферентность, т.е. обозначение самого себя присутствует обязательно – независимо от того, включает ли предложение перформативный глагол...» [5, с. 32].

Имплицитные перформативы получают грамматическое оформление, отличное от традиционного (с перформативным глаголом в первом лице единственного числа, настоящего времени). Однако директивные имплицитно-перформативные высказывания не могут квалифицироваться как констативные по причине эквиакциональности первых. Можно высказать предположение относительно объединения директивной перформативной парадигмы и директивной имплицитно-перформативной парадигмы в общеперформативную директивную парадигму на основе объединяющего их признака эквиакциональности. Парадигму имплицитного директивного перформатива образуют формы повелительного наклонения и инфинитива. Наблюдения показывают, что к имплицитным перформативам часто прибегают адресанты военных документов для реализации побуждения к совершению действия. Использование имплицитных перформативов для реализации побудительности в текстах деловых документов связано, очевидно, с принципом экономии. Побуждение, реализуемое в тексте делового документа, имеет разную ориентацию во времени. Так, военный приказ подразумевает немедленное исполнение, у адресанта военного приказа, особенно в условиях военных действий, отсутствуют возможности для пространных объяснений. Побуждение в тексте делового письма, напротив, может быть связано с длительностью исполнения, включающей обдумывание, советы с юристами и так далее. Названные выше формы имплицитного директивного перформатива часто сочетаются в одном апеллятивном тексте, а иногда предпочтение отдается какой-то из них.

Немецким военным уставом предусмотрены различные правила, инструкции, предписания, распоряжения, исполнение которых возлагается на конкретную группу войск, офицеров, солдат, о чем заявлено в начале документа, распорядительная часть таких документов состоит из пунктов и подпунктов, раскрывающих содержание распоряжений, инструкций. Сами распоряжения имеют, как правило, форму императива. Выбор императива обусловлен, очевидно, тем фактором, что «императив – грамматическая форма, в чистом виде реализующая речевой акт побуждения» [6, с. 730]. Это очень важно для военной сферы общения, поскольку перформативная форма образована от конкретного глагола действия, т.е. обозначения будущего действия адресата, интенциональное же значение высказывания уходит в имплицитную побудительную перформативную приставку (*Я приказываю,*

***Я** требую сделать это*). Таким образом, форма императива концентрирует внимание на самом действии, которое необходимо совершить, а иногда и на исполнителе действия, обозначенном при помощи местоимения *Вы* в императивной конструкции. В качестве примеров могут быть рассмотрены отрывки из немецких военных инструкций:

Weisung für alle Soldaten:
Schone die Bekleidung! Trage nur Drillichanzug zu Arbeitsdienst!
Wache über dein Lager!
Versäume Gottesdienste nicht!
Nach dem Urlaub melde dich unverzüglich bei deiner Truppeneinheit!

В императивной грамматической форме волеизъявляющий адресант является семантически имплицитным, а адресат, когда это возможно, обозначен через эксплицитное *Sie*. Императивная конструкция отражает самое общее значение побуждения, в котором отсутствует волеизъявляющий адресант, иногда и адресат, которому предписано совершение действия, а также перформативный глагол, указывающий на интенсивность побуждения. По всей видимости, использование императива для реализации побуждения к действию в текстах военных документов может быть обусловлено фактором экономии, поскольку характер речевого действия и его интенсивность в контексте очевидны. Однозначному распознаванию интенсивности побуждения служит заголовок текста, являющийся субстантивным дериватом иллокутивного глагола, например, *Tagesbefehl – befehlen, Dienstanweisung – anweisen*. Кроме того, некоторые апеллятивные тексты (деловые письма, приказы, инструкции, распоряжения и др.) содержат реквизит «адрес отправителя», реквизит «подпись», включающий расшифровку подписи, а инструкции – еще и так называемый реквизит «утверждаю» (в немецких документах обозначен как f.d.R. = *für die Richtigkeit* ‘ручаюсь за достоверность’), также содержащий расшифровку подписи и обозначающий адресанта документа, его фамилию, имя, должность, например: *General u. Div.Kdr. der 1. Generalstabsoffizier, der Oberbefehlshaber, Oberkommando der Wehrmacht, Chef des Transportwesens der Wehrmacht*. Данные реквизиты способствуют распознаванию силы побуждения, указывают на степень его интенсивности.

В текстах военных документов встречаются случаи реализации побуждения к совершению действия при помощи другого члена парадигмы имплицитного директива – инфинитива. Рассмотрим отрывок из текста военного приказа.

Regts.Gef.St., den 30.5.1943
Marschbefehl Nr. 105

1) das 1. Batl. für kurze Zeit aus dem Rgts.-Verband herausloesen und in dem nach links verbreiterten Div. Abschnitt einsetzen;
2) in den Ihnen zugewiesenen Abschnitten bleiben;
3) 0520 Uhr nach Vorbereitung Feind angreifen und vernichten;

4) Brückenwache an der Wallerfanger Steinbrücke übernehmen;
5) jeden Falschschirmspringer beschiessen;
6) dem Restkommando des 1. Batls. Befehle übermitteln.
F.d.R. *Im Entwurf gezeichnet*
Müller-Derichsweiler

Исследовательский материал показывает, что в высказываниях с инфинитивом отсутствует как актант, соответствующий адресанту, так и актант, соответствующий адресату, сохраняется только пропозициональная часть имплицитного директива. Интенсивность побуждения к действию, а именно его инъюнктивный характер, определяется при помощи тех же «указателей», выделенных нами ранее. Кроме того, такого рода использование инфинитива всегда обусловлено необходимостью реализации категорического приказания. А. Вежбицкая называет такую конструкцию с инфинитивом «авторитарный инфинитив» [7, с. 194]. Категоричность, безапелляционность побуждения к действию, реализуемая при помощи авторитарного инфинитива, достигается «безличным» характером инфинитивной конструкции и присущей ей имплицитной связью с некоторой властью. Что касается безличного характера инфинитивной конструкции, то инфинитив, в отличие от императивных конструкций, в которых адресат часто обозначен местоимениями 3-го лица мн. числа и 1-го лица мн. числа (например: *Blockieren **Sie** Telefonleitungen nicht! Treten **wir** auch dem Tiefflieger mit der Waffe entgegen*), обращен к человеку вообще, инфинитив предполагает только некоторую реальность адресата, воображаемого *ты* или *Вы.* Отсутствие адресата в инфинитивных конструкциях исключает возможность ответной реплики, поэтому пресуппозицией побуждения при помощи инфинитива является следующая: *Никакие обсуждения не допускаются!* Императив же, предполагая некоторого *Вы,* находится ближе к диалогу, хотя военные документы внедиалогичны.

Относительно присущей авторитарному инфинитиву имплицитной связи с некоторой властью А. Вежбицкая говорит о наличии в инфинитивной конструкции предполагаемого «субъекта желания» [7, с. 194]. В апеллятивных текстах (в листовках, приказах, распоряжениях, деловых письмах) субъект желания идентифицируется благодаря наличию в конце документа реквизита «подпись». Связь с чьей-то волей в инфинитивной конструкции, по мнению Вежбицкой, определяется наличием восклицательного знака [7, с. 194], использование которого свидетельствует о чувствах и желаниях, обнаруживает присутствие человека, ожидающего, что его воля будет исполнена.

Необходимо уточнить, что немецкие императивные конструкции также содержат отсылку к «субъекту желания», но этот субъект желания не обязательно связан с авторитарной властью, поэтому императив может употребляться в контексте просьбы, мольбы, где инфинитив использован быть не может.

В текстах военных документов авторитарный инфинитив, напротив, никогда не сопровождается восклицательным знаком, что свидетельствует об отсутствии личного волеизъявления адресанта, его своеобразном дистанцировании от происходящего и уверенности в исполнении предписанного адресатом. Абсолютная безличность усиливает воздействие, делает побуждение к действию категоричным, а результат достижения иллокутивной цели очевидным.

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с употреблением директивных речевых актов, можно отметить, что они являются основным средством выражения побуждения к действию в потенциальной коммуникации. Внутреннее устройство языка, сложившаяся система связей полностью не определяют тот способ, которым осуществляется с помощью данного языка коммуникация, необходим еще и учет целей, задач, особенностей общения в той или иной сфере. В апеллятивном тексте, в условиях реального общения, под воздействием экстралингвистических факторов формируются структурно-семантические особенности директивного речевого акта, что обусловливает возникновение вариантов побуждения к действию при помощи членов директивной перформативной парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко, А.В*. Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 180 с.
2. *Богданов, В.В.* Перформативное предложение и его парадигмы / В.В. Богданов // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин : КГУ, 1986. – С. 18–28.
3. *Дейк, Т. ван*. Вопросы прагматики текста / Т. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 34–52.
4. *Почепцов, О.Г*. Личность как субъект языкового общения / О.Г. Почепцов // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин : КГУ, 1989. – С. 12–18.
5. *Падучева, Е.В*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2001. – 288 с.
6. *Никитин, М.В*. Курс лингвистики: учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингв. дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
7. *Вежбицкая, А.* Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики / А. Вержбицкая ; пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М. : Языки слав. культуры, 2001. – 272 с.

To express addressee's intention various constructions with the semantics of direct and indirect incentive to action, forms of address, interrogative sentences are known to be applied. Directive speech acts serve as a nuclear means of the main addressee's intention that predetermines the appearance of variants of incentive to action.

Поступила в редакцию 07.05.12

Н.Ф. Патейчук

МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ
(на материале современного немецкого языка)

Статья посвящена проблеме мотивированности лексических единиц и направлена на определение мотивировочных признаков, представленных в семантике наименований животных, и на установление их роли для развития метафорических значений соответствующих имен. Результаты анализа, проведенного на материале современного немецкого языка, свидетельствуют об избирательности, или предпочтительности, семантических признаков в качестве мотивировочных для образования новых слов и их вторичных значений. Выявлена корреляция между когнитивными основаниями для словообразовательной и лексической деривации.

Появление чего-то нового в жизни человека, изменения в жизни общества, переосмысление существующих реалий, выявление ранее не известных характеристик и свойств окружающей нас действительности – все это определяет потребность в номинации, т.е. в выборе языковых средств для обозначения того или иного класса объектов, явлений, свойств и т.д. Номинация, призванная удовлетворять потребности языкового коллектива в обозначении, является чрезвычайно сложным явлением.

Процесс номинации позволяет фиксировать и идентифицировать с помощью языка результаты когнитивной деятельности человека. Номинацию определяют как «процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт» [1, с. 13]. Новые слова и значения создаются человеком на базе уже имеющегося языкового материала, т.е. они мотивированы теми или иными языковыми единицами [2, с. 6–18, 3, с. 9].

В основе акта номинации лежит характер восприятия человеком объектов окружающего мира. Восприятие, с одной стороны, характеризуется целостностью. Но, с другой стороны, оно основано на анализе объектов окружающего мира, на выделении их признаков и свойств. На это необходимое свойство номинации, а именно предварительное изучение объекта, указывают и современные ученые, которые считают, что «наименование предмета совершенно немыслимо без предварительного, хотя бы самого элементарного знания данного предмета» [1, с. 159]. Новый объект предварительно изучается человеком, и затем из целой массы его признаков человек выбирает какой-то один (или несколько), который становится основой имени. В этой связи номинация стала пристально изучаться когнитивными лингвистами как способ категоризации в языке, поскольку при помощи номинации происходит закрепление в языке тех или иных квантов знаний, которые кладутся в основу категории, что и делает номинацию когнитивно значимой.

Интересным в этом случае является вопрос о том, к каким сущностям обращается человек при номинации и какие признаки «вытягиваются» из их семантики. Мнения лингвистов разделяются по поводу того, является ли выбор подобных признаков в процессе номинации результатом случайности или же характеризуется осознанностью отбора. Некоторые лингвисты и психологи отмечают, что выбор признаков в процессе номинации характеризуется «стихийностью», отсутствием «предварительно обдуманного плана» [1, с. 167; 4; 5]. Большинство же лингвистов утверждают, что процесс выбора *мотивировочного признака*[1] подчиняется некоторым закономерностям и является вполне осознанным. Из множества имеющихся аспектов и свойств объекта окружающего мира человек выбирает именно характерный, отличительный признак, который использует для наименования данного объекта [6, с. 45; 7, с. 121; 8, л. 14].

Основанная на сходстве вещей, метафора теснейшим образом связана с процессом номинации и когнитивной деятельностью человека, ибо она предполагает сопоставление как минимум двух объектов и установление каких-то общих для них признаков, функционирующих в ходе семантических изменений как основание для переноса имени. Однако, являясь универсальным механизмом семантической деривации (С. Ульманн, Г. Пауль), метафорический перенос имен неоднократно становился объектом лингвистических исследований как с содержательной и функциональной стороны, так и с точки зрения языковых средств выражения (см. работы В.Г. Гака, Г.Н. Скляревской, Ю.Д. Апресяна, В.К. Харченко, Г.И. Кустовой, И.Г. Ольшанского, Л.М. Лещевой, Е.В. Рыжковой, Е.В. Рубановой, С.И. Лягушевич и др.). Несмотря на это проблема мотивированности метафорических значений относится к числу не до конца изученных, и особенно это касается вопроса о мотивировочных признаках метафорических значений производных слов. В данном отношении является перспективным выяснение того, существует ли корреляция одних и тех же квантов информации об окружающем мире, выступающих в качестве мотивировочных признаков словообразовательных дериватов и их метафорических значений, а если существует, то в отношении каких именно квантов информации она имеет место, и каков характер подобного соотношения.

Для решения поставленных задач в качестве материала исследования были выбраны немецкие производные многозначные существительные, в своих основных значениях являющиеся наименованиями животных и содержащие в своей структуре одно или несколько метафорических значений.

Поиск ответов на вышеуказанные вопросы проходил поэтапно. Изначально возникла необходимость выявления мотивировочных признаков, положенных в основу отобранных лексических единиц. Так, анализ эмпи-

[1] Под мотивировочным признаком мы, следуя установившейся традиции, понимаем обозначение определенных аспектов или компонентов концептуального содержания, которые положены в основу наименований.

рического материала позволил выявить целый спектр мотивировочных признаков, положенных в основу немецких наименований животных и представляющих различные типы знания о данном классе объектов окружающего мира.

Наиболее частотным является классифицирующий общекатегориальный признак, отражающий информацию о принадлежности животного к определенному виду, семейству и т.п. и свойственный внутренней форме 52,5 % наименований. Например, слово *der Aasgeier* ‘стервятник’ служит для именования хищной птицы семейства грифов, питающейся падалью: *von Aas lebender* ***Geier*** *[→ (bes. in den Tropen u. Subtropen heimischer) Aas fressender, großer* ***Greifvogel*** *mit nacktem Kopf u. Hals u. starkem, nach unten gebogenem Schnabel]*[1]. Наряду с классифицирующим общекатегориальным признаком мотивировочным для этого имени является признак ‘особенности питания’: *von Aas lebend(er)*, *Aas fressend(er)*.

Помимо вышеназванного классифицирующего признака, часто представленными во внутренней форме наименований животных в немецком языке являются перцептивные признаки (27,5 %), отражающие информацию об объектах окружающего мира, полученную при помощи органов чувств (например, окраска объектов или их частей, их форма и ее особенности, размер, запах): *der Goldfisch* ‘золотая рыбка’*: (aus China stammender) Fisch mit* ***rotgolden bis golden*** *glänzendem, gedrungenem Körper* (цвет); *der Gabelbock* ‘вильчатый козёл’: *(in der Prärie Nordamerikas beheimatetes) der Antilope ähnliches Tier mit* ***gegabeltem, hirschgeweihähnlichem Gehörn*** (форма, заметная часть тела); *das Stinktier* ‘вонючка, скунс’: *(in Amerika heimischer) Marder <...>, der aus Stinkdrüsen am After* ***ein übel riechendes Sekret auf Angreifer spritzt*** (запах); *der Bitterling* ‘горчак’: *kleiner, karpfenähnlicher Fisch, dessen ungenießbares Fleisch* ***bitter*** *schmeckt* (вкус). Примечательно, что разные типы перцептивных признаков имеют разную степень частотности для мотивированных наименований животных в немецком языке, что свидетельствует о разной степени участия разных модусов перцепции (зрительного, осязательного и других) в процессах познания мира и отражения в номинативных процессах результатов познавательной деятельности. Так, ведущим способом получения информации, судя по отражению его результатов во внутренней форме проанализированных зоонимов, является зрительный. Это проявляется в большей частотности мотивировочных признаков ‘внешние особенности’ (12,5 % мотивированных зоонимов) и ‘цвет’ (7,5 %), представляющих знание, полученное при помощи органов зрения, по сравнению с информацией, получаемой при помощи органов слуха, обоняния, осязания и репрезентируемой во внутренней форме наименований животных мотивировочными признаками ‘звук’ (5 %), ‘запах’ (2,5 %) и ‘вкус’ (2,5 %).

[1] Семантическая информация о выбранных именах существительных уточнялась по толковому словарю немецкого языка [9].

Менее частотными, по сравнению с перцептивными, являются следующие мотивировочные признаки: ‘поведение’ (17,5 %), репрезентирующий знание об особенностях жизнедеятельности видов (*die Spottdrossel* ‘пересмешник’: *grauer bis brauner, langschwänziger Vogel,* ***der den Gesang anderer Vögel bzw. Laute aus seiner Umgebung imitiert***); ‘особенности питания’ (17,5 %), в основном представляющий информацию о корме данного вида животного (*der Körnerfresser* ‘зерноядные птицы’: *Vogel,* ***der sich hauptsächlich von Körnern ernährt***); локативные признаки, представляющие знание о топонимических или географических особенностях места обитания животного, о характерных особенностях среды его обитания или о временном месте обитания вида, свойственны 12,5 % наименований (например, *der Wasserläufer* ‘щёголь’: ***(am Wasser u. in Sümpfen lebender)*** *zu den Schnepfen gehörender Watvogel mit schlankem Körper u. langem, geradem Schnabel*).

Еще менее представленными мотивировочными признаками оказываются ‘происхождение вида’ (5 %): *das Halbblut* ‘лошадь-полукровка’: *Tier, bes. Pferd,* ***dessen Eltern verschiedenen Rassen entstammen***; ‘оценка’ (2,5 %), репрезентирующий характеристику животных не в аспекте присущих им признаков, а с точки зрения положительной или отрицательной оценки их человеком (*das Mistvieh* ‘скотина’: *Tier,* ***auf das jmd. wütend ist*** *[weil es nicht gehorcht o.Ä.]*); ‘время активности’ (2,5 %) как репрезентация знания о темпоральных свойствах животного (*die Eintagsfliege* ‘подёнка’: *in vielen Arten vorkommendes Insekt mit zarten Flügeln u. Schwanzborsten, das* ***in seinem geschlechtsreifen Stadium nur wenige Stunden od. Tage lebt***); ‘пол’ (2,5 %): *das Muttertier* ‘самка’: ***weibliches*** *Zuchttier*.

Дальнейшее исследование, направленное на выявление семантических оснований метафорического переноса имени, а также на определение роли мотивировочных признаков, представленных во внутренней форме наименований животных, для развития производными словами метафорических значений, показало следующее.

1. Избирательность мотивировочных признаков наблюдается как при словообразовательной, так и при лексической деривации. Так, доминирующими в качестве оснований метафорического переноса проанализированных имен являются перцептивные признаки, а также признаки особенности поведения, особенности питания, локативность. Следует отметить, что за исключением классифицирующего общекатегориального признака[1] мотивировочные признаки практически в одинаковом соотношении являются значимыми для словообразовательной и семантической деривации.

2. Развитие метафорических значений словообразовательных дериватов в значительной степени связано с производящими именами существительными и знаниями, соотносимыми с ними. Это проявляется в следующем.

[1] Как известно, классифицирующий общекатегориальный признак, отражающий информацию о принадлежности объектов внеязыковой действительности к определенному виду, семейству, группе и т.п., не является семантическим основанием для метафоры.

Во-первых, мотивировочные признаки, представленные во внутренней форме проанализированных зоонимов, на 73 % выступают также в качестве семантических оснований для метафорического переноса соответствующих имен. Это означает, что одни и те же семантические признаки являются мотивирующими как при словообразовательной, так и при семантической (лексической) деривации, например, *das Halbblut* 1. ‘лошадь-полукровка’: *Tier, bes. Pferd,* ***dessen Eltern verschiedenen Rassen entstammen***; 2. ‘метис’: *Person,* ***deren Elternteile verschiedenen Menschentypen angehören*** (‘происхождение вида’); *die Spitzmaus:* 1. ‘землеройка’: *kleines, einer Maus ähnliches Tier* ***mit langer, spitzer Schnauze****;* 2. (ugs. leicht abwertend) ‘женщина с узким лицом’: *jmd., bes. eine weibliche Person,* ***mit magerem, spitzem Gesicht*** (‘внешние особенности’). При этом следует отметить, что семантические признаки ‘поведение’, ‘оценка’, ‘пол’, ‘время активности’, ‘происхождение вида’, ‘связь с человеком’, зафиксированные во внутренней форме слов, на 100 % участвуют в качестве оснований для метафорического переноса имен. Такие же мотивировочные признаки, как ‘перцептивные’, ‘локативность’, ‘особенности питания’, не всегда оказываются значимыми и для метафорической номинации (только в 90 %, 75 %, 50 % случаев соответственно). Например, производное слово *der Steinbock* ‘каменный козел’ мотивировано признаком ‘локативность’ (***im*** *Hoch****gebirge lebendes****, gewandt kletterndes u. springendes, einer Gämse ähnliches Tier mit langen, kräftigen, zurückgebogenen Hörnern*), а мотивировочным признаком для развития метафорического значения явился перцептивный признак ‘внешние особенности’ (*Sternbild am südlichen Sternenhimmel* ‘Козерог (созвездие)’).

Во-вторых, неодинаковым оказывается перечень мотивировочных признаков метафорических значений простых, непроизводных, и производных наименований животных в современном немецком языке. Так, семантические признаки ‘особенности питания’, ‘происхождение вида’, ‘время активности’ и перцептивный признак ‘вкус’ могут выступать в качестве мотивировочных только для развития метафорических значений у производных зоонимов (ср. перечень семантических оснований метафорического переноса простого имени в современном немецком языке [10, л. 98–101]).

Таким образом, проведенное исследование дает основание утверждать, что в процессе номинации человек фокусирует свое внимание не на всех, а на отдельных свойствах объектов реальной действительности: преимущественную значимость для процессов вторичной номинации получает информация о внешних особенностях объектов внеязыковой действительности, а также об особенностях питания и поведения (для наименований животных). Это и приводит к избирательности семантических признаков в качестве когнитивных оснований для словопроизводства и переноса имени, к их неодинаковой роли для процессов вторичной номинации. Развитие метафорических значений словообразовательных дериватов в значительной степени определяется мотивировочными признаками, зафиксированными

во внутренней форме слов. Однако между семантическими признаками как мотивировочными при словообразовательной деривации и последующей семантической деривации существует нежесткая корреляция.

ЛИТЕРАТУРА

1. Языковая номинация. Виды наименований / под общ. ред. Б.А. Серебренникова. – М. : Наука, 1977. – 359 с.
2. *Улуханов, И.С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И.С. Улуханов. – М. : Изд. центр “Азбуковник”, 2005. – 314 с.
3. *Шмелев, Д.Н.* О третьем измерении в лексике / Д.Н. Шмелев // Русский язык в школе. – 1971. – № 2. – С. 6–11.
4. *Амосова, Н.Н.* Этимологические основы словарного запаса современного английского языка / Н.Н. Амосова. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 218 с.
5. *Барабанова, Н.Г.* Семиологические типы номинативных единиц (на материале польского языка) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.03 / Н.Г. Барабанова ; Ин-т языкознания АН БССР. – Минск, 1985. – 19 с.
6. *Покровский, М.М.* Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский / редкол.: Д.Е. Михальчик (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.
7. *Торопцев, И.С.* Язык и речь / И.С. Торопцев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 200 с.
8. *Крот, Л.Г.* Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Л.Г. Крот. – Минск, 2002. – 105 л.
9. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. [Электронный ресурс]. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim : Bibliogr. Inst. & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM).
10. *Патейчук, Н.Ф.* Связующие компоненты, типы и свойства семантических структур многозначных (на материале имен существительных современного немецкого языка) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Ф. Патейчук. – Минск, 2010. – 268 л.

The article discusses the problem of semantic motivation. The motivational characteristics of derivatives and their metaphorical meanings are analyzed. The results obtained demonstrate a different role of motivational features in the formation of derivates and their metaphorical meanings and disclose the correlation between motivational characteristics of word- and second-meaning-forming processes.

Поступила в редакцию 25.05.12

Т.А. Пищако

ТЕМПОРАЛЬНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО «НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ» И ПЕРСПЕКТИВА ЕГО КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА
(на материале художественного текста)

Статья посвящена раскрытию перспективы концептуального анализа темпорально-смыслового пространства «настоящее время» в немецком языке на материале художественного текста. Осуществляется обзор точек зрения на природу концепта в лингвистической литературе; рассматриваются подходы к решению вопросов о его структуре и особенностях вербализации, т.е. о соотношении концепта и единиц языка; типологии структур представления знаний. Особое внимание уделяется методике концептуального анализа в связи с категориальным смыслом «настоящее время» в немецком языке. Смысловой фрагмент «настоящее время» описывается в ракурсе общего феномена «время»; анализу подвергаются его дефиниции, особенности реализации в языке. Статья содержит указание на возможность полевого моделирования исследуемого концепта. Выводы призваны послужить основой для концепции анализа.

Рассмотрение языка с точки зрения человека, т.е. его непосредственного участия в организации речевого процесса для получения информации, обусловило выдвижение в центр лингвистических исследований парадигмы антропоцентризма. В связи с этим получил развитие целый ряд направлений, и одним из наиболее актуальных стала когнитивная лингвистика. По ее установкам, изучать и объяснять разнообразные явления языка надлежит не только с позиций того, как они реализуются в речи, но и в плане их осмысления в рамках отражения мира человеком. При этом вполне закономерно, что «взгляд исследователя перемещается с объекта познания на субъект», т.е. анализу подвергается «человек в языке и язык в человеке» [1, с. 7].

Язык не изучается больше как объект в изоляции. Являясь средством доступа к информации, он наблюдается и теоретически интерпретируется в текстовых массивах разных сфер коммуникации. Коммуникативно реализуемый язык детерминируется ментальными процессами, происходящими в голове человека и определяющими проявление им общих и частных функций по созданию речевой информации. [2, с. 9]. Исследования призваны тем самым освещать отражение познавательного опыта человека через язык и в языке. Важно устанавливать каждый раз, какие форматы знания производятся в том или ином опыте взаимодействия человека с миром, с помощью каких языковых единиц наиболее оптимально воплощаются отдельные кванты форматов знания. На основе же таких данных уже возможно устанавливать ход процесса и объяснять формирование информации в нем через категоризацию и концептуализацию.

Активная разработка когнитивно-коммуникативного направления заострила вопрос о его основных понятиях, таких как *концепт* и в привязке к нему – *концептуализация*, *концептуальный анализ*. В разрабатываемой проблематике по ее состоянию на сегодняшний день именно концепт

является стержнем понятийного аппарата и, соответственно, важнейшим термином когнитивной лингвистики. Но его понимание варьируется в теориях разных научных школ и у отдельных авторов, вследствие чего отмечается наличие значительного числа дискуссионных вопросов, связанных с теорией концепта. Это и когнитивно-языковой статус концепта, и вопрос о его структуре, об особенностях вербализации концепта, а также проблема типологии концептов. На все эти вопросы указывают представители не только лингвистики, но и других научных областей (философы, логики, психологи), по-своему влияя на формирование их интерпретаций.

Представляется целесообразным произвести краткий обзор точек зрения на природу концепта среди лингвистов. Согласно Е.С. Кубряковой, «концепт – это некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании, …оперативная единица в мыслительных процессах, причем единица, выступающая как гештальт» [2, с. 316], иначе говоря, как самостоятельная и четко выделимая структура. Похожую трактовку предлагает и Н.Н. Болдырев: «Концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления» [3, с. 23]. Особо подчеркивается при этом, что в процессах подготовки к внешней речи концепты не членятся на составляющие, а используются как целое, единое. Членение же на признаки с целью определения структуры характерно для осуществления концептуального анализа. Поэтому М.В. Пименова трактует концепт как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [4, с. 10]. В иной формулировке это представлено у О.Н. Кондратьевой: концепт является своеобразным фокусом знаний о мире, когнитивной структурой, включающей разносубстратные единицы оперативного сознания [1, с. 39]. З.Д. Попова и И.А. Стернин видят в концептах «комплексные дискретные единицы сознания» [4, с. 53].

В более широком ракурсе человеческой культуры концепты понимаются как идеальные, ментальные образования. Каждый концепт – это единица концептуальной картины мира отдельного человека и различных культурных сообществ [5, с. 76]. А в трактовке Ю.С. Степанова «концепт – сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в сознание человека, то, посредством чего человек сам входит в культуру» [6, с. 40–41]. Добавляется еще, что «в отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются, они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [6, с. 41]. О концептах как о «вербализованных культурных смыслах» [7, с. 11] говорится у С.Г. Воркачева. Следовательно, ключевая роль концепта усматривается в его предназначении быть средством фиксации фактов культуры.

Вышеизложенное позволяет даже в некотором наборе лингвистических определений распознать междисциплинарность понятия *концепт*: оно перекликается с психологией, логикой, аксиологической этикой. Исключить эти

связи невозможно, но для целей конкретного лингвистического исследования возможно и необходимо принять определение на основе общих для большинства исследователей положений: концепт – это ментальная единица, совмещенная единица мышления и хранения человеческого знания, обладающая свойством дискретности; концепт имеет свою структуру; концепту присуща языковая объективация, т.е. выраженность средствами соответствующего языка; на основе концептов протекают процессы концептуализации и категоризации.

На фоне общих характеристик концепта спорным выглядит следующий вопрос: концепт формируется в ментальной сфере только для культурно значимой единицы или это структурное звено менталитета соотносится с любой единицей. Специальные публикации предлагают три ответа на данный вопрос.

1. В число концептов включаются все лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют картину мира носителей языка.

2. Концептами являются семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и характеризующие носителей определенной этнокультуры.

3. К концептам относятся лишь те семантические образования, которые выступают в качестве ключевых для понимания национального менталитета, а общий список таких концептов ограничен.

Для представителей направлений когнитивной лингвистики концепт приемлем в его относительно широком понимании, т.е. не в узком этнокультурном смысле, не как «этноспецифический концепт» [8; 9], хотя этнокультурная специфика может присутствовать в концепте в разной ее степени. Она может более или менее тесно соотноситься с ценностной составляющей, при том, что степень присутствия последней также может быть различной, вплоть до нулевой.

Предмет особого интереса для лингвистов составляет вопрос о соотношении концепта и единиц языка. Если учитывать позицию психолингвистического подхода, то она рассматривает концепт по природе как невербальное образование: «базу для него составляет набор одновременно реконструируемых сенсорных и моторных репрезентаций» [10, с. 39], а вербальное описание концепта происходит уже на второй ступени его актуализации. Эту точку зрения по-своему разделяет и Е.С. Кубрякова, когда говорит о том, что «в сознании человека многие фрагменты действительности представлены образами, и многое может … быть увидено (понято) без наличия для него специального обозначения» [2, с. 305]. Тем не менее признается, что все же большинство концептов находит свое выражение в языке. Представительство концепта в языке обычно приписывается слову, т.е. слово предстает как имя концепта. Но концепт может соотноситься более чем с одной лексической единицей, а многие концепты реализуются в совокупности лексических и грамматических единиц.

Самые же важные концепты кодируются как категории в грамматике языков, создавая таким образом каркас для всего концептуального материала, выраженного лексически [11, с. 91].

Хотя сложность определения концепта остается на повестке дня, тем не менее именно концепт позволяет интегрировать в один узел слово, мышление, культуру, не только создавая предпосылки для их комплексного исследования, но и обеспечивая комплементарность результатов разрозненных исследований: «концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, подводя их под одну рубрику» [11, с. 90]. Храня знания о мире, концепты предстают в качестве строительных элементов концептуальной системы, чем способствуют обработке субъективного опыта как подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы. Это осуществляет концептуализация, которая является одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека. Суть познавательной деятельности и есть осмысление поступающей информации с приведением к образованию отдельных концептов и всей концептосферы как основы смысловосприятия в мозгу человека [11, с. 92].

По мере развития современных исследований упорядочиваются знания о концептах и выстраиваются типологии структур представления знания. Это общее течение процесса усложняется тем, что за концептами, отражающими видение человеком различных фрагментов мира, могут стоять знания разной степени абстракции, как отдельные смыслы, так и целые концептуальные «кластеры», включающие другие концепты и задающие другие степени абстракции [3, с. 34]. Даже самый простой ментальный репрезентант имеет в своем составе разную информацию, что позволило Ю.С. Степанову выделить в концепте три слоя: активный (основной, актуальный признак); пассивный (дополнительные признаки); внутренняя форма (обычно не осознаваемая носителями языка) [6, с. 48]. И.А. Стернин предлагает различать одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты. В репрезентации концепты могут быть представлены конкретно-чувственным образом, схемой, понятием, прототипом, пропозициональной структурой, фреймом, сценарием, гештальтом и т.д. [3, с. 36]. А форматы знания при этом могут быть концептуально-простыми и концептуально-сложными. Первые характеризуются элементарностью структуры, возможностью описания при помощи набора определенных достаточно предсказуемых характеристик. Концептуально-сложные форматы знания отличаются многокомпонентностью, тем самым и сложностью описания [12, с. 49].

В конкретных исследованиях выбор метода анализа напрямую зависит от типа концепта, а также от конкретных задач и целей исследования. Обычно целью исследования признается раскрытие способов выражения концепта в языке, моделирование структуры концепта и выведение стоящего за ним фрагмента языковой картины мира. Хотя в принципе, по признанию ученых, универсальной методики проведения концептуального анализа до сих пор не существует [1, с. 59].

Нельзя не заметить один весьма существенный признак в анализе: нередко свой интерес при исследовании концепта лингвисты направляют в сторону теории поля, которой обосновывается полевой метод языкового моделирования концепта в терминах ядра и периферии. В структуре концепта при этом устанавливаются ядро, отражаемое ядром поля, а дальнейшее содержание выступает как ближняя и дальняя периферии, интерпретационное поле [4, с. 12]. К этому еще добавляется, что концепт возможно моделировать не только по явным, но и по косвенным признакам его проявления. Все это укладывается в постулат: любое представление концепта – это лишь исследовательская модель.

Одним из основополагающих компонентов любой культуры является представление о времени. Изучение языкового времени, т.е. отражения в языке временных отношений действительности и темпоральных представлений с помощью разноуровневых средств языка, стало и продолжает оставаться одной из актуальных тем языкознания. Время трактуется и как необходимый компонент картины мира носителей того или иного языка. Что касается концептуализации времени, то это проблема многогранная, с широким полем для исследования. Теоретически признается, что время выступает в разных ипостасях – физической, философской, индивидуальной, художественной. Язык фиксирует все проявления и охватывает все аспекты этой проблематики, вследствие чего за языковым выражением стоит концептуально-сложная структура. Концептуальная модель времени должна объединять в себе ряд смыслов, связанных с формированием временных отношений под влиянием восприятия окружающего мира человеком.

В общем феномене «время» его фрагмент «настоящее время» привлекает к себе повышенное внимание в широком плане: на вопросы о том, что есть настоящее и как оно осмысливается и реализуется в языке, пытаются найти ответ философы, психологи, лингвисты. Представление о настоящем времени в немецком языке объективировано лексемой *Gegenwart*, которая находит следующее толкование в словарях: «1. Время (момент времени) между прошлым и будущим; время, в котором сейчас живут; время «сейчас» 2. (языкознание) временная форма, выражающая действие в настоящем; Präsens 3. присутствие» [13, с. 655]. Реальный интерес для концептуального исследования темпорального фрагмента смысла под термином «настоящее время» представляет первая дефиниция, отражающая привычное для носителей языка трехчленное деление всего пространства «время» на «прошлое», «настоящее» и «будущее». В качестве синонимов к основной дефиниции словари приводят следующие лексемы: „Augenblick, das [Hier und] Heute, die gegenwärtige, jetzige, heutige Zeit, Jetztzeit, unsere Zeit“. Нетрудно заметить, что синонимы отличаются по объему охватываемого фрагмента мира: если *Augenblick* ‘момент’ порождает ассоциации с чем-то точечным, быстротечным, то словосочетание *unsere Zeit* ‘наше время’ является, несомненно, всеобъемлющим и широким по охвату. А именно разное осмысление фрагментов мира человеком является основанием для разной объективации

концептов. Наличие в списке синонимов сочетания *das Hier und Heute* ‘здесь и сегодня’ переключает в несколько иной аспект, указывая на тесную взаимосвязь временной и пространственной составляющих в картине мира носителей языка.

Как следует из вышесказанного, настоящее время включает в себя действия разного временного охвата, что делает необходимым рассмотрение его как многомерной структуры. В рамках системно-структурного подхода изучение времени было ориентировано на упорядоченное описание грамматической категории глагола. Для немецкого языка прототипическим представителем настоящего времени является грамматическая форма Präsens, которая, в силу своей полифункциональности и чрезвычайно высокой частотности употребления, также получила ряд различных трактовок у немецких и отечественных лингвистов. Форма и именуется то «вневременной», то «немаркированной», то «формой с нулевой перспективой». Но в большинстве случаев имеется в виду, что «настоящее» существует вокруг момента речи как центра, в то время как само действие может соотноситься с моментом речи по-разному: протекать в момент речи непосредственно, включать момент речи в период действия или только потенциально быть способным к протеканию в данный период времени. В любом случае обозначается длительность, к которой относится и момент речи. В различных контекстных условиях форма обогащается дополнительными смыслами, в том числе и под влиянием стилистического фактора, поэтому может трактоваться по-разному.

В предпринимаемом исследовании представляется правомерным моделирование категориального смысла «настоящее время» в терминах макроконцепта, т.е. многоаспектной когнитивной структуры, с исследованием особенностей конституирующих ее языковых средств, которые в совокупности обеспечивают ее функционирование как единого концепта в различных смысловых контекстах художественного текста. Использование вышеозначенного полевого подхода рассматривается в качестве реальной процедуры анализа. Концепция анализа опирается на ряд выводов из вышеизложенного.

1. Под концептом понимается идеальное построение, локализованное в сознании человека как единица представления знаний и являющееся элементом концептуальной системы исследуемого языка. В ходе анализа надлежит выявить средства системы исследуемого, т.е. немецкого, языка, объективирующие изучаемый концепт и на их основе осуществить моделирование структурно-семантического поля как общей репрезентации концепта в изучаемом языке.

2. Исходным признается для анализа такого рода положение о том, что самые важные, ключевые концепты, объективируемые языком, закрепляются в первую очередь в грамматике.

3. Гиперконцепт «время» и входящий в его структуру макроконцепт «настоящее время», несомненно, относятся к группе ключевых в концептосфере языка и обладающих экзистенциальной значимостью как для

отдельной языковой личности, так и для языкового сообщества в целом. В статусе ключевых эти концепты закреплены средствами своего прототипического выражения в грамматике, а также другими средствами языковой системы.

4. Отсутствие жесткой структуры у ключевых или базовых (широкозначных) концептов связано с их активной динамической ролью в процессе мышления и речеобразования. Тем более что в речеобразовании они постоянно взаимодействуют с другими базовыми концептами, обогащаясь благодаря этому новыми смысловыми компонентами в языковом выражении, стилистическими нюансами.

5. Выделение элементов структуры концепта целесообразно производить на основе достаточно обширного языкового материала с привлечением набора авторских текстов и с учетом того, что когнитивный анализ исследует не только закрепленное социальной практикой коллективное, общественное знание, но и знание индивидуальное, так как осмысление мира индивидуально по своей природе.

6. Тип концепта зависит от того явления, которое соположено ему в мире, поэтому возможно принятие в анализе концептов разного объема: гиперконцепт, макроконцепт, субконцепт, простой концепт. Рассматриваемый макроконцепт «настоящее время» является частью более глобального, всеобъемлющего гиперконцепта «время», а сам макроконцепт предположительно конституируется рядом субконцептов и соответствующим количеством простых концептов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пименова, М.В.* Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово : КемГУ, 2009. – 160 с.

2. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; Ин-т языкознания РАН. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.

3. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – 3-е изд., стер. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.

4. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / З.Д. Попова [и др.] ; под общ. ред. М.В. Пименовой. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово : КемГУ, 2009. – 216 с.

5. *Болотнова, Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.

6. *Степанов, Ю.С.* Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 824 с.

7. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / С.Г. Воркачев [и др.] ; под общ. ред. С.Г. Воркачева. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.
8. *Светоносова, Т.А.* Когнитивная лингвистика и лингвокультурология : черты и различия / Т.А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. / МГИМО ; отв. ред. Г.И. Гладков. – М., 2007. – № 27 – С. 39–46.
9. *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование / Г.Г. Слышкин // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 29–34.
10. *Залевская, А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / ВорГУ ; под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 36–46.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.] ; Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1997. – 245 с.
12. *Болдырев, Н.Н.* Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка / Ин-т языкознания РАН ; Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2009. – Вып. 4: Концептуализация мира в языке. – С. 25–77.
13. Duden, Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. von der Dudenred. – 6., überarb. und erw. Aufl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverl., 2007. – 2016 S.

The article deals with the prospects for conceptual interpretation of the temporal and semantic space “present time” in the German fiction. The article contains a review of different standpoints on the nature of concept, its structure and verbalization. The semantic fragment “present time” is related to the general phenomenon of “time” and can be analyzed within the framework of this hyper-concept. “Present time” is seen as a macro-concept, a multidimensional structure with its specific manifestation in the language.

Поступила в редакцию 09.04.12

Т.В. Символокова

СИМВОЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В ИСПАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье выявляются особенности функционирования полисемичных имен-символов и устанавливаются составляющие компоненты их значений на основе текстов двух испаноязычных авторов – Х.Л. Борхеса и Х. Мариаса. Приводится тезис о том, что полисемичность имени-символа позволяет данной категории имени не только реализовывать различные когнитивные значения, но и отсылать к источнику прецедентного имени, что находит подтверждение при анализе антропонимов *Мильтон* и *Гераклит*.

Полученные данные свидетельствуют о том, что ассоциации, закрепленные за «образцовым» носителем имени, обогащаются новыми прагматическими смыслами в художественном тексте и способствуют формированию разнопланового символа с комплексным содержанием.

В современных лингвистических исследованиях получил распространение тезис о том, что имя собственное (ИС) представляет собой динамическое двустороннее единство лингвистического содержания и культурно-исторического фона [1, с. 44]. Исходную базу, или ядро, прагмакомпонента ИС составляют фоновые знания о носителе имени [2, с. 39]. Отличительной чертой ИС является его способность к контекстуальному приращению, к расширению взаимодействия онимического кода с кодами других культур.

Наиболее информационно насыщенными в этом отношении являются ИС, которые входят в разряд *прецедентных имен* (ПИ) [3; 4]. К данной группе, прежде всего, относятся аллюзивные имена, заимствованные из библейских, древних мифологических и литературных текстов. Высокая востребованность ИС, выход на уровень абстрагирования признаков, социально значимых для языкового сообщества, ассоциативность имени приводит к тому, что ИС наделяется статусом «имя-символ» [4].

Особенно часто символизации подвергаются антропонимные ИС, представленные словосочетаниями [5, с. 10]. Лексемы, входящие в состав словосочетания, устанавливают ранее отсутствовавшие в языке связи с ИС и уже в рамках единого целого развивают новое переосмысленное значение подобно структурам фразеологического типа.

Имя-символ выполняет важные функции в художественном тексте. С одной стороны, выступая как метатекст, имя-символ репрезентирует различные характеристики, модели межличностных отношений и ценностные установки культурного социума. В этом заключается «терминологическое значение имени-символа» [3, с. 86]. С другой стороны, выход ИС-символа на уровень метатекстового содержания позволяет ему не только реализовывать свойства культурологического знака, но и проявлять признаки образного средства, т.е. апеллировать и воздействовать на эмоциональную сферу личности [5, с. 7].

На размытость семантических границ символа указывал А.Ф. Лосев: «В символе достигается субстанциональное тождество бесконечного ряда вещей, охваченных одной моделью» [6, с. 416]. ИС-символу также присуще «полисемичность» [4, с. 88–89], или комплексность содержания. Полисемичность имени-символа создается за счет его способности не только накапливать когнитивные значения, связанные с положительными или отрицательными качествами «образцового» носителя имени [7, с. 219], но и отсылать к стереотипам восприятия прецедентного текста или прецедентной ситуации, в которой имя-символ упоминается.

Предполагается, что в вербальную ткань художественного текста вовлекается определенный репертуар ПИ, который варьируется в зависимости от индивидуально-авторских предпочтений. В настоящей статье ставится цель установить совокупность ПИ, функционирующих как символы,

и выявить составляющие компоненты их значений на основе испаноязычных текстов двух авторов – Х.Л. Борхеса и Х. Мариаса. Материалом для исследования послужили 413 стихотворных произведений и 60 рассказов Х.Л. Борхеса, а также 8 романов и 26 рассказов Х. Мариаса. В совокупности количество прецедентных имен составило 272 единицы, извлеченные методом сплошной выборки из указанного массива текстов.

Среди антропонимов, представляющих имена реальных, исторических личностей (имена писателей, художников, философов, политических деятелей), Х. Мариас и Х.Л. Борхес чаще всего обращаются к именам поэтов и писателей. При этом лидирующую позицию занимают имена классиков английской литературы – У. Шекспира и Дж. Мильтона. В художественном дискурсе Х.Л. Борхеса зафиксировано 23 случая употребления указанных антропонимов, в то время как у Х. Мариаса данные имена упоминаются 20 раз. Значительное место в ономастиконе авторов занимают имена персонажей У. Шекспира, к которым особенно часто обращается Х. Мариас (Макбет, Гамлет, Дездемона, Отелло, Фальстаф). В рамках настоящей статьи будет рассмотрен механизм символизации антропонима *Мильтон*. Так, в своем стихотворении “El ciego” (“Слепой”) Х.Л. Борхес актуализирует компонент ‘слепой поэт’ в имени *Мильтон*.

*No sé cuál es la cara que me **mira** / cuando miro la cara del espejo; / No sé qué anciano acecha en su reflejo / con silenciosa y ya cansada ira.*

***El consuelo es de Milton y es valiente**, / Pero pienso en las letras y en las rosas. / Pienso que si pudiera **ver** mi cara / sabría quién soy en esta tarde rara* [BJLP, p. 414].

Кто в зеркалах таится отраженьем, / Когда немею перед амальгамой? / Что за старик безмолвно и упрямо / Глядит из них с усталым раздраженьем?

***“Ты потерял лишь внешние личины”**, / – **Ответит Мильтон** на мои вопросы. / Суждение, достойное мужчины, / Но как забыть про книги или розы? Свое лицо увидевши воочью, / Я знал бы, кто я нынешнею ночью* [БХЛ, с. 184].

Символ *слепота*, восходящий еще к античной мифологии, получает противоречивую трактовку в поэтике Борхеса. Амбивалентность символики Борхеса проявляется в том, что, с одной стороны, слепота символизирует неведение и вечную тьму, с другой – означает способность отрешиться от действительности, насыщенной калейдоскопом зрительных образов, и дает человеку возможность сосредоточиться на внутреннем видении и осмыслении мира. Борхес опровергает обыденное мнение о том, что незрячий человек погружен во мрак, и для характеристики слепоты использует лексему *don* ‘дар’ в стихотворении “Poema de los dones” (“О дарах”) [BJLP, p. 111]. Поэтому лексема *ciego* ‘слепой’ в текстах автора может иметь положительную коннотацию, что контрастирует с отрицательной семантикой символа *слепота* как непоправимого несчастья. Полевая структура символа *слепота* в поэтических текстах Х.Л. Борхеса репрезентирована следующими

лексемами: *silencioso* ‘молчаливый’, *gris* ‘серый, сумеречный’, *invisible* ‘незримый’, *gastado* ‘усталый’, *agotado* ‘изнуренный’, *secreto* ‘тайный’, *indefinido* ‘неопределенный’, *penumbra* ‘полумрак’, *niebla* ‘мгла’. Данные лексические единицы выражают идею уединения, отстранения от внешнего мира, который постепенно теряет свои очертания.

В семантическую сферу символа *слепота* вовлекаются глаголы чувственного восприятия и мышления, подчеркивающие одиночество и замкнутость героя: *explorar* ‘изучать’ , *vislumbrar* ‘неясно видеть’, *interrogar* ‘спрашивать’, *pensar* ‘думать’, *ignorar* ‘не знать’, *reconocer* ‘узнавать’, *mirar* ‘внимательно разглядывать’, *ver* ‘видеть’.

У Х.Л. Борхеса слабовидящий человек познает реальность с помощью разных органов чувств – слуха, обоняния и осязания. Вместе с тем приоритетными для автора остаются визуальные образы, которые надолго сохраняются в сознании и памяти человека. Поэтому полевая структура символа *слепота* включает в себя синестетические метафоры, основанные на совмещении различных форм восприятия. Так, в словосочетании *insípido universo* ‘бесцветный мир’ прилагательное *insípido* ‘невкусный’, относящееся к семантической сфере вкусовых качеств, используется Борхесом для выражения цветовой гаммы внешнего мира, лишенного ярких красок. В примерах *aspiro lóbriega rosa de la tiniebla* ‘вдыхаю аромат печальной розы полумрака’ и *con la mano exploro mis invisibles rasgos* ‘ищу рукой свои невидимые черты’ зрительные ощущения переносятся в область обоняния и осязания. В примере *silenciosas multitudes de oros y de rojos* ‘молчаливое множество золотистого и алого (цветов)’ переплетаются два различных способа восприятия – зрение и слух. Основную смысловую нагрузку в словосочетании несет прилагательное *silencioso* ‘молчаливый’, так как у незрячего человека чрезвычайно развит слух, и большую часть информации о мире он получает с помощью звуков и их оттенков.

В стихотворении “Del Infierno y del Cielo” (“Об Аде и Рае”) словосочетание с компонентом ИС *la visible tiniebla de Milton* ‘Мильтоновая зримая темнота’ выступает как своеобразный семантический «каркас», объединяющий тексты со сходной тематикой, что также позволяет говорить о символической значимости антропонима. *Los ojos no verán los nueve círculos / de la montaña inversa; / ni violentos metales, ni siquiera / **la visible tiniebla de Juan Milton*** [BJLP, p. 173]. *– Не будет им не девяти кругов, / горы вершиной книзу; / ни молчаливой ярости металлов, / ни **Мильтоновой зримой темноты*** **[**БХЛ, с. 71**]**. С помощью сложной ономастической единицы, которая функционирует в тексте подобно фразеологическому сочетанию, Х.Л. Борхесу удается выразить горькую иронию по отношению к судьбе одного из величайших английских поэтов XVII в.. Имея все, к концу жизни Мильтон теряет зрение и оказывается в полном одиночестве.

В зависимости от отношения к созданному образу антропоним *Milton* может реализовывать и другие символические значения в текстах автора. Для Х.Л. Борхеса имя *Milton* неразрывно связано с представлениями о борьбе с монархией, о гуманизме, об общественно-воспитательной деятельности,

основанной на библейских заповедях. В стихотворении “Ariosto y los árabes” (“Ариосто и арабы”) автор вводит аллюзию на сюжеты итальянских поэм, воспевающих любовные и военные похождения Роланда («Влюбленный Роланд» М. Боярдо и «Неистовый Роланд» Л. Ариосто), которые значительно отклоняются от содержания французского эпоса XII в. «Песнь о Роланде». *Europa entera se perdió. Por obra / de aquel ingenuo y malicioso arte, / **Milton** pudo llorar de **Brandimarte** / el fin y de **Dalinda** la zozobra* [BJLP, p. 143]. – *Европа чуть не сгинула бесследно, / В тот лабиринт заведена азартом: / Сам **Мильтон** мог рыдать над **Брандимартом** / и сокрушаться о **Далинде** бедной* [БХЛ, с. 61]. Обращение к именам прецедентных персонажей *Brandimarte* и *Dalinda* позволяет автору описать личностные качества Мильтона. Таким образом, в текстах Х.Л. Борхеса антропоним *Milton* предстает как символ с комплексным содержанием, в структуре которого закрепляются компоненты ‘слепой поэт’, ‘поэт-борец’, ‘гуманист’.

Между тем в романе “Tu rostro mañana” (“Твое лицо завтра”) Х. Мариаса употребление антропонима *Milton* имеет целью воссоздать прецедентную ситуацию. Один из героев повествования, Питер Уиллер размышляет об опасности, которую таят в себе неосмотрительные разговоры со стороны мирного населения в период Второй мировой войны, и обращается к фрагменту из сонета Дж. Мильтона, посвященного покойной жене поэта. *Acúerdate del soneto de Milton, ¿lo conoces? Milton lleva ya tiempo ciego cuando lo escribe, sueña una noche con su esposa Catherine muerta y la ve y la oye perfectamente en esa dimensión, la del sueño. <…> Y sobre todo el rostro y la figura de ella, que en él no son recordados siquiera sino imaginados. Y al inclinarse ella para abrazarlo en el sueño, entonces **“I walk’d, she fled and day brought back my night”**, así termina. Con los muertos se vuelve a la noche siempre, y a no oír más silencio, y a no obtener nunca respuesta* [MJT, p. 352–353]. ‘Вспомни сонет Мильтона, ты его знаешь? К моменту написания стихотворения Мильтон уже ослеп. Ночью ему снится его покойная жена, Кэтрин, которую он прекрасно видит и слышит в измерении сна. <…> [Он видит] особенно четко лицо и ее фигуру, которые он даже не помнит, а лишь представляет. И когда она наклоняется, чтобы обнять его, **«Шагнув ко мне, она пропала, и свет сменился тьмой»**, так заканчивается стихотворение. С мертвыми всегда погружаешься в ночь, и нельзя услышать ничего, кроме тишины, и нельзя получить ответа’[1]. Автор практически точно передает смысл текста-источника, включая «чужой» текст в свой, и преобразовывает его семантику за счет актуализации ассоциаций, связанных с претекстом.

Аппелируя к известности имени *Milton,* Мариас сравнивает различные мотивы, стимулирующие человека к молчанию: молчание мертвых и вынужденное молчание живых, опасающихся преследования властей. *¿Te das bien cuenta, Jacobo, de lo que significaba esto? Se pidió a los ciudadanos que **se callaran**, que **se cosieran los labios**, que **cerraran bien el pico** a cal y canto, que*

[1] Здесь и далее перевод фрагментов из романа Х. Морисса «Твое лицо завтра» наш. – *Т.С.*

se abstuvieran de toda conversación imprudente y aún de las que no parecieran serlo. Así que yo no sé si te das cuenta, pero lo que se les estaba pidiendo con estas consignas no era sólo que renunciaran al aire, sino que ***se asimilaran con ello a los muertos*** [MJT, p. 352–353]. ‘Понимаешь ли ты, Джейкоб, что это означало? От граждан требовали, чтобы они **молчали,** чтобы **закрыли рот**, чтобы **крепко держали язык за зубами**, чтобы воздерживались от неосмотри-тельной болтовни и от всех остальных разговоров. Так что я не знаю, понимаешь ли ты, ведь от граждан требовалось, чтобы они не просто отказались от воздуха, но и **уподобились мертвым**’.

Глаголу *callar* ‘молчать’ в испанском языке соответствуют два основных значения: ‘не произносить ничего голосом’, ‘безмолвствовать’, которые можно отнести к физическому молчанию, и ‘скрывать’. Для большего воздействия на реципиента автор использует семантику лексических единиц, передающих значения ‘умолчать’ (что-либо), ‘сохранять в тайне’ (*callarse* ‘замалчивать’, *cerrar el pico* ‘придержать (прикусить) язык’, *coserse los labios* ‘закрыть рот’), и сравнительного оборота (*asimilarse a los muertos* ‘походить на умерших’). Здесь употребление антропонима-символа *Milton* помогает автору привлечь внимание читателя к историческим и литературным параллелям и усилить прагматическое воздействие текста.

Следует отметить, что Х.Л. Борхес и Х. Мариас отдают предпочтение разным классам прецедентных имен. Отличительной чертой сферы имен, функционирующих в художественном дискурсе Х.Л. Борхеса, является тот факт, что антропонимная система включает группу ИС людей, принадлежащих к области философии. Группа антропонимов, представляющих мыслителей и философов преимущественно античной эпохи, доминирует по количественному показателю (37 имен): *Heráclito* (*Гераклит*), *Aristóteles* (*Аристотель*), *Zenón* (*Зенон*), *Demócrito* (*Демокрит*), *Anaxágoras* (*Анаксагор*) и др. Преобладание онимов данной группы в тексте вполне обоснованно, так как их использование, во-первых, демонстрирует эволюцию философской мысли во всем ее многообразии. Во-вторых, ввиду многогранности и противоречивости личностей великих мыслителей ассоциативный потенциал таких антропонимов весьма продуктивен. Он позволяет автору не только эксплицировать смыслы, заложенные в прагмакомпоненте имени, но и обогатить его новыми.

В качестве иллюстрации рассмотрим процесс символизации антропонима *Heráclito* в поэтике Х.Л. Борхеса, частотность употребления которого достигает 14 раз. На основе проанализированных контекстов в структуре антропонима *Heráclito* можно выделить следующие составляющие: 1) античный философ, 2) мудрец-отшельник, 3) автор трудов, сложных для понимания, 4) автор идеи о взаимоперетекании и противоречивости бытия. Перечисленные компоненты образуют свернутую идею ИС *Heráclito* и являются той базой, на которой развиваются символические значения антропонима.

Фраза Гераклита *Нельзя войти в одну реку дважды* является одним из известных прецедентных высказываний античной эпохи, которое довольно часто встречается в произведениях Борхеса. Так, в стихотворении “Heráclito” (“Гераклит”) автор дословно воспроизводит прецедентное высказывание. Борхес придерживается античной концепции циклического времени, основанной на идее вечного возвращения, которая у него ассоциируется с именем греческого философа. Быть – это значит постоянно изменяться, перетекать из одной формы в другую, обновляться, подобно тому, как сама река приносит новые воды. Автор создает образ страдающего, «плачущего» Гераклита, который пытается удержать выскальзывающее из его рук время, но при этом отчетливо осознает, что это невозможно.

*Su voz declara: / **Nadie baja dos veces a las aguas / del mismo río**. Se detiene. Siente / con el asombro de un horror sagrado / que él también es un **río** y una fuga* [BJLP, p. 207]. – *Голос произносит: / «**Никто не ступит дважды в воды той же / Реки**». / Он умолкает, понимая / В священном трепете, что он и сам – / **Река** в безостановочном теченье* [БХЛ, с. 207].

В своих произведениях Борхес использует различные способы заимствования прецедентного высказывания. В стихотворении “Olaus Magnus” (“Олав Магнус”) автор апеллирует к символу реки Гераклита как к непререкаемому авторитету, чтобы показать ценность и важность книги священника, сохранившего верность Риму в период Реформации. *Hubo aquel roce*. / *Oh no leído y presentido libro, / tu hermosa condición de cosa eterna / entró una tarde en las perpetuas **aguas / de Heráclito**, que siguen arrastrándome* [BJLP, p. 458]. – *Помню то прикосновенье. / О непрочтенный и бесценный том, / Твоя недосягаемая вечность / Тем вечером ступила в **Гераклитов / Поток**, опять смывающий меня* [БХЛ, с. 204].

В стихотворении “Somos el tiempo” (“Мы время”) Х.Л. Борхес уже использует не знаменитую фразу Гераклита, а вводит аллюзию на эту цитату. Аллюзия представляет собой ссылку на атрибуцию высказывания и, таким образом, не позволяет заимствованию полностью «раствориться» в новом тексте. *Somos **el tiempo**. Somos la **famosa / parábola de Heráclito el Oscuro**. / Somos **el agua**, no **el diamante** duro, / la que se pierde, no la que reposa* [BJLP, p. 592]. – *Мы **время**. Мы – живое воплощенье / той **Гераклитовой старинной фразы**. Мы капли, а не твердые алмазы. / Мы – влага не затона, а теченья* [БХЛ, с. 254].

Прецедентное имя *Heráclito el Oscuro* ‘Гераклит Темный’ в словосочетании *parábola de **Heráclito el Oscuro*** не только эксплицирует свою связь с претекстом, но и концентрирует в себе содержание интертекстемы, символизирующей изменчивость и бренность человеческого бытия. Кроме того, отсылка к высказыванию Гераклита верифицируется серией тождественных воспроизводимому прецедентному тексту лексических единиц *tiempo* ‘время’, *agua* ‘вода’, *río* ‘река’, *reflejo* ‘отражение’, *cambiar* ‘изменять’, образующих дополнительный смысловой комплекс в тексте.

*Somos el **río** y somos aquel griego / que se mira en el **río**. Su **reflejo** / cambia en el agua del cambiante **espejo**, / en el **cristal** que cambia como el **fuego*** [BJLP,

p. 592]. – *Мы – **воды** с мимолетными чертами / **эфесца**, к ним припавшего. Движенье / колышет и меняет **отраженье** / на **глади** переменчивой, как **пламя*** [БХЛ, с. 254].

Содержание второго четверостишия раскрывается посредством ряда словесных символов: *río* ‘река’ – *agua* ‘вода’ – *espejo* ‘зеркало’ – *fuego* ‘огонь’. Взгляд *в себя,* в глубь души замещается взглядом в *реку*, символ изменчивости времени, которая в этом контексте выполняет функцию *зеркала*, дающего подлинное отражение сущности (внутренней природы человека), а не внешнего (видимого). Символическим выражением всеобщего изменения для Гераклита также является огонь. Семантическая оппозиция лексем *agua* ‘река’ и *fuego* ‘огонь’ сближается на основе общих семантических признаков текучести и изменчивости и усиливается благодаря употреблению глагола *cambiar* ‘изменить’ и прилагательного *cambiante* ‘изменчивый’.

Таким образом, с одной стороны, Х.Л. Борхес использует семантическую емкость языковых символов *река – огонь – зеркало*, уходящих корнями в древнюю мифологию. С другой – автор расширяет функцию и область действия прецедентного имени *Heráclito el Oscuro*. Это дает Х.Л. Борхесу возможность проецировать друг на друга культурно-исторические срезы (античную эпоху и эпоху XX века) и реализовывать как постоянные, так и переменные компоненты имени его носителя. Соотношение двух срезов и создание символа реки Гераклита получает языковое отражение в виде формирования окказиональных ономастических единиц, представляющих собой «сгустки» историко-культурной информации, которые позволяют выразить смысл в компактной форме. В текстах Борхеса окказиональные словосочетания (*el cristal de Heráclito inconstante* ‘зеркало переменчивого Гераклита’, *el gran río de Heráclito el Oscuro* ‘река Гераклита Темного’, *la parábola de Heráclito* ‘изречение Гераклита’) выражают символику существования, мыслимого как непрерывный плавный поток.

Проведенный анализ показал, что основную роль в ономастиконе произведений Х.Л. Борхеса и Х. Мариаса играют имена классиков английской литературы. При этом мотивы употребления имен у авторов существенно отличаются. Например, Х.Л. Борхес качественно реорганизует прагмакомпонент антропонима *Milton*, приспосабливая его для описания психологического состояния. В текстах Х. Мариаса неизменным остается смысловой компонент ‘слепой поэт’ в имени *Milton*. Автор использует данный антропоним с целью воссоздания прецедентных ситуаций, которые имели место в жизни великого поэта. Кроме того, произведения Х.Л. Борхеса характеризуются наличием окказиональных ономастических единиц, функционирующих в тексте подобно фразеологическим сочетаниям. Главной особенностью таких единиц является концентрация значительного объема содержания в компактной форме.

Преобладание в антропонимной системе Х.Л. Борхеса ПИ философов и мыслителей можно объяснить тем фактом, что мировоззрение латино-американского писателя в большей мере, чем у испанского автора, формируется под влиянием мировой культуры. Апелляция к ПИ как к непререкаемым авторитетам позволяет Х. Мариасу расширить исторические горизонты своих произведений и воздействовать на эмоциональную сферу реципиента. Таким образом, употребляя ПИ в своих произведениях, автор не только актуализирует ассоциации, закрепленные за «образцовым» носителем имени, но и обогащает его прагмакомпонент новыми смыслами. В результате формируется разноплановое имя-символ с комплексным содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суперанская, А.В.* Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 367 с.
2. Имя собственное в художественном тексте : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. А.Н. Деревяго. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 195 с.
3. *Гудков, Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 149 с.
4. *Красных, В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
5. *Ратникова, И.Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И.Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 214 с.
6. *Лосев, А.Ф.* Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
7. *Руденко, Д.И.* Имя в парадигмах «философии языка» / Д.И. Руденко. – Харьков : Основа, 1990. – 299 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

BJLP – *Borges, J.L.* Poesía completa / J.L. Borges. – Barcelona : Lumen, 2011. – 654 p.
MJT – *Marías, J.* Tu rostro mañana : 1 Fiebre y lanza / J. Marías. – Barcelona : Liberdúplex, S.L.U. – 406 p.
БХЛ – *Борхес, Х.Л.* Сочинения : в 3 т. / Х.Л. Борхес. – 2-е изд., доп. – М. : Полярис, 1997. – Т.3 : Стихотворения. Устные выступления. Интервью. –606 с.

The article deals with the study of precedental names as polysemantic symbolic units in J. Marias' and J.L. Borges' literary texts. Extra linguistic factors which constitute the basis of a precedental name allow this category of name to express different symbolic meanings.

Поступила в редакцию 13.03.12

А.А. Толстая

ПОТЕНЦИАЛ ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РАЗВЕРТЫВАНИИ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье исследуется роль посессивных конструкций в выстраивании системы образов и передаче идейно-художественного содержания произведения. Анализ осуществляется на материале романа «Качели дыхания» Герты Мюллер. Автор романа использует все многообразие категории посессивности (различные виды отношений и средств посессивности) для развертывания главной темы произведения – темы лишений. Предикативные конструкции с глаголом *haben,* атрибутивные посессивные конструкции, конструкции динамического обладания, лексические средства служат характеризации ненормального быта интернированных, а также описанию межличностных отношений и душевного состояния персонажей. Отдельный интерес представляют стилистически окрашенные случаи нарушения правил построения посессивных конструкций, в особенности употребление объектов неотторжимой принадлежности в предложениях необладания.

Категория посессивности в языке отражает реально существующие связи между предметами внешнего мира как отношения, категоризированные сознанием. Эти отношения в самом общем виде воплощены в оппозиции «свой – чужой». Свой мир, так же как и чужой, представляет собой своеобразное пространство (не только физическое, но и символическое), которое человек ассоциирует с собой, т.е. личностное пространство без вторжения посторонних. В восприятии человека сосуществуют два микромира – внутренний и внешний, и через посессивные конструкции сам человек репрезентуется как обладатель элементов микрополей обоих миров. Среди этих элементов свою роль выполняют не только имена конкретно-предметной семантики, но и имена других семантических групп – обозначения частей тела, лиц, опредмеченных качеств, свойств, состояний, а также событийные имена. Все они могут обозначать то, что называют личной сферой человека – «совокупности предметов и существ, связанных с личностью так, что эта связь может осмысливаться как постоянная и тесная» [1, с. 301].

Семантическим ядром посессивности правомерно считать неотторжимость. Как субкатегория посессивности она может быть выражена посредством специальных морфем. Однако даже если и не имеется грамматической закрепленности, языковая сфера обладания позволяет установить границы индивидуальности и включающиеся в нее феномены. Отдельный интерес представляют при этом случаи отрицательной посессивности, необладания, иначе говоря, отсутствия в личной сфере человека каких-то объектов либо отрицание самим человеком наличия связи с этими объектами. Например, если человек лишается принадлежащих ему вещей личного пользования, это всегда рассматривается как необычное в обществах, не

ориентированных на аскетизм как основную норму. В этом отношении особенно пристального внимания заслуживают конструкции отрицательной посессивности с объектами неотторжимой принадлежности. Они прослеживаются дальше на материале романа Герты Мюллер «Atemschaukel».

В этом романе тема лишений является ключевой, поскольку описывается судьба молодого человека, этнического немца Леопольда Ауберга, депортированного в украинский лагерь, где он провел 5 лет. Сюжет затрагивает исторические события, о которых на родине автора не писали, так как они служили бы напоминанием о фашистском прошлом Румынии. В тексте с подробностями отображены детали лагерного быта, создающие общую картину нечеловеческих условий. Повествование ведется от имени главного героя, события осознаются с его точки зрения, в аспекте «я-перспективы». Искажение, которое претерпевает действительность при передаче через точку зрения героя, является определяющим фактором развертывания смыслового пространства данного текста.

Начало романа – это перевод латинской пословицы «Все свое ношу с собой»: *Alles, was ich habe, trage ich bei mir*, причем представленный и в синонимичном повторе: *Oder: Alles Meinige trage ich mit mir*. Использованные в данных вариантах средства посессивности не всегда взаимозаменяемы (ср.: *Mein Buch hat Peter* ‘моя книга у Петра’), что далее и обыгрывает автор: *Getragen habe ich alles, was ich hatte. Das Meinige war es nicht* ‘я носил все, что имел. Моим оно не было’. Глагол *haben* лишь констатирует факт наличия в сфере обладания героя определенного предмета, но не обязательно предполагает отношения собственности. Посессивное же местоимение *mein*, особенно в субстантивированной форме, обозначает именно прямую принадлежность. Вещи не принадлежали Лео, были ему не по размеру. Они «происходили» (*stammten von…*) от других людей, которые, пожертвовав свои вещи, тем самым старались внести добрый вклад в судьбу героя. Таким образом, и до отправки в лагерь у героя не было своих вещей, а вместе с ними и своего мира. Далее становится понятным, что Лео действительно чувствовал себя чужим в родном городе.

Текст романа содержит большое количество предложений с глаголом *haben* ‘иметь’, ‘обладать’. Основная роль глагола *haben* в высказывании – описание субъекта как центра посессивной сферы. Посессивные конструкции оформляют сообщения статического содержания, касающиеся обладания материальными и нематериальными благами. В зависимости от их лексического наполнения выделяются две главные области – сфера владения и сфера качественной характеристики. В этих предложениях субъект предикативно характеризуется наличием либо отсутствием объекта в своей сфере посессивности.

Посессивные конструкции романа имеют и более широкую функцию: служат развертыванию главной темы произведения – темы лишений: *Als Zwangsarbeiter hat man nichts als eine Pufoaika, einen Watteanzug, am Leib und*

in der Baracke einen Koffer und ein Bettgestell ‘как депортированный не имеешь ничего кроме фуфайки на теле и в бараке – чемодана и кровати’. У героев не было ничего, что воспринимается большинством людей как само собой разумеющееся: *Hier im Lager beginnt der Witz schon mit: MAN NEHME. Das man nichts hat, das ist die Pointe* ‘Здесь, в лагере, шутка начинается словами: ВОЗЬМИТЕ. В том, что ты ничего не имеешь, и есть суть шутки’. Отсутствие у людей простейших необходимых вещей означает ненормальное положение дел, являющееся результатом стихийного бедствия или войны, но абсолютно дикое в мирное время. Использованные в посессивных конструкциях имена наличествующих в обладании предметов также служат характеризации быта интернированных: *Ich habe eine Herzschaufel, Kohle, Zement, Sand, Schlackoblocksteine…. Man hat Läuse auf dem Kopf …. Man hat Wanzen im Bettgestell. Man hat Hunger* ‘У меня есть лопата-сердце, уголь, цемент, песок, шлакоблоки. Есть вши на голове. Есть блохи в кровати. Есть голод’. Голод доминирует над всем: *Wie läuft man auf der Welt herum, wenn man nichts mehr über sich zu sagen weiß, als dass man Hunger hat* ‘Как ходить по свету, если ничего не можешь сказать про себя, кроме того, что ты голоден’. Герой мечтал о мире, мечтал увидеть людей, которые окружены нормальными вещами и занимаются мирными делами: *Ich wollte Leute sehen, die ein Zuhause haben, einen Zaun, einen Hof, ein Zimmer mit einem Teppich, vielleicht sogar einen Teppichklopfer. Wo Teppiche geklopft werden, dachte ich, kann man dem Frieden trauen… Dort lässt man die Leute in Frieden* ‘Я хотел увидеть людей, у которых есть дом, забор, двор, комната с ковром, может быть даже выбивалка для ковра. Где выбивают ковры, думал я, можно верить миру. Там людей оставляют в покое’.

Предметы личного пользования человека описываются чаще всего как относящиеся к объектам субъективно неотчуждаемой принадлежности, не предполагающим смену владельца. Такие имена обладания употребляются не в статических посессивных конструкциях, а в динамических, в которых на первое место выходит не столько значение собственности, сколько актуального личного использования: *она вытерла слезы платком*. Таких предметов у депортированных почти не осталось, а то немногое, что еще оставалось, использовалось многофункционально, замещая недостающие вещи: *Mein Kohletuch… hab ich … als Taschentuch benutzt. Und nach dem Schneuzen um den Hals gelegt, da war es mein Halstuch* ‘Мой мешок для угля я использовал в качестве носового платка. Высморкавшись, я вешал его на шею, там он был моим шейным платком’.

На фоне темы лишений особое звучание получают обыгрываемые автором отношения собственности и товарно-обменные отношения. Еда была самой большой ценностью, а «сэкономленный» хлеб, выдаваемый по утрам на весь день, самой ценной собственностью: *Meine Wertsachen sind Zucker und Salz. Unterm Kissen liegt mein getrocknetes, vom Mund abgespartes Brot. Er ist ein Vermögen wert…* ‘Мои ценные вещи – сахар и соль. Под подуш-

кой лежит высохший, сэкономленный хлеб. Он стоит целое состояние'. Отображается процесс обмена хлебом: вечером перед традиционным супом происходил обмен, *denn das Eigenbrot scheint immer kleiner als das Brot der anderen* 'Потому что собственный хлеб казался меньше чем хлеб остальных'.

Основным новообразованием романа и его лейтмотивом является слово *der Hungerengel* – 'ангел голода'. Слово *голод* является ключевым словом романа, а *ангел голода* – образ, служащий доминантой текста, детерминирующей его развитие и указывающий на источник его развертывания.

Существительное *голод* относится к группе имен временного состояния человека. Возможность его употребления в посессивной конструкции исследователи объясняют тем, что в данном случае «не утрачено значение «опредмеченности» обладаемого свойства, т.е. когда оно не перестает интерпретироваться как самостоятельная сущность, могущая вступить в отношения с обладателем» [2, с. 104]. Такие выражения как *I have a headache, Ich habe Kopfschmerzen, Er hat Hunger* реализуют общую метафору, в которой изменяющиеся состояния выражены как предметы, т.е. *состояние* – это предмет [3, с. 350–355]. Эти объекты обладания представлены независящими от субъекта, описываются в терминах предметного мира и соответственно могут иметь такой же статус, как предметы окружающего мира. Они обособляются от человека и получают самостоятельный статус обладаемого [4, с. 16]. Герой романа называет голод предметом, потому что он реален, но в ходе дальнейших рассуждений сам же это отрицает, утверждая, что голод не предмет – у предметов есть границы, размеры, а у голода нет: *Der Hunger ist kein Gegenstand* 'Голод не предмет'. В этом уже есть глубокий символический смысл: постоянное присутствие голода переосмысливается персонажем в ангела голода, который всегда с ним, все знает: *Um 11 Uhr machte ich mich auf den Weg, machten wir uns auf den Weg, mein Hunger und ich* 'В 11 я отправился в путь, мы отправились в путь, мой голод и я'. Лео не знает, имеется ли у каждого свой собственный ангел голода: *Wenn jeder seinen eigenen Hungerengel hat, dann wird jedes Mal, wenn einer stirbt, ein Hungerengel frei* 'Если у каждого свой собственный ангел голода, то каждый раз, когда кто-то умирает, один ангел голода освобождается'.

Таким образом, автор не просто опредмечивает временное состояние человека, и даже не просто олицетворяет его, а аллегорически рисует голод вездесущим и всесильным, подчиняющим себе человека. Эта идея наиболее отчетливо выражена с помощью лексических средств, однозначно указывающих на отношения обладания, собственности, таких как: глагола *gehören* – 'принадлежать' и выражения *in Besitz nehmen* – 'овладевать': *Der Zeppelin… gehörte dem Rost, so wie die Kohle dem Lager, die Gräser der Steppe und wir dem Hunger gehörten. Mich hatte der Hungerengel … in Besitz genommen* 'Цеппелин принадлежал ржавчине, также как уголь – лагерю, трава – степи, а мы – голоду. Ангел голода владел мной'. И даже описание

окружающего пространства с точки зрения персонажа передает эту идею: не только он, но и все вокруг испытывает голод: *Im Rumpeln der Koksbatterien hörte ich das Magenknurren, das ganze Abendpanorama hatte Hunger* ‘В грохотании коксовальных батарей я слышал урчание желудка’. *... das bisschen Gras ist unterernährt wie wir…* ‘редкая трава была также истощена, как и мы’. *Die Schwalben flogen ihrem Hunger nach* ‘Ласточки летели за своим голодом’. *Alles, was ich tat, hatte Hunger* ‘Все, что я делал, было голодным’. *Jeder Gegenstand glich in Länge, Breite, Höhe und Farbe dem Ausmaß meines Hungers* ‘Каждый предмет своей длиной, широтой, высотой и цветом был похож на мой голод’.

Посессивные конструкции с именем лица в позиции объекта служат, как правило, описанию разнообразных межличностных отношений, на тип отношения указывают сами имена релятивной семантики. Реляционную интерпретацию получает любая именная группа, выступающая в подобных предложениях. В романе конструкции данного типа являются средством олицетворения предметов и далее – способом выявления их особой роли в жизни персонажа. Автор романа сравнивает или прямо называет людьми различные предметы, например, лопату, главный инструмент персонажа, которой тот дал имя и которую он считает своей хозяйкой: *Doch die Schaufel war mein Herr … Dann war sie stolz auf mich* ‘Лопата была все же моим хозяином. Потом она гордилась мной’. Один из видов угля герой любит, потому что у этого угля мягкое сердце (*hat ein weiches Herz*), у другого же вида нет характера, поэтому герой с ним не дружит (*war nie mein Freund*). Носовой платок, подаренный русской женщиной, герой вообще назвал единственным человеком, который заботился о нем: *Das Taschentuch war der einzige Mensch, der sich im Lager um mich kümmerte.* Через прием олицетворения возникает контраст: отношение к предметам и отношение к людям. Бессердечное начальство относится к депортированным как к инструменту строительства, у них, понятно, нет имен, а только номера. А ведь даже скамейкам в семье героя были даны имена. Общеизвестно, что имя человека является его неотторжимой принадлежностью, оно включается в понятие человека как личности [1, с. 308]. Лишаясь имени, человек теряет способность к адекватной самоидентификации, сливается с массой. Но чтобы выжить в лагере, персонаж должен был приспосабливаться, не думать о доме, родных, даже о себе как о личности. И он это смог: *Ich habe das Lager, und das Lager hat mich. Ich brauche nur ein Bettgestell und … meinen Blechnapf. Nicht einmal den Leo Auberg brauche ich* ‘У меня есть лагерь, а у лагеря есть я. Мне нужна только кровать и жестяная миска. Мне не нужен даже Лео Ауберг’. По возвращении же из лагеря человек не мог вернуться к себе снова. И он это знал еще в лагере: *Das ist meine Familie, werde ich sagen, und meinen werde ich damit die Lagerleute* ‘Это моя семья, скажу я, и буду иметь в виду тех, кто в лагере’.

Композиция произведения состоит из 3 частей: основная часть, изображающая жизнь в лагере, предваряется кратким описанием сборов и зарисовками долагерной жизни героя, а последние главы описывают возвращение из лагеря и, очень кратко, дальнейшую жизнь героя. Эту схему можно было бы обозначить как «дом – лагерь – дом», но соединить с ней атрибуты «свой – чужой» не так просто. Лео не чувствует себя «своим» у себя дома ни до, ни после лагеря. Вспоминая жизнь «до», он говорит о том, что с родителями он имел общие вещи: *Bevor ich ins Lager kam, waren wir 17 Jahre zusammen, teilten uns die großen Gegenstände wie Türen, Schränke, Tische, Teppiche. Und die kleinen Dinge wie Teller und Tassen, Salzstreuer, Seife, Schlüssel. Und das Licht der Fenster und der Lampen* ‘Прежде чем я попал в лагерь, мы 17 лет провели вместе, делили большие предметы – двери, шкафы, столы, ковры. И маленькие вещи – тарелки и чашки, солонки, мыло, ключи. И свет окон и ламп’. Но он ничего не говорит о чувствах, мыслях, идеях. Не удивительно, что и теперь он чувствует себя чужим: *Ich gehörte nicht ihnen* ‘Я не принадлежал им’. Вместо ангела голода появился «недотрога» в смысле «не трогай меня» – *der Nichtrührer*, в отношении которого Лео также не был уверен – один ли он на всех или у каждого в семье он свой собственный.

Средства посессивности играют большую роль для описания межличностных отношений. Глагол *gehören zu* означает принадлежность к кругу семьи, друзей, единомышленников. В лагере, где четко проходит разделение на «своих» и «чужих», круг общения определяет жизнь. Один из соотечественников персонажа стал надзирателем: *Tur Prikulitsch … gehörte aber zu den Russen, nicht zu uns* ‘Тур Прикулич принадлежал к русским, не к нам’. Его одноклассница, ставшая в лагере его любовницей, не хотела предавать своих, но, конечно, искала для себя лучшей жизни: *Sie beklagt sich über Tur Prikulitsch, sie will zu uns gehören, aber so leben wie er* ‘Она жалуется на Тура Прикулича, хочет принадлежать к нам, но жить так, как он’.

Среди имен объектов обладания в посессивных конструкциях большую частотность показывают обозначения частей тела, употребляемых для описания внешности, для характеристики человека, передачи движений и эмоций людей. Для героя же нормальные ощущения тела (*warme Füße, einen vollen Magen haben* ‘иметь теплые ноги, полный желудок’) после долгих лет страданий служили доказательством спокойной, нормальной жизни. Употребление частей тела, являющихся неотторжимой принадлежностью, в конструкциях отрицательного обладания имеет, как известно, метафорическое значение, например, *у него нет сердца, он безголовый*. В тексте же эта конструкция используется для того, чтобы передать истощенность измученных людей, у которых голод не оставил ни чувств, ни эмоций: *Wovor soll man sich schämen, wenn man keinen Körper mehr hat* ‘Чего стыдиться, если не имеешь тела’. Разделяя в объеме понятия *человек* такие его

составляющие как *тело* и *личность*, исследователи посессивности не имеют в виду их отдельное существование [1, с. 308], для героя же это было мечтой: *Ich wollte ohne meinen Körper existieren, und wenn das Gröbste vorbei ist, wieder in meinen Körper schlüpfen und im Watteanzug erscheinen*. (‘Я хотел бы существовать без моего тела, а когда самое тяжелое останется позади, снова нырнуть в свое тело и появиться в фуфайке’). Именно из-за тела он здесь, в лагере, потому что его привезли сюда для выполнения физической работы (прилагательное «физический» образовано в немецком языке от существительного «тело»): *Seinetwegen waren wir im Lager, für körperliche Arbeit* ‘Из-за него мы были в лагере, для физической работы’. *Diese Hülle gehörte den Russen* ‘Эта оболочка принадлежала русским’. Тело было причиной того, что он испытывал страдания: *Je weniger Körper man hatte, desto mehr war man durch ihn gestraft* ‘Чем меньше тела имеешь, тем больше оно тебя карает’.

В посессивных конструкциях романа встречается существительное *Glück* ‘счастье’, ‘удача’, но и это понятие связано с голодом. Повезло тому, кому досталась горбушка хлеба, которая весит столько же, но больше других кусков по размеру. В остальном же депортированные отучились мечтать и чего-то хотеть: *Im Lager wurde einem das Wünschen abgenommen…* ‘В лагере тебе отбивают все желания’. *…die Welt einem so abhandengekommen ist, dass sie einem gar nicht fehlt* ‘Лишаешься мира настолько, что он тебе уже не нужен’. Голод и сегодня выедает у каждого чувства персонажа середину: *Seit meiner Heimkehr hat jedes Gefühl an jedem Tag seinen eigenen Hunger …* ‘После моего возвращения у каждого чувства каждый день есть свой собственный голод’. Свою внутреннюю опустошенность герой так и не смог преодолеть в себе в течение оставшейся жизни.

Таким образом, средства посессивности актуальны в выстраивании всего идейно-художественного содержания, создании системы образов и формировании неповторимой ткани авторского текста. Это функционально реализуемое многообразие категории посессивности позволил раскрыть осуществленный в рамках данной статьи анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Журинская, М.А.* О выражении значения неотторжимости в русском языке / М.А. Журинская // Семантическое и формальное варьирование. – М. : Наука, 1979. – С. 295–347.
2. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко [и др.] / РАН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Наука, С.-Петерб. изд. фирма, 1996. – 228 с.

3. *Ченки, А.* Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления : сб. обзоров; под ред. А.А. Кибрика. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 340–368.
4. *Куралева, И.Р.* Категория посессивности как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дисс. … к.ф.н.: 10.02.01 / И.Р. Куравлева. – СПб., 2007. – 24 с.

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

Müller, H. Atemschaukel / H. Müller. – München : Hanser, 2009. – 302 S.

This paper investigates the role of possessive structures in the composition of idea contents and system of fiction images in the literary text. A special interest is caused by stylistically distinctive cases of broken rules when possessive structures are created, particularly the use of inalienable possessums in those “non-possessive” sentences.

Поступила в редакцию 13.03.12

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Ю.Н. Пахомова

АКТУАЛИЗАЦИЯ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается язык прессы периода перестройки и современных медиатекстов, посредством которого выражаются авторские интенции на лексическом, фразеологическом, семантическом и синтаксическом уровнях. Прослеживается трансформация языка русскоязычных СМИ в Беларуси на уровне общественно-политической, экономической, военной, научной, спортивной, технической, юридической, компьютерной, официально-деловой, религиозной, медицинской и бытовой лексики, уделяется внимание употреблению журналистами высокой и стилистически сниженной лексики. Отмечается контраст в оформлении авторских интенций в печатных СМИ периода перестройки – идеологически обусловленных, с использованием советизмов, а также в современных медиатекстах – стилистически разнообразных, основанных на диалоге журналиста и читателя.

Современные СМИ актуализируют функции воздействия на формирование языковой культуры общества, поскольку в публицистических текстах отражаются речевые трансформации, которые происходят в языке под влиянием социально-политических изменений. По мнению профессора В.И. Ивченкова, журналист выступает в качестве «проводника общественной коммуникации, интенсивным носителем языка, который стихийно выражает языковой вкус эпохи, а также формирует его» [1, с. 71]. Стратегии представления авторских интенций журналистами периода перестройки при моделировании картины мира жителя Беларуси имеют отличия от стратегий 2000 годов. Это связано с динамическими процессами в языке белорусской русскоязычной газеты, с интерференцией русского языка, сформированного на книжно-письменной традиции, и белорусского, основанного на разговорно-литературной традиции, в русскоязычных публицистических текстах, а также с семантической конденсацией, характерной для современного белорусского языка и оказывающей влияние на медиатексты русскоязычных белорусских СМИ.

Период перестройки характеризуется коренными социальными изменениями, которые наложили отпечаток на развитие русского языка. Для периода характерно пополнение словарного запаса за счет новых слов и актуализации пассивной лексики. Намерения авторов газетных статей 1980 годов особенно ярко раскрывались на лексическом уровне посредством таких выражений, как *достигать однозначных целей, удовлетворение нужд трудового народа, взять курс на…, рабочий класс, линия партии, святой ленинский завет, базис и надстройка* и др. Откровенные сообщения с конкретикой и четким изложением смыслового хода дискуссии, без сокрытия личностных эмоций считались нормой в публицистическом тексте. Как утверждает В.Г. Костомаров, «наблюдалась тенденция к снятию формальных ограничений в пользу семантических и коммуникативных удобств вплоть до активного выталкивания исключений» [2, с. 6].

В качестве безэквивалентной лексики в статьях встречались самые популярные слова 80-х гг. *перестройка* и *гласность*, не переводимые на другие языки и произносимые во всем мире по-русски. Также актуальными в период перестройки стали слова *самоуправление, самофинансирование, самоокупаемость, ресурсосберегающий, высокотехнологичный, природоохранный.* Отличительной чертой словарного состава языка газеты была контрастность понятий общественно-политической лексики: «у нас – идеологически близкое, нравственное, партийное, идейное; у них – идеологически чуждое, безнравственное, антипартийное, безыдейное» [3]. Политическая лексика газет характеризовалась употреблением слова *партиец* в качестве синонима понятиям *член партии, коммунист*, а также слова *спор* как синонима *дискуссии* и *обмену мнениями*. Новая политическая лексика была представлена словами *общеевропейский дом, поименное голосование, авторитаризм, инаугурация, либерализация, госструктура, десоветизация.* Обогащение словарного запаса языка прессы происходило за счет новых слов не только в сфере политики, но также в областях «экономики: *бартер, бизнес-центр, инвалюта, конвертация, ваучер*; медицины: *иглорефлексотерапия, иммунодефицит, антиспидовый*; религии: *исламизация, йоговизм, карма, чакра*; науки и техники: *файл, директория, диск, дискета, интерактивный, интернет, картридж, видеокассета*; быта: *йогурт, киви, гамбургер, кейс*» [Там же]. Характерным явлением было упоминание всех регалий человека, о котором шла речь в материале газетной статьи: *«Писателю Анатолию Степановичу Иванову, Герою Социалистического Труда, лауреату Государственных премий СССР и РСФСР, других литературных премий, секретарю правления СП СССР, главному редактору журнала "Молодая гвардия" – 60 лет…*» [4].

В прессе периода перестройки использовались фразеологизмы: *убрать завалы, искать развязки, прибавить в работе, нужны прорывы, усилить поиск, оздоровить общество, воспитывать словом и делом*, актуальность которых указывала на преодоление формализма и стремления к прямому, демократическому, откровенному обсуждению сложившегося положения, реальных дел и задач. В образовании фразеологизмов принимали участие преимущественно русские слова. «Освоенные иноязычные слова фразеология принимала как свои: *стратегия ускорения социального и экономического развития, нравственная закалка кадров, человеческий фактор»* [2, с. 7].

Авторы публицистических текстов выражали интенции посредством устаревшей лексики, которая употреблялась с целью эмоционального воздействия на потребителя информации. Являясь одним из ярких эмоционально-экспрессивных средств и подвергаясь семантическим преобразованиям, устаревшие слова помогали журналистам выразить свое отношение к фактам, событиям, дать оценку позитивным и негативным явлениям. С точки зрения С.А. Ржановой, «основной путь возрождения устаревших слов – это метафоризация» [5, с. 40]. Отличительной чертой языка публицистики периода перестройки являлась актуальность метафор военной, спортивной и технической лексики. Корреспонденты использовали устаревшую лексику,

пополнившуюся за счет того, что многие слова стали устаревшими после Октябрьской революции 1917 г., а также архаизмы с суженной семантической структурой вследствие приобретения ими иронического оттенка, например, слова: *благодетель, радетель, источать*. Несмотря на то, что такие слова, как *навет* и *попрание* наделялись отрицательной коннотацией, устаревшая лексика использовалась преимущественно для выражения признания, чувства восхищения, подчеркивания значения и величия описываемого, носила оттенок экспрессивности, оценочности и имела в словарях помету *высокое*. При употреблении высоких (книжных, традиционно-поэтических) устаревших слов в газетном тексте «будничного характера нарушается стилистическая заряженность, меняется эмоциональная оценочность: ложный пафос вызывает иронически отрицательную реакцию: *уста, перста, словеса»* [5, с. 44]

Реформирование жизни в Беларуси, а также увеличение количества международных контактов отразилось на развитии белорусской русскоязычной прессы. Возросло количество печатных СМИ, сменилось поколение журналистов, культура речи авторов статей приобрела новый оттенок в соответствии с особенностями развития русского и белорусского языков того периода, что повлекло за собой изменения в лексическом составе языка газеты. Трансформация языка прессы периода перестройки и усиление функциональной мобильности языковых единиц современного медиатекста происходили не в одночасье. Этот процесс, по утверждению А.Д. Швейцера, «развертывается как по вертикали (от социолектов к общему просторечию и к литературному языку), так и по горизонтали (от периферийных участков языковой системы к ее центру или общему ядру)» [6, с. 54]. Для выражения авторских интенций в газетных статьях конца XX – начала XXI в. актуальными стали функционально-стилистически ограниченные в советский период развития русского языка просторечные, разговорные, книжные, жаргонные слова, актуализировались медицинские, юридические, политические, экономические, технические, компьютерные, культурные термины и официально-деловая лексика. Несмотря на то, что в газетах, как и в 80-е гг., употребляется пассивный лексический запас языка, лексические историзмы, «выступающие в функции номинаций новых реалий современной жизни, – *губернатор, губерния, земство, гимназия, лицей, гувернер* и т.п., в основном используются для заполнения возникающих референциальных лакун» [7, с. 67].

Журналисты продолжают использовать высокую лексику для выражения своих интенций, употребляя при этом просторечия и жаргоны, которые представляют собой сниженный стилистический фон языка газетных статей. После распада Советского Союза популярность получили в первую очередь социальные жаргоны (молодежный сленг и уголовное арго) и жаргоны коммерсантов и военных. Употребление такого количества стилистически сниженной лексики было обусловлено социальными переменами, что повлекло изменения в функционировании языка, а также приобщением насе-

ления к публичной речи и активной общественной деятельности. «На рубеже XX и XXI веков демократизация языка достигла таких размеров, что правильнее назвать процесс либерализацией, а еще точнее – вульгаризацией» [8]. Начала создаваться новая для языка публицистики лексика, основанная на стилистическом смешении политической и экономической лексики, с одной стороны, и разговорной – с другой. При этом в медиатексте наблюдается взаимодействие начинающего изживать себя новояза и стилистически разнообразного обновляющегося языка прессы начала XXI века. Вследствие изменения условий функционирования белорусского и русского языков и их интерференции на рубеже веков стал актуальным вопрос языка как средства коммуникации.

В публицистических клише встречаются слова конфессиональной лексики, которые претерпели семантические трансформации и перешли в разряд биллетризмов: «*храм науки, алтарь победы, иконостас орденов, политическое евангелие, апостолы мировой революции*» [7, с. 71]. Слова данного вида лексики в газетных статьях начала XXI века перестали обладать идеологической основой, а также начали терять негативную окраску и приобретать нейтральную. После распада СССР и изменений в идеологической системе белорусского общества произошло раскрепощение всех сфер жизни, ослабление цензуры в СМИ. В связи с переориентировкой традиционных для советского времени морально-этических устоев расширилась частотность употребления лексики определенной тематической сферы.

Медиатекст 2000 годов представляет собой более раскованный и разнообразный по тематике, доверительный, освобожденный от жесткой официальности диалог автора и читателя, в отличие от текстов периода перестройки. Язык белорусской русскоязычной прессы XXI века характеризуется изменениями в лексике и фразеологии, интенсивностью языковых процессов, доминированием функциональных изменений над системными, количественных над качественными. Массовый потребитель информации начал открыто и непринужденно выражать свои запросы. Современный газетный текст, не насыщенный в такой степени клише, как в советский период, и обладающий яркой эмоциональной окраской за счет эффекта недосказанности, намека, аллюзии и смысловых игр, больше, чем раньше, соответствует стандартам публицистического стиля. Речь выступающих по радио и телевидению стала спонтанной, не подготовленной заранее. В случае подготовленной речи адресант чаще говорит, а не читает текст. Медиатекст сегодня, «освобожденный от ритуальной установки, обладает такими качествами, как ироничность, самоирония, скепсис и критичность в восприятии и сопоставлении информации, нетерпимость к категориальной оценочности, а также к способности отмечать эстетическое оформление высказывания» [1, с. 82]. Если для публицистического текста 80 гг. характерна обезличенность оформления информации, использование местоимения *мы* вместо *я*, а также безличных синтаксических конструкций *надо, необходимо, следует подчеркнуть, стоит отметить*, то авторы современ-

ных статей выражают открытую авторскую позицию, используя модальные конструкции, а также разговорные и просторечные выражения с целью сократить дистанцию по отношению к читателю. Как отмечает Г.Я. Солганик, «вместо официального, застегнутого на все пуговицы журналиста, говорящего от имени партии, явился автор, говорящий от своего имени, частный человек, автор-собеседник» [9, с. 4]. Журналисты оформляют заголовки, используя предикативные конструкции, а не номинативные, как в советское время, а сами статьи – в виде диалога, интервью, публикуют разные точки зрения по конкретным вопросам, выявляя таким образом плюрализм мнений. В то время как для публицистических текстов 80 гг. XX в. было характерно цитирование К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и приведение ссылок на их собрания сочинений, круг источников интертекстов, используемых в современных газетных статьях, практически не имеет ограничений.

Таким образом, язык русскоязычных изданий Беларуси периода перестройки и современной прессы представлены в виде двух взаимодействующих моделей. Первая модель – это публицистика на основе советизмов, идеологически обусловленного, насыщенного клише, оформления информации о событиях, а вторая – современные медиатексты, стилистически разнообразные, основанные на диалоге журналиста и читателя, характеризующиеся изменениями на разных уровнях языка как системы: на стилистическом уровне произошло смешение стилей, на семантическом – замена отрицательной коннотации на положительную, на лексическом – появление нового лексического окружения у слов, расширение (за счет метафоризации) или сужение семантики словесных знаков. Для второй модели языка прессы также характерны интерференция белорусского и русского языков и тенденция приближенности современного русского языка к разговорной традиции, мотивирующие продуцирование русскоязычных медиатекстов с элементами разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Іўчанкаў, В.І.* Медыярыторыка: рытарычныя асновы журналістыкі, лінгвістыка публіцыстычнага тэксту, дыскурсны аналіз сродкаў масавай інфармацыі : курс лекцый / В.І. Іўчанкаў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 280 с.

2. *Костомаров, В.Г.* Перестройка и русский язык / В.Г. Костомаров // Русская речь. – 1987. – № 6. – С. 4–9.

3. *Анохина, Т.Я.* Лекции по курсу «Русский язык и культура речи» для студентов всех специальностей МГТУ «МАМИ» / Т.Я. Анохина, Т.Н. Зайцева, Е.Г. Солуянова [Электронный ресурс]. – М., 2006. – Режим доступа : rusmami.narod.ru/russian/lecture.doc. – Дата доступа : 02.03.2012.

4. *Введенская, Л.А.* Русский язык и культура речи : учеб. пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева [Электронный ресурс]. – Ростов н/Д : Феникс, 2001. – Режим доступа : philology.by/uploads/logo/vvedenskaya.pdf. – Дата доступа : 02.03.2012.
5. *Ржанова, С.А.* Устаревшая лексика в современной газете / С.А. Ржанова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 1988. – №3. – С. 35–45.
6. *Швейцер, А.Д.* Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / А.Д. Швейцер. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 1993. – 293 с.
7. *Какорина, Е.В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости : На материале языка газет / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С.67–89.
8. *Симон, А.А.* «Больше демократии – больше социализма»: язык журнальной публицистики периода перестройки / А.А. Симон // Политическая лингвистика. – Выпуск (1) 21. [Электронный ресурс]. – Екатеринбург, 2007. – С. 46–49. – Режим доступа : http://www.philology.ru/linguistics2/simon-07.htm. – Дата доступа : 28. 12. 2011.
9. *Солганик, Г.Я.* Язык современных СМИ / Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 2004. – № 1. – С. 3–6.

The article focuses on the peculiarities of the development of publicist speech of two eras: restructuring time and the modernity. Two models of mediatexts are compared. The language transformation of political, economical, military, scientific, sports, technical, computer, official, religious, medical and domestic vocabularies in mass-media are discussed.

Поступила в редакцию 30.05.12

И.Г. Урбанович

БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СВЕТЕ АВТОРСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
(на материале художественных произведений Ф. Искандера)

Фразеологическая трансформация является одним из общеизвестных средств создания образности. В статье исследуются процессы авторской трансформации библеизмов в художественных текстах Ф. Искандера. Возникновение нестандартных библейских реминисценций в идиолекте сопровождается такими процессами, как «расщепление» фразеологизма, грамматическое варьирование, дополнительная семантизация, замена компонентов, обыгрывание фразеологизма (дефразеологизация), разрушение конструкции, эллипсис. Авторские библейские реминисценции служат созданию индивидуальной языковой стилистической системы писателя.

Фразеологизмы – языковые универсалии, обладающие глубокой информативностью. Пополнение фразеологического фонда языка происходит из различных источников, в том числе посредством переосмысления значения сочетаний слов и предложений из библейских текстов и сюжетов. *Биб-*

лейские фразеологические единицы (БФЕ) обладают рядом специфических черт, среди которых многие исследователи отмечают наличие сложноорганизованного ассоциативного поля. Библейские «ассоциативные поля способны иметь не только собственно библеизмы (непосредственно рожденные Библией), но и "околобиблейские" единицы (опосредованно, через произведения искусства, религию, фольклор пришедшие в язык). Возникая на определенном этапе, библейская ассоциация при дальнейшем повествовании может обозначаться вербально, т.е. одна библейская крылатая единица как бы продолжает другую, их поля создают общее тематическое поле и обеспечивают тем самым связанность текста на семантическом уровне» [1, с. 42–44].

Исследуя лингвистическую природу БФЕ, многие ученые дают различное определение самому термину *библеизм*. В частности, О.С. Ахманова рассматривает термин как «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [2, с. 66]. Ю.А. Гвоздарев считает библеизмом «выражение, состоящее из нескольких слов, регулярно воспроизводимое» и подчеркивает такое его свойство, как «детерминированность семантически и лексически библейским текстом» [3, с. 26].

Особый научный интерес представляет исследование проблемы функционирования в русском языке БФЕ, которые приобретают новые семантические оттенки, изменяют свою грамматическую форму, подвергаются дефразеологизации, получают развитие противоположных коннотативных значений – энантиосемии. Кроме того, трансформация может быть представлена компрессией БФЕ в одну лексему, концентрирующую в себе коннотативное, метафорическое значение образно-библейского оборота. Процесс семантико-грамматической трансформации фразеологизмов наиболее часто наблюдается в художественно-поэтическом тексте. М.А. Бакина дает следующее описание процесса трансформации фразеологических единиц в поэтических текстах:

1. Фразеологизмы, использующиеся как готовые экспрессивно-стилистические единицы:
   а) в стихотворном тексте с присущим им значением, в исходной форме;
   б) получающие усиление экспрессивно-стилистического звучания под влиянием контекста;
   в) изменяющие экспрессивно-стилистическую окрашенность под влиянием контекста;
   г) претерпевающие структурно-грамматические изменения в контексте стихотворения.
2. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц (ФЕ) в стихотворных произведениях:
   а) контекстуальное расширение границ фразеологизма;
   б) замена одного или двух компонентов фразеологизма общеязыковыми или контекстуальными синонимами;
   в) замена компонента фразеологизма, осложненная расширением его состава;

г) расширение лексико-синтаксической сочетаемости устойчивых сочетаний и фразеологически связанных слов;

д) замена компонента устойчивого сочетания, приводящая к изменениям в его значении.

3. Семантическое обыгрывание фразеологических единиц в тексте стихотворения:

а) буквальное употребление сочетаний, которые вне контекста осознаются как фразеологизмы;

б) столкновение в одном контексте фразеологически связанного и свободного сочетаний;

в) использование «осколков» фразеологизма в тексте стихотворения, т.е. введение в текст не всего фразеологизма, а лишь некоторых его компонентов [4, с. 194–260].

Нестандартное индивидуально-авторское применение БФЕ наиболее часто встречается в художественном идиолекте. Окказиональная актуализация фразеологизмов может быть вызвана рядом факторов: необходимостью интенсификации значения, переосмыслением оценочности и стилистической окраски, изменением (расщепление/наращение) грамматической структуры. «Способы окказиональной актуализации ФЕ в зависимости от характера “авторского вмешательства” можно представить следующим образом: 1) лексико-структурные модификации – лексические изменения компонентного состава ФЕ; 2) грамматические трансформации – нарушение морфологической формы компонента (-ов) ФЕ и/или порядка расположения компонентов; 3) синтаксические преобразования – изменения фразеологической дистрибуции (внешнего контекста)» [5, с. 46].

Анализ текстового материала художественных произведений Ф. Искандера выявил ряд отклонений от общеязыковых норм, в том числе и нарушение дистрибуции фразеологической единицы – использование БФЕ в несвойственном им контексте. Библейские реминисценции возникают в художественном тексте писателя посредством ряда приемов, среди которых выделены:

1. «Расщепление» фразеологизма, введение добавочного компонента, призванного конкретизировать факт, при сохранении структуры и общего значения.

Данный процесс наблюдается у следующих БФЕ, чьи узуальные эквиваленты даны в скобках: *на дурную свою голову* (*на свою голову*); *недоблудивший блудный сын* (*блудный сын*); *отделять плевелы от якобы зерен* (*отделять плевелы от зерен*); *сладость запретного плода* (*запретный плод*). Например, конкретизировать факт для передачи внутреннего состояния героя призван добавочный компонент *недоблудивший* при сохранении общей структуры БФЕ *блудный сын*, имеющей значение ‘чувство раскаяния, покаяния за прежние поступки и непослушание (Лука 29–30: «…этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся»)’ [6, с. 664]: *Притихший дядя Сандро сидел рядом с отцом, как* ***недоблудивший блудный сын****, загнанный*

обстоятельствами в родной дом и вынужденный пребывать в застольном смирении («Сандро из Чегема»).

2. Варьирование грамматических особенностей фразеологизма при замене одного из лексических компонентов.

Для гармоничного включения в контекст писателем подвергаются обновлению и варьированию грамматические особенности фразеологизмов, в результате чего возникают их авторские грамматические варианты. Нередко такие случаи происходят при замене одного из лексических компонентов, а также с «расщеплением» фразеологизма и введением добавочного компонента, призванного конкретизировать факт, при сохранении структуры и общего значения. Данное явление отмечается у БФЕ, чьи узуальные синонимы приведены в скобках: ***введенный*** *в обман* (*вводить в заблуждение*); *вводить**ся*** *в гиблые заблуждени**я*** (*вводить в заблуждени**е***). Например, БФЕ *вводить**ся*** *в гиблые заблуждения* ← *вводить в заблуждение*. Узуальное значение ‘создавать неправильное представление, дезориентировать кого-л. (Лука 21, 8) Библеизм’ [7, с. 230–231]: *Царь... постоянно* ***вводится в гиблые заблуждения*** *придворными интриганами* («Сандро из Чегема»).

3. Дополнительная семантизация.

Дополнительная семантизация наблюдается у БФЕ, авторское расширение смысла которых дано в скобках: *книга своей жизни* (в значении ‘проживать жизнь и делиться из нее впечатлениями’); *напрасный труд* (в названии организации). Например, наблюдается использование узуальной БФЕ *напрасный труд* ‘труд его будет напрасен, потому что Бог не дал ему мудрости и не уделил ему смысла’ (Иов. 39, 13–17) [8, с. 310] в названии организации: *Мужчина, по-моему, глухой из артели* «***Напрасный труд***» («Сандро из Чегема»).

4. Замена одного из лексических компонентов.

Замена компонентов, в результате которой образуются авторские реминисценции БФЕ, происходит у следующих единиц в идиолекте писателя: *незлопамятные времена* (*незапамятные времена*); *слепые духом* (*нищие духом*). Например, замена компонента с расширением значения происходит в БФЕ *незлопамятные времена*: *незапамятные* → *незлопамятные*. При этом узуальное значение ‘давно прошедшие’, связанное с библейским преданием о Великом потопе’ [7, с. 125], приобретает авторское толкование ‘добрые, не помнящие зла’: *...В те далекие,* ***незлопамятные времена*** *чудеса происходили чуть ли не каждый день* («Сандро из Чегема»).

5. Использование БФЕ для перенесения действия, присущего человеку, на животных.

Во фразеологическом творчестве Фазиля Искандера наблюдается и такой процесс семантизации, как использование БФЕ для перенесения действия, присущего человеку, на животных. К ним относится фразеологизм *в знак*, узуальное значение ‘в качестве свидетельства, доказательства, выражения чего-либо’ [9, с. 175], используется автором для передачи действия собаки: *С одушевленной человеческой осторожностью Дунай (собака) заглянул в обрыв, мотнул головой, скорее всего* ***в знак*** *неодобрения увиден-*

ного, и, повернувшись к обрыву спиной, брякнулся у моих ног («Стоянка человека»).

6. Обыгрывание фразеологизма – использование переносного значения в прямом.

Обыгрывание фразеологизма с использованием переносного значения в прямом, т.е. дефразеологизация, отмечается у БФЕ *божий дар*, узуальное значение которой ‘талант, дарование, врожденные способности’. Выражение переоформлено со слов *даръ от Бога.* Встречается в Библии (Еккл. 3, 9–13). Книжное *Библеизм* [10. Т. 1, с. 175] в контексте используется в значении «подарки»: *Нередко по дороге попадались ребятишки, и тогда им из машины бросали конфеты и печенье. Дети кидались собирать* ***божий дар*** («Сандро из Чегема»).

7. Полное разрушение грамматической конструкции фразеологизма и использование его отдельного лексического компонента в изолированном виде, а также последующее расширение состава.

Выделен случай полного разрушения грамматической структуры фразеологизма и использование его отдельных лексических компонентов в изолированном виде. Такое явление наблюдается у БФЕ *внести лепту → лепта*, имеющей узуальное значение ‘внести в общее дело свой вклад, сравнительно невеликий, но заключающий в себе все, что имеет человек’. *Лепта* – мелкая медная монета. Изначально – о бедной вдове, положившей 2 лепты в сокровищницу (Лука 21, 1–4). Библеизм [9, с. 73]: *Старожилы своими взглядами и кивками в сторону летчиков как бы напоминали им, что они, эти летчики, личная* ***лепта*** *нашего города в общей победе над немцами и что поэтому им, летчикам, не стоит слишком затериваться в толпе пленных* («Богатый Портной и хиромант»).

8. Эллипсис и варьирование грамматических особенностей одного из компонентов/эллипсис и усечение лексического состава БФЕ.

Эллипсис, в некоторых случаях сопровождаемый варьированием грамматических особенностей одного из компонентов, а также «расщеплением» фразеологизма и введением добавочного компонента, наблюдается у следующих БФЕ: *камушек в огород* (*бросать камушек в огород*); *устами младенца* (*устами младенца глаголет истина*). Например, БФЕ *устами младенца глаголет истина → устами младенца* (Пс. 8:3). «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» [8, с. 443]: *– Ха! Ха! Ха! Держите меня! – расхохотался дьявол. – Устами младенца – сам знаешь, что!* («Сон о боге и дьяволе»)

Таким образом, создание библейских реминисценций в художественном тексте Ф. Искандера приводит к появлению новых символических значений. Индивидуально-авторская трансформация сопровождается такими процессами, как «расщепление» фразеологизма, грамматическое варьирование, дополнительная семантизация, замена компонентов БФЕ, использование переносного значения, разрушение конструкции и использование отдельной

лексемы, эллипсис. Данные образования становятся источником экспрессивно-стилистической выразительности и служат реализации определенных идейно-художественных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева, С.Л.* Ассоциативное поле библейской крылатой единицы / С.Л. Андреева // Фразеология и религия : тез. рефератов Междунар. науч. симпозиума / под ред. М. Левицкого. – Ополе, 1996.
2. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 607 с.
3. *Гвоздарев, Ю.А.* Библеизмы в русской фразеологии (к истории освоения) / Ю.А. Гвоздарев // Эволюция лексико-фразеолог. и граммат. строя рус. языка : межвуз. сб. науч. работ. – Магнитогорск, 1994. – С. 26–34.
4. *Некрасова, Е.А.* Языковые процессы в современной русской поэзии / Е.А. Некрасова, М.А. Бакина. – М. : Наука, 1982. – 312 с.
5. *Елисеева, О.В.* Семантико-прагматическая эволюция фразеологических единиц в прозаическом дискурсе / О.В. Елисеева // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвертые Жуковские чтения) : материалы Междунар. науч. симпозиума, 4–6 мая 2009 г. / НовГУ им. Ярослава Мудрого ; отв. ред. В.И. Макаров. – Великий Новгород, 2009. – С. 45–47.
6. *Огольцев, В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В.М. Огольцев. – М., 2001. – 797 с.
7. *Бирих, А.К.* Русская фразеология : историко-этимол. словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – 926 с.
8. Словарь библейских крылатых слов и выражений / сост. Г.А. Иоффе. – СПб. : Петербург–XXI век, 2000. – 478 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова [и др.] ; под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / Ин-т филологии ; сост. А.И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1995. – Т. 1 : А-М. – 391 с ; – Т. 2 : Н-Я. – 395 с.

Phraseological transformation is one of the means of creating imagery in Iskander's idiolect.

The article deals with the following processes of biblicism transformation: «splitting» of the idiom, grammatical variation, additional semantization, component substitution, use of the idiom to create a certain effect (de-phraseologization), structural breakup, and ellipsis.

Поступила в редакцию 22.03.12

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

С.Ю. Кравченко

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

В данной работе предложен лексико-грамматический классификатор свойств японского языка, предназначенный для описания содержания текстов на соответствующем уровне. Классификатор содержит 151 лексико-грамматический код для описания свойств минимальных лексических единиц предложений японского текста. Предложенный классификатор обладает большой гибкостью – при необходимости его можно легко адаптировать к тем лингвистическим особенностям текста, которые представляют наибольший интерес для исследователей. Его можно рассматривать как простой и последовательный подход к формализации свойств морфологического и лексико-грамматического уровней системы японского языка в рамках задачи создания лингвистической базы знаний системы автоматического анализа текстов японского языка.

В настоящее время существует большое количество программных продуктов, использующих автоматическую переработку текстов на естественных языках для решения разнообразных научно-исследовательских задач – информационного поиска, машинного перевода, инженерии знаний, автоматической аннотации и реферирования текстов и т. д. Лингвистическим ядром таких систем является так называемый лингвистический процессор (ЛП) – интеллектуальная информационная система, основанная на базе знаний, ключевой составляющей которой выступают знания о естественном языке (ЕЯ), формализованные в так называемой лингвистической базе знаний (ЛБЗ) в виде словарей и правил и обеспечивающие многоаспектный анализ, а также разнообразные преобразования текстового материала [1]. При этом функциональность самого ЛП можно условно разделить на д в а у р о в н я – *базовая функциональность* (лингвистический анализ текста – переход к формализованному представлению его содержания) и *функциональная надстройка* (решение конкретных лингвистических задач на основании работы базовой части ЛП для обеспечения функциональности программного продукта). Для обозначения базовой функциональности ЛП в работах, посвященных проблеме автоматической переработки ЕЯ, зачастую применяется понятие базового ЛП (БЛП) [2 ; 3 ; 4]. Как показывает анализ приведенных работ, в рамках БЛП обычно выделяют с л е д у ю щ и е у р о в н и представления содержания текстов (в порядке от более низкого к более высокому) – *графемный,* или лексический, *лексико-грамматический*, *синтаксический* и *семантико-синтаксический*. При этом каждый уровень характеризуется наличием специальной системы формализмов, предназначенной для описания соответствующих лингвистических объектов и явлений в рамках ЛБЗ – так называемого классификатора свойств языка [2]. Соответственно принято выделять лексико-грамматический классификатор, синтаксический классификатор и семантико-синтаксический классификатор. Выбор системы

формализмов для каждого вида классификаторов обусловлен целями применения БЛП, особенностями обрабатываемого ЕЯ, а также теоретическими предпосылками моделирования языковой системы.

В данной работе особое внимание уделяется возможности разработки л е к с и к о - г р а м м а т и ч е с к о г о классификатора для представления содержания текстов, поскольку, как правило, именно этот элемент системы языка является определяющим компонентом в ЛБЗ большинства БЛП.

Что касается лексико-грамматических классификаторов свойств японского языка, то можно назвать некоторые наиболее известные разработки в данной области [5 ; 6 ; 7 ; 8]. Хотя проведенные исследования и можно считать успешными (многие из них были апробированы на практике и реализованы в рамках некоторых ЛП японского языка), следует отметить, что приоритет в них отдается подробному и исчерпывающему описанию лексико-грамматического уровня системы японского языка, зачастую в ущерб практическому применению создаваемой модели.

В свете данной тенденции определенный интерес представляет разработка классификатора свойств японского языка с учетом возможности его практического применения в рамках ЛБЗ уже существующего многоязычного БЛП, что подразумевает его использование при создании таких компонентов ЛБЗ как базовый корпус текстов, базовый словарь и лингвистические правила анализа текста. Также очевидно, что с одной стороны, классификатор свойств языка определяет описательную силу предложенной языковой модели, а с другой – трудоемкость разработки и возможности по использованию основных компонентов ЛБЗ. Следовательно, нахождение золотой середины между этими двумя полюсами также представляется важным условием разработки практического классификатора свойств японского языка.

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие требования к классификатору любого уровня системы естественного языка в рамках БЛП:

– описание основных уровней языковой системы с целью представления содержания текста на каждом из уровней;
– возможность представления содержания текста одновременно на нескольких уровнях;
– описание системы языка не в ущерб практическому применению выбранной модели;
– обеспечение возможности эффективной ручной разработки основных компонентов ЛБЗ для БЛП.

Как отмечается в работе А.У. Чеусова, разработка лексико-грамматического классификатора свойств языка подразумевает определение понятия, типов и границ минимальных единиц соответствующего уровня представления текста – минимальных лексических единиц (МЛЕ) [2]. Очевидно, что решение данной задачи должно полагаться на реальные знания о системе анализируемого языка, а изучение японского языка как объекта моделиро-

вания в рамках БЛП представляется довольно обширным исследованием. В нашей работе описаны некоторые наиболее релевантные для данной задачи особенности японского языка, которые можно использовать в качестве отправной точки [9].

Далее там же отмечается, что проблема определения границ и классов МЛЕ в японском языке разрабатывается довольно давно и при этом до сих пор не лишена противоречий [9]. С другой стороны, определение границ и типов морфем, хотя и не лишено неоднозначности, описывается задачей более тривиальной, чем выделение границ и типов слов [8]. Ярко выраженный агглютинативный характер японского языка [9] позволяет рассматривать морфемы в качестве минимальных и основных единиц лексико-грамматического уровня представления текста.

Другой важной для разработки БЛП причиной выбора «морфемного» подхода является возможность организации более гибкой ЛБЗ по сравнению со «словарным» подходом, а именно представляется возможность описать большое количество слов и словоформ (в том числе, неологизмов, в письменном языке научно-технического стиля) базовым словарем небольшого размера, состоящим исключительно из морфем.

Что касается определения классов МЛЕ, то, если деление слов на крупные подклассы, как правило, не вызывает разногласий – японские и зарубежные исследователи выделяют такие классы, как имя существительное, глагол, имя прилагательное, наречие, имя числительное, местоимение, междометие и союз – противоречия обнаруживаются при выделении таких подклассов, как вспомогательные или модальные глаголы, неизменяемые прилагательные, частицы, префиксы, постфиксы, послелоги, подчинительные союзы и др. Морфемный подход позволяет избежать неоднозначности, связанной с классификацией слов. Как отмечено выше, морфемы в японском языке можно разделить на два класса – корни и аффиксы, которые, в свою очередь, могут делиться на подклассы [9]. Данный принцип классификации морфем лег в основу предложенного в данной работе лексико-грамматического классификатора. Чтобы обеспечить возможность применения классификатора для описания содержания широкого спектра текстов, был введен такой класс МЛЕ, как служебные слова (знаки препинания, формулы, графические символы, эмотиконы и др.).

Для условного обозначения лексико-грамматических характеристик (классов и подклассов), выражаемых морфемами, по аналогии со схожими исследованиями используются специальные маркеры (лексико-грамматические коды – ЛГК), записываемые в виде короткой последовательности заглавных латинских букв (например, NN, VB, RB и др.).

Все корневые морфемы, в соответствии с традиционной классификацией, можно условно разделить на:

- корни существительных:

слова японского языка обычно записываемые при помощи кандзи или хирагана (код NN) – *先生* (СЭНСЭЙ ‘учитель’), *大学* (ДАЙГАКУ ‘университет’), *教室* (КЁ:СИЦУ ‘аудитория’) и т.д.;

слова, заимствованные из других языков, которые обычно записываются при помощи катакана, ромадзи или с использованием любого неяпонского письма (код FW) – *テーブル* (ТЭ:БУРУ ‘стол’), *プリンター* (ПУРИНТА ‘принтер’), *table* ‘стол’, *printer* ‘принтер’ и т.д.;

любые имена собственные, сокращения или условные обозначения (код NP) – *山本* ‘Ямамото’, *ベラルーシ* ‘Беларусь’, *Manchester* ‘Манчестер’, *DVD*, *LCD* и т. д.;

- корни прилагательных:

корни предикативных прилагательных (код JJI), т.е. корни прилагательных, которые в начальной форме присоединяют суффикс *い* (и) и имеют соответствующую форму спряжения, а также форму прошедшего времени – *面白 [い]* (ОМОСИРО [Й] ‘интересный’), *楽し [い]* (ТАНОСИ [Й] ‘веселый’) и др.;

корни полупредикативных прилагательных (код JJN), т.е. корни прилагательных, которые в начальной форме не имеют суффикса, но присоединяют суффиксы *な* или *の*, когда используются в атрибутивной роли – *便利* (БЭНРИ ‘удобный’), *静か* (СИЗУКА ‘тихий’) и др.;

корни непредикативных прилагательных (код PRA), т.е. корни неизменяемых прилагательных, или короткие формы предикативных прилагательных – *いわゆる* (ИВАЮРУ ‘так называемый’), *ある* (АРУ ‘некоторый’), *高* (КО ‘высокий’), *低* (ТЭЙ ‘низкий’) и др.;

- корни наречий (код RB):

такие слова, как *ゆっくり* (ЮККУРИ ‘медленно’), *時々* (ТОКИДОКИ ‘время от времени, иногда’), *更に* (САРАНИ ‘к тому же’), *再び* (ФУТАТАБИ ‘снова’) и др.;

- корни местоимений:

местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица (коды PP1, PP2, PP3 соответственно) – *私* (ВАТАСИ ‘я’), *俺* (ОРЭ ‘я’), *僕* (БОКУ ‘я’), *貴方* (АНАТА ‘ты, вы’), *彼* (КАРЭ ‘он’), *彼女* (КАНОДЗЁ ‘она’) и др.;

указательные местоимения (коды PS, PD), т. е. субстантивные местоимения, а также местоимения места и направления – *これ* (КОРЭ, ‘это’), *それ* (СОРЭ ‘то’), *ここ* (КОКО ‘здесь’), *そこ* (СОКО ‘там’), *こっち* (КОТТИ ‘сюда’), *そっち* (СОТТИ ‘туда’) и др.;

вопросительные местоимения (код PQ) – *何* (НАНИ, ‘что’), *誰* (ДАРЭ ‘кто’), *何故* (НАЗЭ ‘почему’), *どの* (ДОНО ‘какой’), *どこ* (ДОКО ‘где’), *どっち* (ДОТТИ ‘который, куда’) и др.;

определительные местоимения (код PDT) – *この* (КОНО ‘этот’), *その* (СОНО ‘тот’), *あの* (АНО ‘тот’) и др.;

возвратные местоимения (код PREF) – *自身* (ДЗИСИН ‘сам’ одушевленный), *自分* (ДЗИБУН ‘сам, свой’), *本体* (ХОНТАЙ ‘сам’ неодушевленный’) и др.;

- корни глаголов:

корни глаголов 1-й формы спряжения (глаголы, которые в начальной форме имеют окончания *-бу, -гу, -ку, -му, -ну, -ру, -су, -цу, -у*), которые в начальной форме присоединяют суффиксы *ぶ, ぐ, く, む, ぬ, る, す, つ, う* (коды VB1B, VB1G, VB1K, VB1M, VB1N, VB1R, VB1S, VB1T, VB1W соответственно) – *行 [く]* (И [КУ] ‘идти’), *話 [す]* (ХАНА [СУ] ‘разговаривать’) и др.;

корни глаголов 2-й формы спряжения (глаголы, корни которых оканчиваются на *-и*, *-э* и которые в начальной форме имеют окончания *-ру*) (код VB2) – *食べ[る]* (ТАБЭ [РУ] ‘есть’), *見[る]* (МИ [РУ] ‘видеть’) и др.;

корни глаголов особой формы спряжения (коды VBS, VBK) – *す[る]* (СУ [РУ] ‘делать’), *来[る]* (КУ [РУ] ‘приходить’);

корни глаголов «наличия» или «обладания», которые часто используются как вспомогательные (коды VBA, VBO, VBI, VBDE) – *あ[る]* (А [РУ] ‘быть, иметь’), *お[る]* (О [РУ] ‘быть, иметь’), *い[る]* (И [РУ] ‘быть, иметь’), *であ[る]* (ДЭА [РУ] ‘быть’);

корень вспомогательного глагола *ま [す]* (МА [СУ]) (код VBMA), который используется в вежливой устной речи;

- междометия (код UH):

например, *ありがとう* (АРИГАТО ‘спасибо’), *さよなら* (САЁНАРА ‘прощай’) и др.;

- союзы:

сочинительные и подчинительные союзы (коды CC, CS соответственно) – *又は* (МАТАВА ‘и/или’), *および* (ОЁБИ ‘и’);

- связки (код LNK):

такие морфемы, как *っ* или *ッ*;

- слова-субстантиваторы (код SUBST):

こと (КОТО), *の* (НО), *もの* (МОНО) и др.;

- числительные (код CD):

слова, записанные как иероглифами, так и цифрами (арабскими или римскими) – *三* (САН ‘три’), *三つ* (МИЦУ ‘три’), XVI, 3.14 и др.

Аффиксальные морфемы представлены наиболее многочисленной группой ЛГК. В принципе, аффиксальные морфемы можно поделить на те же категории, что и корневые морфемы (например, аффиксальные морфемы корней существительных, аффиксальные морфемы корней глаголов и т.д.). Тем не менее, более эффективным подходом представляется классификация аффиксальных морфем, которая учитывает также их функциональные характеристики, независимо от корней, с которыми они употребляются. Таким образом, можно предложить следующие подклассы:

✓ суффиксы форм и спряжений глаголов и прилагательных:

все суффиксы глагольных основ, которые являются частью спряжения японских глаголов (коды SV1BA, SV1BI, SV1GA, SV1GI, SV2U, SV2E, SV3U, SV3E и др.);

залоговые суффиксы (коды SPRA, SPRE, SPSA, SPSE) – например, в глаголе *食べられる* (ТАБЭРАРЭРУ ‘быть съеденным’) присутствуют суффиксы *ら* (SPRA) и *れ* (SPRE), или в глаголе *食べさせる* (ТАБЭСАСЭРУ ‘заставить съесть’) – *さ* (SPSA) и *せ* (SPSE);

суффиксы временных и деепричастных форм (коды SPTE и SPTA) – например, в глаголе *食べた* (ТАБЭТА ‘съел’), *た* (SPTA) – суффикс прошедшего времени;

суффиксы спряжения прилагательных (коды SPI, SPKU), как например, суффикс *い* (*и*) в *面白い* (ОМОСИРОЙ ‘интересный’);

суффиксы отрицательных форм (код SPNEG) – например, в слове *面白くない* (ОМОСИРОКУНАЙ ‘неинтересный’), которое состоит из *面白* (ОМОСИРО, корень прилагательного JJI), *く* (*ку*, суффикс спряжения SPKU), *な* (*на*, отрицательный суффикс SPNEG) и *い* (*и*, суффикс спряжения SPI);

модальные суффиксы (коды SPM, SPMTA, SPMIMP), как, например, *そう* (СО:) в *面白そう* (ОМОСИРОСО ‘казаться интересным’); *た* (ТА) в *食べたい* (ТАБЭТАЙ ‘хотеть съесть’); *ろう* (РО:) в *食べろう* (ТАБЭРО ‘ешь!’);

✓ словообразующие суффиксы:

суффиксы, которые, присоединяясь к корневым морфемам, образуют новые слова (коды SJJ, SRB, SNNBI, SNNGI, SNNKI, SNNNI, SNNMI, SNNRI, SNNSI, SNNTI, SNNWI, SNNJJ). Так, например, суффикс *し* (СИ, код SNNSI), присоединяясь к корню глагола *話 [す]* (ХАНА [СУ] ‘разговаривать’), образует слово *話し* (ХАНАСИ ‘беседа’). Другим наглядным примером словообразующих суффиксов может служить наречие *運命的に* (УНМЭЙТЭКИНИ ‘судьбоносно’), которое состоит из корня существительного *運命* (УНМЭЙ ‘судьба’), словообразующего суффикса *的* (ТЭКИ),в результате присоединения которого образуется прилагательное *運命的* (УНМЭЙТЭКИ ‘судьбоносный’), и еще одного словообразующего суффикса *に* (НИ), в результате присоединения которого образуется собственно наречие *運命的に*;

✓ семантические аффиксы:

семантические префиксы (код PRD), такие, как *不* (ФУ ‘не-‘), *未* (МИ ‘не-‘), *半* (ХАН ‘полу-‘);

семантические постфиксы (код POC), такие, как *化* (КА) в слове *アクチブ化* (АКУТИБУКА ‘активизация’), или *性* (СЭЙ) в слове *危険性* (КИКЭНСЭЙ ‘опасность’);

суффиксы множественного числа (код POPL), например, суффикс *達* (ТАТИ) в слове *先生達* (СЭНСЭЙТАТИ ‘учителя’);

префиксы вежливости (код PRHO), такие как *お* (О) или *ご* (ГО) которые наиболее часто употребляется в устной речи;

звательные постфиксы (код POPE), такие как, например *さん* (САН), *君* (КУН), *ちゃん* (ТЯН), которые присоединяются к существительным для обозначения одушевленности и социальной принадлежности;

✓ аффиксы числительных:

морфемы для обозначения счетных или порядковых числительных (коды PRNUM и PONUM), такие, как например, *第* (ДАЙ, код PRNUM) или *目* (МЭ, код PONUM) в словах *第二番* (ДАЙНИБАН ‘второй’) или *二番目* (НИБАММЭ ‘второй’), а также счетные суффиксы и общепринятые единицы измерения (код NNUM), как *本* (ХОН, суффикс для счета цилиндрических предметов) в *三本* (САНБОН ‘три штуки’) илиm^2 в *10* m^2;

✓ показатели падежей:

11 подклассов морфем (коды CHA, CGA, CNO, CNI, CHE, CWO, CDE, CKARA, CTO, CYORI, CMADE), каждый из которых соответствует падежу японского языка (именительный тематический, именительный рематический, родительный, дательный, направительный, винительный, творительный, исходный, совместный, исходно-сравнительный и предельный);

✓ именные послелоги (код POPR):

морфемы, зачастую совпадающие по написанию с некоторыми корнями существительных, но использующиеся в роли обстоятельственных показателей – *時* (ТОКИ время *сущ*. или ‘во время чего-л.’ *им. послелог*), *為* (ТАМЭ ‘причина’ *сущ.* или ‘по причине чего-л.’ *им. послелог*), *結果* (КЭККА, ‘результат’ (сущ.) или ‘в результате чего-л.’ *им. послелог*);

✓ частицы:

морфемы, обозначаемые кодами PRTMO (для частицы *も* (МО, которая часто является индикатором общего – бессуффиксального – падежа), PRKTA (для частицы *か* (КА, которая используется при образовании неопределенных местоимений и вопросительных предложений), и PRT (для всех остальных частиц).

Служебные МЛЕ включают знаки препинания – восклицательный знак, запятая, точка, многоточие, вопросительный знак, открывающая круглая скоба, закрывающая круглая скобка, прямая и косая открывающие квадратные скобки, прямая и косая закрывающие квадратные скобки, прямая и косая открывающие кавычки, закрывающие кавычки, тире, двоеточие, точка с запятой (коды PME, PMC, PMFS, PMEL, PMQ, BRO, BRC, BSO, BSC, QO, QC, DA, PMCOL, PMSCOL соответственно), части математических формули другие специальные обозначения (код FO).

Несмотря на то, что предлагаемый классификатор не оперирует таким понятием, как *слово* (что, по сути, делает его морфологическим классификатором), в рамках предлагаемого подхода данное понятие может быть формально определено как корневая морфема со всеми относящимися к ней аффиксами (например, *食べ_VB2 ら_SPRA れ_SPREる_SV3U*, *先生_NN 達_POPL*, *面白_JJI か_SPKU った_SPTA* и т.д.).

К производным от *слова* единицам анализа на лексико-грамматическом уровне можно отнести такие понятия, как *сложное существительное* (последовательность корней существительных – *東京工業大学* ТО:КЁ: КО:ГЁ: ДАЙГАКУ ‘токийский технологический институт’), *сложный глагол* (глаголы, образованные путем сложения двух корней глаголов – *読み出す* (ЁМИДАСУ ‘считывать’), или корня существительного и корня глагола СУРУ – *変化する* ХЭНКА СУРУ ‘изменяться’), *сложное прилагательное* (прилагательное, образованное путем сложения корня глагола и прилагательного – *読みやすい* (ЁМИЯСУИ, ‘легкочитаемый’) и другие сложные слова, образованные путем сложения корней и аффиксов по правилам японского словообразования.

В качестве примера использования лексико-грамматического классификатора для описания содержания текста можно привести разбор простого японского предложения – *キツネは多産で、ふつう４ー６頭、多い時には 13 頭もの子を産む。* ‘Лисы – многодетны, обычно они рожают 4–6, а в случаях большого потомства – 13 детенышей’. После выделения границ МЛЕ и определения их лексико-грамматических характеристик, данное предложение можно записать следующим образом:

キツネ_NN は_CHA 多産_JJN で_VBDE 、_PMC ふつう_RB ４_CD ー_DA ６_CD 頭_NNUM 、_PMC 多_JJI い_SPI 時_NN に_CNI は_CHA 13_CD 頭_NNUM も_PRTMO の_CNO 子_NN を_CWO 産_VB1M む_SV1MU 。_PMFS,

где границы между МЛЕ обозначены символом « » (пробел), а ЛГК каждой МЛЕ отделен символом «_» (подчеркивание).

В конечном виде лексико-грамматический классификатор включает 151 ЛГК для обозначения классов МЛЕ, из которых, 38 кодов используются для описания корневых морфем, 98 кодов – для суффиксальных морфем, и 15 кодов – для служебных МЛЕ.

Представленный классификатор был апробирован при разработке ЛБЗ для БЛП японского языка экспертной системы Goldfire. Успешное применение классификатора для такой трудоемкой задачи, как разработка основных компонентов ЛБЗ (базового словаря, базового корпуса текстов, а также лингвистических правил анализа текстов) позволяет говорить о решении поставленной задачи по разработке «практического» классификатора свойств слов японского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Совпель, И.В.* Система автоматического извлечения знаний из текста и ее приложения / И. В. Совпель // Искусственный интеллект. – 2004. – № 3. – С. 668–679.

2. *Чеусов, А.В.* Разработка лингвистических процессоров промышленной обработки текстовых документов / А.В. Чеусов // Искусственный интеллект. – 2006. – № 4. – С. 635–639.
3. *Поцепня, В.Н.* Система автоматического разрешения местоименной анафоры для текстов на английском языке / В.Н. Поцепня // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2009. – № 1 (38). – С. 164–175.
4. *Воронцов, А.В.* Лингвистический процессор: его архитектура и особенности функционирования / А.В Воронцов // Информационные системы и технологии (IST'2006) : материалы III Междунар. конф., Минск, 1–3 нояб. 2006 г. : в 2 ч. / под ред. А.Н. Курбацкого [и др.]. – Минск : Акад. управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. – Ч. 2. – С. 27–33.
5. *Kurohashi, S.* Building a Japanese Parsed Corpus / S. Kurohashi, M. Nagao. – Abeille, 2003. – P. 249–260.
6. *Kawata, Y.* Stylebook for the Japanese Treebank in VERBMOBIL / Y. Kawata, J. Bartels. – Verbmobil-Report, 2000. – № 240. – P. 79–84.
7. *Asahara, M.* IPADIC version 2.7.0 User's Manual / M. Asahara, Y. Matsumoto ; Computational Ling. Laboratory, Graduate School of Inform. Science, Nara Inst. of Science and Technology : Nov. 2003. – P. 8–64.
8. *Yasuhiro, K.* Tagsets for Morphosyntactic Corpus Annotation: the idea of a 'reference tagset' for Japanese : Doctorial Diss. / K. Yasuhiro. – Univ. of Essex, 2005. – 270 p.
9. *Кравченко, С.Ю.* Особенности японского языка как объекта моделирования с целью автоматического анализа текста / С.Ю. Кравченко // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2012. – № 2. – С. 140–147.

The article describes a morphological approach for a simple and "practical" part-of-speech tagset for Japanese language. At first, the requirements for a "practical" tagset are defined, then the basic description of each tag category is given to let better understand the principles and the advantages of the proposed approach. The purpose of a simplified approach is to allow it to be easily used for creation of a linguistic knowledge base for any Japanese language processing system.

Поступила в редакцию 25.05.12

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Н.Я. Анапрэенка

МІФАЛАГІЧНЫ КАМПАНЕНТ У ТВОРЧАСЦІ Б. ЛЕСЬМЯНА І М. БАГДАНОВІЧА

Артыкул прысвечаны разгляду творчасці польскага паэта Б. Лесьмяна і беларускага паэта М. Багдановіча ў кантэксце славянскіх літаратурных сувязей пачатку XX ст., у перыяд узмацнення інтэграцыйных працэсаў, якія засведчылі тыпалагічную сувязь сусветных літаратур, іх плённы шматгранны ўзаемаўплыў. Праводзіцца аналіз светапоглядных і эстэтычных пошукаў абодвух мастакоў слова, якія абумовілі непасрэдны зварот да глыбінных пластоў міфалагічных першаэлементаў. Рысы індывідуальнага стылю кожнага з паэтаў раскрыты не толькі ў сувязі з літаратурнымі традыцыямі, але і з улікам іх творчага метаду і эвалюцыі поглядаў: вызначаны спецыфіка аўтарскага “я”, сродкі аўтарскай рэфлексіі і паэтызацыі з’яў навакольнай рэчаіснасці, а таксама тыпалагічныя паралелі ў інтэрпрэтацыі адзначаных матываў, функцыянаванні вобразаў-сімвалаў, якія маюць міфалагічнае паходжанне.

Творчае станаўленне польскага паэта Б. Лесьмяна (1878−1937) і беларускага паэта Максіма Багдановіча (1891–1917) супала з працэсам ломкі традыцыйных мастацкіх прынцыпаў у культуры пачатку XX ст. і ўзмацненнем мадэрнісцкіх кірункаў. Унікальнай эстэтычнай з'явай тагачаснага літаратурнага працэсу быў зварот да міфалагічнай традыцыі, абумоўлены сцвярджэннем нерэалістычных канцэпцый і духоўнымі пошукамі прадстаўнікоў новага мастацтва. Знакам часу сталі незалежнасць ад паўсядзённасці і прыярытэт індывідуальнага над грамадскім, вызначэнне новай – суб'ектыўнай – пазнавальнай арыентацыі. “Неаміфалагічная” культура, выкарыстоўваючы сімвалізм міфа, імкнецца зразумець сакральную сутнасць з’яў прыроды, пранікнуць у звышрэальны свет, у тайны космасу. Міфалагічны культуратваральны патэнцыял выкарыстоўваецца ў самых шырокіх сферах, а спецыфічным аспектам дзейнасці пісьменнікаў-мадэрністаў з’яўляецца міфатворчасць як светаадчуванне і як мастацкі прыём.

Адзінства гісторыка-літаратурнай і культурнай прасторы – немалаважны фактар у параўнальным даследаванні паэтычнай спадчыны Б. Лесьмяна і М. Багдановіча. У мастацкім свеце абодвух творцаў значнае месца належыць міфалагічнаму кампаненту. Цікавасць да культурных першакрыніц, эпасу старажытных народаў спрыяла засваенню ўніверсальных архетыпаў і міфалагем, што знайшло непасрэднае ўвасабленне ў творчасці польскага і беларускага паэтаў. У іх паэзіі атрымліваюць эстэтычна-філасофскае тлумачэнне “адвечныя” пытанні: паходжанне сусвету, суадносіны чалавека (як эфемернай істоты) са светабудовай (як нязменнай катэгорыяй). Гэта актуалізоўвала ўвагу да вечнага і часовага, пытанняў жыцця і смерці, ідэалаў і рэальнасці, што надае іх творам глыбокі сэнс.

Прыкметы міфалагічнага пачатку ў творчасці Б. Лесьмяна і М. Багдановіча праступаюць у выглядзе матываў, тэм і вобразаў, што ўзыходзяць да міфалогіі розных народаў свету. Зварот абодвух майстроў слова да архетыпаў

і імкненне да ўласнай міфатворчасці ў пэўнай ступені абумоўлены эстэтычнай праграмай сімвалізму, якая аказала дастаткова моцны ўплыў на творчае развіццё абодвух паэтаў. Міфалагічныя і казачныя элементы, успрынятыя пад уздзеяннем сімвалісцкай плыні, маюць у паэзіі Б. Лесьмяна і М. Багдановіча істотнае значэнне, выконваючы ролю злучнага звяна паміж быццём і нябытам, светам існуючым і светам выдуманым, рэальнасцю і сном.

Паэтычны свет Б. Лесьмяна "заселены" вобразамі як непасрэдна ўзятымі з міфалагічнага космасу (Васіліса Прамудрая, Пуруравa і Урвашы, русалка, палудніца, дусёлак, змей, чарцяня, смерць, планетнікі і інш.), так і індывідуальна-аўтарскімі міфалагічнымі істотамі, створанымі ўяўленнем паэта і ажыўленымі шляхам называння (Знікомак, Кацмалюх, Снітрупак, Снігробак, Срэбрань, Тапелец і інш.). Фантастычныя постаці, якія "вандруюць" па лесьмянаўскіх вершах, адначасова смешныя і трагічныя, пачварныя і ўзнёслыя, кашмарныя і бездапаможныя, здзіўляюць чытача сваім дзіўным і нязвыклым знешнім выглядам: дуб-пярэварацень – дрэва-чалавек, што спявае ўрачысты гімн свету прыроды (Dąb – Дуб); Кацмалюх – фантастычная істота, якая па начах выходзіць з магіл (Kocmoluch – Кацмалюх); Знікомак, што мае дзве душы: адна прагне да неба, другая панікла да зямлі (Znikomek – Знікомак); Срэбрань – насельнік месяца (Srebroń – Срэбрань); Снігробак, які патрапіў *да краіны напаўдухаў і напаўцелаў*[1] (Snigrobek – Снігробак) [BL, s. 293]. Іх важнейшымі рысамі з'яўляецца парадыйнасць (аблічча і паводзіны герояў) і сумежнае становішча (існаванне на мяжы тутэйшага быцця і таго свету), а гратэскавыя метамарфозы, якія адбываюцца з гэтымі нязвыклаказачнымі персанажамі, галоўным чынам – выявы духоўна-светапоглядных метамарфоз самога аўтара.

Творы М. Багдановіча, прасякнутыя духам язычніцкіх павер'яў, таксама населены міфалагічнымі вобразамі-сімваламі – русалкамі, лесунамі, вадзянікамі і інш., якія, згодна беларускім паданням, існуюць паміж светам жывых і памерлых: *у глыбіне, у цішыне* [МБ, с. 205]. Героі беларускага творцы (як і ў яго польскага калегі) маюць дзівакаваты і гратэскавы выгляд, адначасова спалучаючы ў сабе рысы камічнага і драматычнага, магутнасці і бяссілля, што выклікае часам спагаду.

Аднак галоўную ўвагу Б. Лесьмян і М. Багдановіч скіроўваюць на ўнутраным, ідэйным напаўненні, якое нясуць у сабе гэтыя фантастычныя істоты. Міфалагічны матэрыял, аснова стварэння такіх вобразаў, вёў да шырокіх філасофскіх абагульненняў, дазваляў выйсці за прасторавыя і часавыя межы ў «вечнае». Тут мы маем справу з праблемамі ўніверсальнага характару: праз стварэнне падобных персанажаў абодва паэты ўзнімаюць метафізічныя пытанні – быццё і небыццё, чалавек і сусвет, сэнс існавання і пустка забыцця і г.д.

Міфапаэтыка сімвалістаў трансфармуе штодзённую рэальнасць, калі мікракосм увасабляе светабудову, ці, наадварот, мікракосм становіцца часткай касмічнай містэрыі. Міфы і чароўныя казкі ў творчасці Б. Лесьмяна часта

[1] Тут і далей – пераклады нашы. – **Н.А.**

выступаюць адлюстраваннем калектыўнага несвядомага, дзе архетыпічныя вобразы паўстаюць у найбольш простай, чыстай і лаканічнай форме. Дзякуючы гэтаму польскі аўтар дастаткова арыгінальна асэсоўвае касмаганічныя працэсы. Напрыклад, у цэнтры рускамоўнага вершаванага цыкла “Песні Васілісы Прамудрай” – трансцэндэнтнае перажыванне архетыпічнага ўнутранага падарожжа: *Я – голас быцця таямніча-запеўны* [БЛ], прамаўляе галоўная гераіня твора. Казачны вобраз Васілісы Прамудрай пад пяром пісьменніка набывае новыя мастацкія і філасофскія значэнні – гэта і ўвасабленне сусветных зместаў і сістэм, і сімвал касмічнай сугучнасці і гармоніі, пры дапамозе якога аўтар перадае свой асабісты містычны досвед.

Б. Лесьмянам створаны шэраг незвычайных фантастычных персанажаў. Адзін з іх – Знікомак, герой з аднайменнага верша, які блукае *ў цяністым бязладдзі існаванняў* [BL, s. 90]. Унутраную сутнасць гэтага героя выяўляе яго імя: яно вытворнае ад дзеяслова *знікнуць*. І сапраўды, Знікомак быццам не існуе: ён то з’яўляецца, то знікае – і ў гэтым заключаецца яго сэнс быцця. Тут польскі паэт закранае праблему *чалавечай экзістэнцыі* як у гэтым свеце, так і ў верагодных. Знікомак мае вочы рознага колеру: блакітнае і карае, кожнаму воку ўбачанае ўяўляецца па-рознаму, што перашкаджае яму зразумець, дзе сапраўдны свет, а дзе толькі ілюзія; у яго дзве асобныя душы (адна цягнецца да неба, другая да зямлі), і кахае ён дзвюх розных дзяўчын (светлую і чорную) – так сімвалічна паэт адлюстроўвае шматлікасць варыянтаў быцця ў сусвеце, які складаецца з альтэрнатыўных рэальнасцей.

Такім жа спараджэннем фантазіі польскага пісьменніка паўстае загадкавы Кацмалюх, што адначасова існуе і не існуе (“Kocmoluch”). Ён адлюстроўвае аўтарскую рэфлексію над пытаннем жыцця пасля смерці: апошняя, дзякуючы творчым сілам прыроды, ніколі не бывае канчатковай – ёсць толькі пераход з адной формы быцця ў іншую (пераўвасабленне):

Lecz on smutek w pośmiertnej przekroczył podróży,
Pierś wzbogacił weselem nowego żywota,
A gdy mu nieśmiertelność zbyt modro się dłuży −
Tka snowi wieczystemu wezgłowie ze złota!.. [BL, s. 297]

Усё ж такі ён смутак перайшоў у пасмертным падарожжы,
Грудзі абагаціў весялосцю новага жыцця,
Калі яму несмяротнасць занадта блакітна доўжыцца –
Тчэ вячыстаму сну ўзгалоўе з золата!.. (“Кацмалюх”)

Так дастаткова выразна прачытваецца пісьменніцкая думка: існаванне – гэта бесперапынная змена трансфармацый, дзе ў пошуках свайго духоўнага цэнтра (прадстаўленага ў творы вобразам сонца, залаты колер якога асвятляе змрочную атмасферу) мы робім першы крок да бессмяротнасці.

У творах М. Багдановіча таксама вырашаюцца экзістэнцыяльныя пытанні: сэнс існавання, наканаванасць і прадвызначанасць, прызначэнне чалавека. Паэта прыцягвалі тыя моманты чалавечага існавання, калі агаляецца існасць, няўхільны закон быцця. Адна з найбольш шырокіх тэм, улас-

цівых яго паэзіі, − тэма смерці і адраджэння. Творца набліжаецца да загадкавай мяжы, імкнучыся зазірнуць за яе грань, пазнаць вялікую таямніцу існавання. У вершы “Змяіны цар” ён даводзіць лірычнага героя да апошняга парога, калі ў бачанні супрацьстаяння “жыццё – смерць” ён спрабуе ўсвядоміць самога сябе. Вобраз Змяінага цара, узяты аўтарам з беларускіх народных павер'яў, выступае тут не толькі як мастацкі персанаж, але і як носьбіт ідэі і філасофскага падтэксту верша. У творы матыў расстання з жыццём і ўсведамлення ўласнай смерці цесна пераплецены з прыгажосцю *(Разгарысь, вячэрняя зара, // У туманнай вышыне)* [МБ, с. 221]), жахам бясследнага знікнення (“Цёмнай ноччу страшна у жальбе // Памірaць.” [МБ, с. 221]), нясмелай і ўсё ж такі ўпартай надзеяй на сувязі, што не могуць і не павінны назаўжды абарвацца, якія тут, на зямлі, складалі сапраўднае існаванне душы – у апошняе імгненне жыцця Змяіны цар убачыць зямны адбітак нябеснага святла: *Месяц брызне хваляй серабра, // Расой блісне ў нізіне* [Тамсама]. Праекцыя душэўнага стану галоўнага героя на з'явы прыроды сцвярджае галоўную задуму твора: жыццё нараджаецца з таямніц сусвету і вяртаецца назад, у космас, у наканаваны час.

Адным з цэнтральных герояў у пантэоне міфалагічных істот М. Багдановіча выступае паганскі вобраз Лесуна. “Лесуновыя” творы беларускага паэта перадаюць шматаблічнасць і рознахарактарнасць гаспадара лесу: сумны і маркотны лясун, які няголасна грае на сасновых струнах [МБ, с. 52]; адзінокі лясун, што згубіў удаласць і сілу [МБ, с. 211]; лясун, які ахрысціў дзікую душу [МБ, с. 208]; раззлаваны лясун з крывавымі вачыма, які палохае сваім дзікім смехам [МБ, с. 212]; старая, выбітая з сіл істота, аброслая мохам і з абшарпанай скурай [МБ, с. 207]. Мабыць, самую разнастайную гаму пачуццяў выклікае лясун, які, страціўшы сваё лясное царства, загінуў, але пакінуў памяць пра сябе – возера-люстэрка («Возера») [МБ, с. 53]. У гэтым вершы сімвалічныя вобразы ляснога ўладара і яго магічнага люстэрка ўвасабляюць роздумы паэта аб вечнай барацьбе супрацьлеглых пачаткаў, якой наскрозь напоўнена існаванне свету: лесунова возера – месца ўзаемапранікнення мінулага і будучыні – сімвалізуе Беларусь у складанай прасторава-часавай узаемасувязі сусвету. На дне возера, у схаваных глыбінях залюстаркоўя, спіць калісьці велічнае ўчарашняе, якое сёння стала міфам, легендай. Тут мы маем дачыненне з сімвалісцкай канцэпцыяй множнасці і шматпланавасці быцця.

Роля і значэнне міфалагічнага кампанента ў паэзіі Б. Лесьмяна і М. Багдановіча толькі часткова звязаны з уплывам сімвалізму. Маюцца іншыя падставы, якія абумовілі зварот абодвух паэтаў да старажытных вобразна-сюжэтных архетыпаў.

Так, міфалагічны модус крэатыўнасці Б. Лесьмяна пэўным чынам абумоўлены распрацаваным ім “міфам першабытнага чалавека”, для якога быў характэрны метафізічны спосаб мыслення і які не вылучаў сябе з навакольнага свету прыроды. Сфера сакральнага ахапляе практычна ўвесь паэтычны космас Б. Лесьмяна (нездарма даследчык М. Маркоўскі лічыць яго

“адным з найвялікшых паэтаў-метафізікаў XX ст.” [1, с. 127]). Такое бачанне свету выяўляецца польскім творцам сярод іншага праз зварот да народнай культуры, прадстаўленай старажытнымі міфамі і чарадзейнымі казкамі, якія, паводле Б. Стэльмашчык, “у яго паэтычнай творчасці набываюць магічную цялеснасць” [2, с. 288]. Сам жа Б. Лесьмян падкрэсліваў “небудзённасць” казкі як адну з самых адметных яе рыс: “Казка выконвае важную ролю ў нашым мысленні: ролю шматколернага моста, які злучае нас з нелагічнай галіной існавання, з абрывістым берагам той таямніцы, аблічча якой не падобнае да чалавечага” [L, s. 31]. У яго творчасці міфалагічныя і казачныя сюжэты становяцца складанай сімвалічнай сістэмай, пры дапамозе якой паэт стварае сваю мадэль свету, спрабуючы выявіць сутнасць трансцэндэнтных з’яў і паняццяў, што ляжаць у аснове светабудовы. *Дзе казка – там і Бог!* [БЛ] – гэтыя словы лесьмянаўскай Васілісы Прамудрай пацвярджаюць духоўную пазіцыю аўтара і з'яўляюцца сведчаннем метасвядомасці, якой прасякнута ўся яго паэзія.

Эстэтыка сімвалізму таксама была адным з фактараў, якія абумовілі зварот М. Багдановіча да міфалагічных першакрыніц. Але важнейшай акалічнасцю гэтай зацікаўленасці для беларускага пісьменніка была ідэя нацыянальнага адраджэння. Даследчык І.Я. Навуменка слушна падкрэслівае, што “міфалагічныя” вершы М. Багдановіча напісаны не толькі пад уплывам сімвалісцкай паэзіі: менавіта «праз міф паэт бачыць радзіму продкаў, родную яму Беларусь, бо перш за ўсё праз песні, казкі, міфы ён з усім гэтым звязаны» [3, с. 48]. Беларускаму песняру не была ўласціва характэрная для сімвалістаў міфатворчасць – праз выкарыстанне архаічных першаэлементаў ён імкнуўся да адраджэння народнай міфалогіі ў новыях сацыякультурных умовах: «Максім Багдановіч не выдумвае, як сімвалісты, міфы. Для яго яны – творчасць народа, форма наіўна-вобразнага, невядома-мастацкага спасціжэння далёкімі продкамі навакольнага свету. … паэт як бы “асучаснівае” міф», піша І.Я. Навуменка [3, с. 49]. Таму і міфалагічныя істоты беларускага паэта – гэта ў першую чаргу ўвасабленне ўласных “гістарычных” каранёў, своеасаблівыя першавобразы, архетыпы працэсу адухаўлення канкрэтна-гістарычнага нацыянальнага быцця. Прыродны свет гэтых персанажаў створаны М. Багдановічам пераважна для адлюстравання ідэі беларускага адраджэння, якое аўтар звязваў з адраджэннем народнай памяці, захаванай у старажытных легендах і паданнях.

Амаль што ўсе жыхары “зачараванага царства” апанаваны маркотай і безнадзейнасцю. Унутраны драматызм існавання гэтых герояў адлюстроўвае такі ж драматычны лёс (дзяржаўны, гістарычны, эканамічны) беларускай нацыі. «Паэт праводзіць пэўную паралель паміж жыццём гэтых міфалагічных істот і жыццём народа, які стварыў гэтыя вобразы. М. Багдановіч падкрэслівае, што жыццё беларускага народа нагадвае жыццё насельнікаў “цёмнага царства”, такое ж бязрадаснае, цёмнае, беспрабуднае», – з падобнага пункту гледжання зыходзіць Т.У. Ганчарова-Цынкевіч [4, с. 28].

Некаторыя насельнікі “зачараванага царства” паміраюць: Лясун, які сімвалізуе родны край, Змяіны цар, які ўвасабляе адначасова і зямную ўрадлівасць, і нябесны агонь; а Вадзянік, увасабленне таямнічай прыроднай стыхіі, на дне возера знаходзіцца ў стане летаргічнага сну. Так сімвалічна аўтарам паказаны заняпад традыцыйнай народнай культуры, трагічны лёс беларускага этнасу, драматычная гісторыя Беларусі. Аднак, згодна з міфалагічнымі ўяўленнямі смерць немагчымая: ёсць толькі пераход у іншую якасць і існаванне ў іншых умовах. Таму факты смерці Лесуна і Змяінага цара, а таксама “адвечнага” сну Вадзяніка змяшчаюць у сабе ўваскрашальны сэнс: яны паміраюць, каб нарадзіцца зноў – для новага жыцця і ў новай рэчаіснасці. Гэта сцвярджае галоўную думку аўтара: не можа назаўсёды памерці родная краіна, бо нішто ў сусвеце не знікае бясследна – і настане час, калі звару-шаны нарэшце дух народны [МБ, с. 137] абудзіцца ад спрадвечнага сну. Уся творчасць М. Багдановіча прасякнута духам адраджэння: як нацыянальнага (далучанасць беларускай нацыі да агульнага сусветнага працэсу), так і ўніверсальнага (вечнае аднаўленне жыватворных прыродных крыніц).

Міфалагічныя і казачныя элементы адыгрываюць вызначальную ролю ў распрацоўцы мастацкай канцэпцыі Б. Лесьмяна і М. Багдановіча. Ар-хаічныя вобразы ў творах польскага і беларускага паэтаў нясуць на сабе ідэйную нагрузку, адлюстроўваючы шматлікія экзістэнцыяльныя сітуацыі, якія аб’ектыўна існуюць у духоўным свеце чалавека, а таксама – функцыя-нальны сэнс, перадаючы погляды абодвух аўтараў на праблемы жыцця і смерці, існавання і забыцця, сэнсу і ілюзій, нікчэмнасці і велічнасці – антыномій, якія вызначаюць структуру мастацкага ўніверсума іх як паэтаў-лірыкаў і паэтаў-філосафаў. Падобныя персанажы цікавыя тым, што сваё ўнутранае напаўненне, той сэнс, які закладзены ў іх аўтарам, яны выражаюць не непасрэдна, а праз шматлікія сувязі і аналогіі з прыродай сусвету. Аднак з ідэалагічнага пункту гледжання паэтычная дзейнасць М. Багдановіча раз-вівалася ў іншым кірунку, чым справа Б. Лесьмяна: для беларускага творцы вызначальнай была праблема адраджэння роднага краю і самаідэнтыфікацыі народа. Таму ў творчасці М. Багдановіча міфалагічныя першаэлементы адыгрываюць значную ролю не толькі ў стварэнні рамантыка-сімвалічных, але і непаўторных нацыянальна-адраджэнскіх ідэй і вобразаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Markowski, M.P.* Polska literatura nowoczesna: Leśmian, Schulz, Witkacy / M.P. Markowski. – Kraków : Universitas, 2007. – 416 s.
2. *Stelmaszczyk, B.* Demony erotyki. Groteskowo-gotyckie powinowactwa w balladach Bolesława Leśmiana / B. Stelmaszczyk // Wokol gotycyzmow: Wyobraźnia, groza, okrucieństwo / red.: G. Gazda, A. Izdebska, J. Pluciennik. – Kraków : Universitas, 2002. – S. 287–298.
3. *Навуменка, І.* «Заварожаны вячэрняй цішынёй…»: Паэтыка Максіма Багдановіча / І. Навуменка – Роднае слова. – 1997. – № 12. – С. 47–58.

4. *Ганчарова-Цынкевіч, Т.У.* Максім Багдановіч і беларускае адраджэнне пачатку ХХ стагоддзя / Т.У. Ганчарова-Цынкевіч. – Мінск : БДПУ, 1998. – 110 с.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

МБ – *Багдановіч, М.* Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 752 с.
БЛ – Русские стихи Б. Лесьмяна. Ч. 1. Песни Василисы Премудрой // Болеслав Лесьмян. Безлюдная баллада [Электронны рэсурс]. – М. : Рипол-Классик ; Вахазар, 2006. – Рэжым доступу : http://reweiv.livejournal.com/43363.html. Дата доступу : 15.03.2012.
BL – *Leśmian, B.* Zwiedzam wszechświat : Wybór wierszy / B. Leśmian ; wybór, wstęp i oprac. W. Boleski. – Warszawa : DNT, 2006. – 368 s.
L – *Leśmian, B.* Z rozmyślań o Biergsone / B. Leśmian // Szkice literackie / B. Leśmian ; oprac. i wstępem poprz. J. Trznadel. – Warszawa : PIW, 1959. – 539 s.

The article is devoted to the analysis of the outlook and aesthetic search of a Polish poet B. Lesmyan and a Belarusian poet M. Bogdanovich in the context of Slavonic literary connections of the beginning of the 20 th century. The features of the individual style of each poet have been shown according to their original method and their evolution of views; the specific character of the author's reflection and poeticization of the reality, the typological parallels in the interpretation of motives, functioning of images-symbols of mythological origin have been defined.

Поступила в редакцию 18.04.12

М.М. Хмяльніцкі

БЕЛАРУСКІЯ ВОБРАЗЫ І МАТЫВЫ Ў ПОЛЬСКАЙ ПАЭЗІІ ХХ СТАГОДДЗЯ

В статье исследуется функционирование белорусских образов и мотивов в стихотворениях польских поэтов XX века, которые включены в антологию «Напярэймы: ад Буга да Варты» (2003) и посвящены проблематике белорусско-польского культурного пограничья. Через систему духовно-эстетических координат выявлены и охарактеризованы проявления белорусского дискурса в произведениях польских поэтов XX века (автобиографичность, фольклоризм, словотворчество, художественная образность и др.).

Польская паэзіія ХХ стагоддзя – з'ява цікавая і арыгінальная. Яе самабытнасць, духоўны патэнцыял, дэмакратычны характар, шматстайнасць мастацкіх плыней і кірункаў абумоўлены як багатымі нацыянальнымі традыцыямі, так і плённымі ўзаемасувязямі з іншымі літаратурамі.

Для беларускага чытача польская паэзія заўсёды была своеасаблівымі ўводзінамі ў еўрапейскую літаратурную прастору, але пры гэтым яна заставалася глыбока славянскай. У кантэксце вышэйадзначанага плённым з'яўляецца любое знаёмства з дасягненнямі польскага прыгожага пісьменства, з паэтычнай скарбонкай у прыватнасці, бо апошняя ў асаблівай ступені выяўляе нацыянальнае светаадчуванне народа. Вось чаму сапраўды значнай з'явай стаў выхад у 2003 годзе анталогіі польскай паэзіі XX стагоддзя «Напярэймы: ад Буга да Варты» [Ант1; Ант2] у перакладах Алега Лойкі, вядомага літаратуразнаўцы, паэта, нястомнага папулярызатара літаратуры Польшчы. Аб'ектам даследавання з'яўляюцца творы гэтага выдання, тэматычна звязаныя з Беларуссю і беларуска-польскім культурным пагранічам. Тым больш што перакладчык, выбіраючы вершы польскіх аўтараў, свядома ставіў перад сабой наступную задачу, рэалізацыя якой не магла не паўплываць на змест анталогіі: «Беларуская літаратура, узнікшы, ніколі не развівалася без уплываў на яе польскай паэзіі, як і польская паэзія і пасля Адама Міцкевіча ніколі не развівалася без уплыву на яе ўсходніх крэсаў, а гэта значыць і Беларусі. У выніку гэтага і лёс даволі значнай кагорты польскіх паэтаў XX стагоддзя спалучаны з Беларуссю… Таму нечаканым адкрыццём прыходзіць сёння бліжэйшае знаёмства з тым, што спалучана ў польскай паэзіі XX стагоддзя з Беларуссю – лёсам жыццёвым і творчым польскіх паэтаў, сюжэтамі, матывамі, вобразамі, зачэрпнутымі імі з беларускіх крыніцаў, літаральна месцам нараджэння і месцам смерці на зямлі беларускай і некаторых паэтаў, і некаторых паэтэс. У сувязі з гэтым анталогія польскай паэзіі XX стагоддзя, укладзеная беларускім перакладчыкам, не магла не займець і асобнай цікавасці да тых яе аўтараў, што ці родам з Беларусі, ці сваімі зацікаўленнямі сягалі ў яе гісторыю, уносілі ў сваю творчасць беларускія рэаліі, матывы, вобразы» [Ант1, с. 20]. Такім чынам, можна канстатаваць, што выбар твораў польскай паэзіі мінулага стагоддзя з відавочным беларускім кампанентам ў творчай і перакладчыцкай стратэгіяй укладальніка-перакладчыка.

Гістарычнае і культурнае паяднанне двух народаў-суседзяў прынесла цікавыя вынікі, нарадзіўшы цэлую кагорту самабытных аўтараў, пакаленне творцаў. Думка аб судакрананні і ўзаемадзеянні розных культур, іх руху адна да другой узнікае як лейтматыў ці як фон у творах многіх пісьменнікаў беларуска-польскага пагранічча XX стагоддзя. В.П. Рагойша слушна адзначае: «… адсутнасць у Польшчы перыяду 1921–1939 гг. хаця б нацыянальна-культурнай аўтаноміі Заходняй Беларусі, яе актыўная паланізацыя, а таксама натуральнае ўздзеянне польскай культуры на беларускую прадвызначылі з'яўленне ў польскай літаратуры і мастацтве значнай колькасці дзеячаў, народжаных на беларускай зямлі. Сярод іх мастак Фердынанд Рушчыц, паэты Ежы Путрамант, Юзаф Чаховіч, Леанард Падгорскі-Аколаў, празаік Марыя Радзевіч, літаратуразнавец Мар'ян Здзяхоўскі і інш. Праўда, усе гэтыя і ім падобныя дзеячы культуры прама, а найчасцей апасродкавана таксама прычыніліся да пашырэння беларускай культуры і – шырэй – беларушчыны за

межамі Беларусі. Часам нават незаўважна для іх саміх гэтая беларушчына пачынала жыць у іх творчасці, выяўляцца ў апісанні беларускіх краявідаў, у словах-беларусізмах, у мелодыях песняў і г.д.» [1, с. 153–154].

Многія паэты-ўраджэнцы беларуска-польскага пагранічча (шырэй – і літоўскага) успрымалі гэтыя землі і ў XX стагоддзі як Літву гістарычную – прастору Вялікага Княства Літоўскага, бо, перафразуючы выказванне У.І. Мархеля, была яшчэ дзейснай ідэя "рэтраспектыўнага дзяржаўнага патрыятызму", а насельніцтва памежных тэрыторый «не пазбавілася гістарычных уяўленняў пра сваю першасную радзіму, пра сваю тутэйшасць» [2, с. 42]. Па гэтай прычыне многія вершы, якія ўвайшлі ў анталогію, звязаны менавіта з Літвой, зямлёй дзяцінства і юнацтва, падтрымліваючы тым самым традыцыю паэтызацыі "крэсаў" як своеасаблівага топаса. Напрыклад, вядомы ў міжваеннай Польшчы паэт Юзаф Чаховіч у вершы «Праз крэсы», выкарыстоўваючы вобразна-выяўленчы патэнцыял авангарднай паэтыкі, услаўляе гэты край з яго адметным жыццёвым рытмам, штодзённымі клопатамі, з *ляснымі лугавымі* дарогамі, узараным полем, іржышчам, за якое чапляецца *месяц цёмна-чырвоны*. А вось "крэсы" пад пяром Кшыштафа Яжэўскага паўстаюць у рэалістычна-канкрэтных малюнках з відавочна драматычнай перспектывай занядбання, абумоўленай складанай гісторыяй XX стагоддзя:

Курганы, трава, якая дыхае сонцам,
І пыл гасцінца. Адно тое застаецца
Пасля славы ў лаўрах і рыцарскіх жэстаў.
Разбураныя грабніцы, у якіх куры кудахчуць,
Пішчалі на забаву сабакам і дзецям [Ант2, с. 200]

Казімера Ілаковіч, нараджэнка беларуска-польска-літоўскага культурнага памежжа, у вершы «Ліцвінскі салоўка» паэтызуе малую радзіму – запаветную старонку, не кранутую цывілізацыяй, дзе ўладарыць *салоўка*, якога слухаюць, сцішыўшыся, *пушчы наднямонская і наддзвінская*; а *народ пушчанскі* – народ свабодалюбівы, *непрызвычайны ў службе яснепаньскай* [Ант1, с. 115]. Лірычная гераіня, доля якой *пытальная, сплаканая, пярлістая*, звяртаецца з просьбай да птушкі, каб яна не прыпыняла свой чароўны спеў, радавала сэрца роднай песняй. Адвечны кругаварот жыцця, на думку паэтэсы, на гэтай зямлі адчувальны як нідзе: жыццё і смерць утвараюць тую прастору, у каардынатах якой жыве чалавек пагранічча. З аднаго боку, *цмантар*, *крыжы пападалі*, *здзічэлі ружы*, *палын горкі*, а з другога – *лужок блакітны*; *лес-начлег*, *лён квяцісты*, *крываўнік, што гоіць раны*. Паэтэса ўводзіць матыў меж, якія прайшліся не толькі па землях народаў-суседзяў, але і па сэрцах людзей, *граніцай пашарпаных*. Актуалізуецца таксама ў вершы матыў *дарогі-недарогі*, якая, на жаль, ніколі ўжо не прывядзе ў родныя мясціны.

Літва гістарычная на першым плане і ў творах Казімежа Вяжыньскага. Гэты край, дзе ўсё блізка, люба, узгадваецца праз ружовыя акуляры дзяцінства, вобразы якога ніколі не сцерці з памяці. Любоўю і шчырасцю прасякнуты ўсе карціны і вобразы твора, якія малюць памяць і ўяўленне: казкі гэтай зямлі, паездкі ў Вільню… «З вершаў яго [Вяжыньскага] відаць, як ён любіў міцкевічаўскую Літву, тыя блізкія і яму мясціны, што па-над Віленкай і Нёманам»

[Ант1, с. 21], – слушна адзначае А.Лойка. А ў вершы «Асенняя Літва» паўстаюць цудоўныя замалёўкі прыроды памежжа, восеньскія краявіды: рознакаляровы лес у карагодзе з ветрам, сосны ў тумане, чырвань шыпшыны, куст воўчых ягад… К. Вяжыньскі робіць і экскурс у мінуўшчыну, прыгадваючы старыя замкі, беларускія і літоўскія, якія бачыў паэт і даўніна якіх натхняла яго неаднойчы.

Тэадор Буйніцкі, член знакамітай групы «Жагары», таксама паэтызуе Літву-айчыну, *зямлю валошкаў, асоту і хвошчаў, белых касцёлаў на плоскіх узбярэжжах* [Ант1, с. 260]. Верш прасякнуты драматычнымі матывамі і апакаліптычнымі карцінамі: *... сонца вялізнае, быццам чырвоны збан, на хмары густыя жывую кроў лье* [Тамсама]. Прысутнасць менавіта такой вобразнасці было абумоўлена ідэйна-мастацкай праграмай згуртавання і прадчуваннем ваеннай небяспекі ў Еўропе, якая не абмінула і гэтую цудоўную старонку. Падобную карціну малюе і найбольш вядомы прадстаўнік групы «Жагары», будучы Нобелеўскі лаўрэат Чэслаў Мілаш у вершы «У маёй Айчыне»: *плыткай вады шэпт, у якімсь змроку цёмным*, і *чаіц чорных крык, халодных заходаў сонца чырвань* [Ант1, с. 296].

ХХ стагоддзе з вядомымі гістарычнымі і геапалітычнымі працэсамі сцвердзіла месца Беларусі як дзяржавы, адметнай зямлі і краіны. У польскай паэзіі з'яўляюцца вершы, прысвечаныя менавіта ёй. Напрыклад, Леанард Падгорскі-Аколаў у пятнаццаці вершаваных творах пад назвай «Беларусь» («Białoruś»), якія былі выдадзены асобнай кнігай у 1924 г. ў віленскай друкар-ні Л. Хамінскага, яскрава выяўляе свае сімпатыі да роднай зямлі (*зялёная краіна, далёкі і незабыўны край*). Верш, змешчаны ў разглядаемай анталогіі, прасякнуты патрыятычным пафасам, тугой па родных мясцінах, напоўнены характэрнымі для беларускай краіны рэаліямі і вобразамі, без якіх немагчыма яе ўявіць: *разлітыя рэкі блакітныя*; *чараты, што дрэмлюць*; *дрыготкі жаваранак*, што адным з першых прылятае з выраю, прыносіць вясну на нівы і палеткі; *буслава клякатанне*, сімвал шчасця, дабрабыту, злагады ў хаце; *сплужаная зямля*; *сосны сапфірныя*; *шапкі саламяных стрэх*; *бор бясконцы*... Прысутнічае ў творы і матыў Дома (*дом аднапавярховы з шкляной верандай і драўляным ганкам* [Ант1, с. 102]), які з'яўляецца выразнай алегорыяй Дома духоўнага – Бацькаўшчыны. У вершы падкрэсліваецца гасціннасць тутэйшага народа: напалову адчыненыя дзверы, якія быццам чакаюць з далёкіх шляхоў-дарог гаспадароў, родных, падарожных. Але, на жаль, *...мяне няма там*, – скардзіцца лірычны герой, пераадольваючы тугу па роднай зямлі. *Над сэрцам кружыць край далёкі, // Як жаль: далёкі, блізкі, мой* [Ант1, с. 103]. Як слушна адзначае даследчыца І.Э. Багдановіч, «асноўныя настроі цыкла – смутак, пачуццё адарванасці ад роднага краю, ідэалізацыя яго, вылучэнне найяскравейшых праяў і ўражанняў дзяцінства і маладосці, пачуццё недаравальнай стратнасці чагосьці найдаражэйшага, сапраўднага ў сваім харастве і дасканаласці. Бясспрэчна, гэта моманты ідэалізацыі як эстэтычнай кампенсацыі за выбар іншых прыярытэтаў у рэчаіснасці» [3, с. 41].

Культурна-этнаграфічную адметнасць рэгіёну перадаюць і творы Ю. Чаховіча, прысвечаныя беларускай вёсцы, якую ён добра зведаў падчас ваенных паходаў па памежных землях пад сцягам Пілсудскага і сваёй працы школь-

ным настаўнікам у Слабодцы непадалёку ад Браслава. Менавіта гэтыя шляхі-дарогі па “крэсах” пазней, у 1932 годзе, прыгадаў польскі паэт у сваім знакамітым «Аўтапартрэце:» *...і зноў Літва азёрнай восені // бароў харал па ўзгорках збранзавелы // вады з-пад лодкі румянец // напераменку з беларускай мовай // ільсніў на ўстужцы ўзбярэжжа* [Ант1, с. 213]. Няма падстаў пагадзіцца з думкай, якую сцвярджае польскі даследчык Р. Матушэўскі: «Чаховіч у многіх сваіх вершах жывапісаў польскі вясковы краявід, а таксама абаяльнасць польскай правінцыі, ціхіх сельскіх мястэчак на Любельшчыне, прыгажосць роднай зямлі і роднага горада» [4, с. 211]. Пацвярджэнне – верш Ю. Чаховіча «На вёсцы» са знакамітымі радкамі: *Сена пахне сном // сенам пахнула ў даўніх снах // полудні вясковыя цёплыя жытам* [Ант1, с. 212]. Аўтар малюе ідылічную карціну менавіта пагранічнай вёскі: *каровы малочныя*, што вяртаюцца дадому і *жуйку жуюць над карытам поўным змроку*; зоркапад, маладзік, які *ідзе срэбныя хусткі мыць*; конікі ў стагах… Гэтыя ўспаміны як цудоўны абярог *ад раны… перад злом* у цывілізацыйным тлуме сучаснасці, дэманстрацыя пантэістычнага ўспрымання свету менавіта гэтай зямлі.

У творах анталогіі як самабытны памежны рэгіён паўстае Палессе, якое «ўваходзіць у большасці выпадкаў тэмай, матывамі, некаторымі рэаліямі, як гэта, напрыклад, у паэзіі Яна Капроўскага (нарадзіўся ў 1918 годзе) ці Кшыштафа Яжэўскага (нарадзіўся ў 1939 годзе). Першы з іх паэтызуе Палессе ў традыцыях паказу Беларусі як экзатычнай Аркадыі, цнатлівага першабытнага Эльдарада, другі – наадварот – у плане змрачнаватай вальтэрскотаўскай рамантычнай настальгіі. Гэтыя антыподныя вершы якраз падкрэсліваюць шматракурснасць бачання Беларусі польскімі паэтамі нашага часу, шматфарбнасць іх вершаў пра Беларусь, іх шматнастраёвасць» [Ант1, с. 24].

У вершы Яна Капроўскага «На Палессі» сцвярджаецца думка вяртання да каранёў, да малой айчыны, да *звычайнага чалавека*, бо *там ціш і спакой там глыбокі. // Свайго сэрца біццё ўчуеш і лёт аблокаў* [Ант1, с. 348]. Уражанні ад наведвання палескага краю знайшлі ўвасабленне і ў вершах Пятра Целеша «Сямейная ікона» і «На Палессі». Тут жыў яго дзед, што *верыў у бога // у свой востры язык у беларускую зямлю і ў справядлівасць*; узгадваецца польскаму аўтару восень у палескім мястэчку: *...цёплая раніца // на кухні цётка Рая напіхае каўбасу // дзядзька Любамір паехаў на дрыгву пастраляць у бутэлькі // забраў с сабой польскія газеты якія я прывёз спецыяльна для яго* [Ант2, с. 349]. Згаданыя творы Пятра Целеша, ураджэнца Быдгашчы, «рэалістычнай канкрэтнасцю, праўдзівасцю не могуць не радаваць слых, чуйныя паэзіі і высакародству. Як жывая, устае ў іх палеская вёска 80-х гадоў, а сваю палескую генеалогію польскі паэт адкрыта прэзентуе, не замоўчвае, паэтызуе дасціпна – з любоўю да простага люду, з мудрай шляхетнасцю» [Ант1, с. 23–24].

У шматлікіх творах польскіх паэтаў XX стагоддзя мастацкае дзеянне адбываецца на тэрыторыі беларуска-польскага пагранічча, што фарміруе адметны хранатоп. Аўтары даволі часта канкрэтызуюць геаграфічныя кардынаты, у якіх адбываецца дзеянне. Гэта – Нясвіж, Навагрудак, Завоссе, Мір, Гродна, Ашмяны, Ліда, Рось, Дуброўка і шмат іншых беларускіх гара-

доў, мястэчак і вёсак. Усе яны – своеасаблівы мастацкі код, што выконвае функцыю вобразнага эквівалента еднасці з роднай зямлёй. Тапонімы як бы метафарызавалі гістарычны і культурны вопыт той супольнасці, што жыла і жыве на дадзенай тэрыторыі.

Асаблівая старонка анталогіі – згадкі-апісанні рэк беларуска-літоўска-польскага памежжа. Рамантычнае ўслаўленне рэк, як вядома, распачалося ад міцкевічаўскіх Нёмана і Вілії і плённа працягвалася ў творах пісьменнікаў XX ст. Прыклад – верш К. Вяжыньскага «Над Нёманам» – з *чадам рамантычных зарасцяў* ракі як увасабленнем высокай красы роднай зямлі, якой лірычны герой моліцца ў сваіх думках. Але рака – яшчэ і прычына паразважаць аб шляхах-дарогах тутэйшага народа, успомніць мінуўшчыну, разабрацца ў сабе, намацаць цэласнасць унутранага "я". Толькі першая страфа – паэтычнае апісанне славутай ракі, далей – разважанні-ўспаміны, ландшафт душы лірычнага героя і аўтара. А вось Ян Капроўскі ўспамінае Гарынь і Піну; Ігар Сікірыцкі ў сваім вершы «Случ» узгадвае *лодак пушыстых чароды*, хлопца-рыбака з чубам-ільном і *вечар, поўны рыбы* [Ант1, с. 364].

Не засталіся абыякавымі польскія паэты і да бяды беларускага народа – Чарнобыльскай катастрофы. Сумнай калыханкай гучыць верш Лідзіі Жукоўскай «Ноч у Чарнобылі»:

– Пятрусь
– спі спакойна
– Пятрусь
кажуць дзесьці прайшоў
кіслы дождж
і пагінулі ракі і рыбы…
– Пятрусь […]
здаецца мне каменне пяе
а птушкі камянеюць… [Ант2, с. 332]

Прысутнічаюць у анталогіі і вершы-прысвячэнні беларускім сябрам-пісьменнікам, у якіх згадваюцца рэаліі Беларусі, суаднесеныя з другой паловай XX стагоддзя, тым самым замацоўваючыся ў вобразна-матыўным шэрагу польскай паэзіі гэтага перыяду. Напрыклад, Юльян Пшыбась свае ўражанні ад наведвання беларускай зямлі падчас творчай камандзіроўкі ўвасобіў у вершы «Дарогай з Наваградка» (з падзагалоўкам-прысвячэннем Янку Брылю і Максіму Танку), напісаным у лістападзе 1967 года, з выразным міцкевічаўскім кодам, з рэтраспектывай у гісторыю гэтай зямлі, канстатацыяй моцнай сувязі з ёй: *Прымроенага краю не ўраню ні кроплі* [Ант1, с. 200].

Феномен беларуска-польскага культурнага ўзаемадзеяння засведчылі сваёй творчай і грамадска-культурнай дзейнасцю многія яскравыя і самабытныя прадстаўнікі гэтага рэгіёну. Адметная роля тут належыць, безумоўна, Адаму Міцкевічу. Пры ўсёй дынамічнасці мастацкай свядомасці паэт-рамантык на працягу многіх гадоў утрымліваў яго ў памяці прыгажосць і рэаліі *краю дзіцячых гадоў* – Літвы, Навагрудчыны, а ўвагу канцэтраваў на важнейшых праблемах нацыянальнага быцця. Прысутнасць Адама Міцкевіча ў культурным космасе беларуска-польскага сумежжа відавочная. Больш таго, яна

неаслабная, бо штогод набірае моц, бо з ёй знітаваны не толькі культура, літаратура, але і ментальнасць народаў, якая паступова і настойліва намацвае контуры гэтай прысутнасці. Усведамлялі гэта ў вышэйшай ступені і польскія паэты XX стагоддзя, многія творы якіх, змешчаныя ў кнізе, зарыентаваны на раскрыццё месца і ролі Адама Міцкевіча ў літаратурным і грамадска-культурным жыцці палякаў на працягу апошніх двух стагоддзяў.

Цытатна і алюзійна суаднесены з творамі Адама Міцкевіча многія радкі анталогіі: *горкія слёзы ліліся, ліліся* (Я. Лехань) – прыгадваюць хрэстаматыйны міцкевічаўскі твор "лазанскага" цыкла «Паліліся мае слёзы» (падхоплены які будзе, дарэчы, і Янкам Купалам); К.Вяжыньскі ў вершы «Над Нёманам» актуалізуе вядомы эпітэт-лейтматыў *О Нёман, хатняя рака…*, а ў вершы «Сэрца на Росях» піша, што шчасце – *радзіцца, як Міцкевіч, трываць, як Ягела*. Радок *пад небам праўд такіх жывых* – зноў-такі алюзія да славутай балады А. Міцкевіча «Рамантычнасць». А цыкл «Беларусь» Л. Падгорскага-Аколава пачынаецца з міцкевічаўскага эпіграфа: *Kiedyż nam Pan Bóg wrócić z wędrowki dozwoli, i znowu dom zameszkać na ojczystej roli...* .

Польскі паэт Станіслаў Баліньскі, бацька якога быў з Беларусі і што, па словах А. Лойкі, прадвызначыла яго глыбінныя сувязі з гэтай зямлёй, малюе ў вершы «Пісьмовы стол Міцкевіча» адзін вечар жыцця пісьменніка, яго напружанай працы. Паэт-рамантык у думках вяртаецца ў Літву, сумуе па Навагрудку, *сон сніць пра Марылю*, згадвае сябра Адынца з часоў *анёльскае маладосці…*

Асаблівае месца ў анталогіі займае верш Юзафа Вітліна «Калядная песня пра Адама Міцкевіча», у якім аўтар выбудоўвае своеасаблівую паралель гісторыі сакральнай і гісторыі асобнага чалавека: пад віфліемскай зоркай Міцкевіча *калыхала Вілія ў струменях ясных*; *у падарунак Радзіму забралі* […] *тры*; *ты, на чужыне ўмёршы, польскі Пілігрыме*; *ты з мёртвых не ўставаў, ды слова тваё ўсцяж не паміра́ла* [Ант1, с. 151]. Трэба таксама прыгадаць два пераклады вершаў Яна Леханя – «Спакутаваны Міцкевіч» і «Смерць Міцкевіча», у якіх аўтар актуалізуе шэраг вобразаў-сімвалаў, увасобленых у творчасці "спакутаванага" паляка-рамантыка: *альтанка*, *срэбнае возера*, *белыя акацыі*, *Марыля…* Польскі аўтар XX стагоддзя праецыраваў і на свой лёс шляхі паэта-пілігрыма. Ян Лехань, узгадваючы апошнія хвіліны жыцця Адама Міцкевіча ўдалечыні ад Радзімы, спрабуе перадаць развітальныя словы паэта: *То ж песня чуваць з-над маёе калыскі, // То ж бачу лілеі, то ж Свіцязі тоні, // Яшчэ б міг адзін, іх крануў бы далонню* [Ант1, с. 172].

Асабліва трэба падкрэсліць паэтыка-стылёвы бок аналізуемых твораў. Польскую паэзію з беларускімі каранямі адрознівае насычанасць лексічнымі і сэнсавымі паўторамі, алітэрацыямі і асанансамі, унутранай рыфмай і адметнай рытмікай, а мелодыка і вобразнасць беларускай песні з'яўляюцца неад'емнай рысай вобразна-мастацкага ладу многіх даследуемых твораў анталогіі (вершы Ю. Чаховіча, К. Ілаковіч, Ю. Вітліна і інш.).

Многія творы паэтаў, змешчаныя ў анталогіі польскай паэзіі XX стагоддзя, сведчаць аб выключна важнай ролі беларускага кампанента ў гісторыка-літаратурным працэсе Польшчы акрэсленага перыяду. Беларускасць як шматаспектная катэгорыя выявілася на розных узроўнях польскай паэзіі XX стагоддзя: тэматычным, вобразным, стылёвым і моўным, набываючы асаблівую пазнавальную, мастацкую і культурную значнасць. Узаемадзеянне і ўзаемапранікненне дзвюх культур, ідэйна-эстэтычных традыцый забяспечылі станаўленне і развіццё асаблівага свету мастацкай вобразнасці ў польскай паэзіі XX стагоддзя.

ЛІТАРАТУРА

1. *Рагойша, В.* Прысутнасць беларускай культуры ў свеце / В. Рагойша // Роднае слова. – 1996. – №12. – С. 153–159.
2. *Мархель, У.І.* Крыніцы памяці. Старонкі беларуска-польскага літаратурнага сумежжа / У.І. Мархель. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 222 с.
3. *Багдановіч, І.Э.* Леанард Падгорскі-Аколаў – міцкевічазнаўца і паэт / І.Э. Багдановіч // Працы кафедры гісторыі беларускае літаратуры Белдзяржуніверсітэта. – Мінск : ВТАА “Права і эканоміка”. 2002. – Вып. 3. – С. 41–46.
4. *Matuszewski, R.* Literatura polska lat 1918–1939 / R. Matuszewski. – Warszawa : Wydaw. Szkolnej Ped., 1985. – 343 s.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

Ант1 – Напярэймы: ад Буга да Варты : анталогія польскай паэзіі XX стагоддзя : у 2 т. / склад.-пер. А. Лойка. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – Т. 1. – 386 с.
Ант2 – Напярэймы: ад Буга да Варты. Анталогія польскай паэзіі XX стагоддзя : у 2 т. / склад.-пер. А. Лойка. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – Т. 2. – 376 с.

The article focuses on functions of Belarusian motives and imagery in the poetry of the Polish authors of the XX century, whose works are included into the anthology “Napiarejmy: od Buga do Warty” (2003) and are devoted to the problems of Belarusian and Polish cultural border. In the article we point out manifestations of Belarusian discourse (autobiographical features, folklorism, creation of new words, imagery, etc.) in the works of the Polish poets of the XX century through a system of spiritual and aesthetic principles.

Поступила в редакцию 18.04.12

НАШИ АВТОРЫ

Анапреенко Наталья Яковлевна – лаборант учебной лаборатории ТСО БГУ. Тел. 327-41-45.

Кожарина Татьяна Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Комалова Лилия Ряшитовна – кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник НИР Московского государственного лингвистического университета. Тел. 8 (499) 245-25-51.

Кохнович Татьяна Константиновна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Кравченко Сергей Юрьевич – сотрудник иностранного ЧПУП «Инвеншион Машин». Электронная почта: info@imb.invention-machine.com

Красник Анна Викторовна – аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Крот Лариса Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Ольшевская Анжелика Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Тел. (8-0152) 74-43-57.

Пасовец Инга Иосифовна – аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Патейчук Наталья Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка с методикой преподавания Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Тел. (8-0162) 23-88-29.

Пахомова Юлия Николаевна – преподаватель кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета. Тел. 272-64-97.

Пищако Татьяна Александровна – аспирант кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Полевая Анна Ильинична – аспирант кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Символокова Татьяна Васильевна – аспирант кафедры лексикологии испанского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.

Толстая Анастасия Анатольевна – преподаватель кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Урбанович Ия Георгиевна – ст. преподаватель кафедры славянских языков МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Хмельницкий Николай Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских литератур БГУ. Тел. 227-63-78.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№3 (58), 2012

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редактор *Л.М. Малинина*
Ст. корректор *С.О. Иванова*
Корректор *Л.И. Печенникова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 25.06.12. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 7,67. Уч.-изд. л. 8,51. Тираж 100 экз. Заказ 23.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172